

ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД (КРИЗИС В НАШЕЙ ПАРТИИ)¹

Написано в феврале — мае 1904 г.

НАПЕЧАТАНО В МАЕ 1904 Г. В ЖЕНЕВЕ

отдельной книгой

Печатается по тексту книги,

сверенному с рукописью и

текстом сборника: Вл. Ильин.

“За 12 лет”, 1907

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда идет продолжительная, упорная, горячая борьба, то по истечении некоторого времени начинают обыкновенно вырисовываться центральные, основные спорные пункты, от решения которых зависит Окончательный исход кампании и по сравнению с которыми все более и более отодвигаются на задний план все и всяческие мелкие и мелочные эпизоды борьбы.

Так обстоит дело и с нашей внутрипартийной борьбой, которая вот уже полгода приковывает к себе внимание всех членов партии. И именно потому, что мне пришлось в предлагаемом читателю очерке всей борьбы касаться многих мелочей, имеющих ничтожный интерес, многих дрызг, не имеющих, в сущности, никакого интереса, именно поэтому мне хотелось бы с самого начала обратить внимание читателя на два действительно центральных, основных пункта, которые представляют громадный интерес, которые имеют несомненное историческое значение и являются самыми насущными политическими вопросами на очереди дня в нашей партии.

Первый такой вопрос — вопрос о политическом значении того деления нашей партии на “большинство” и “меньшинство”, которое сложилось на втором съезде партии и отодвинуло далеко назад все прежние деления русских социал-демократов.

Второй вопрос — вопрос о принципиальном значении позиции новой “Искры” по организационным вопросам, поскольку эта позиция является действительно принципиальной.

Первый вопрос есть вопрос об исходном пункте нашей партийной борьбы, об ее источнике, об ее причинах, об ее основном политическом характере. Второй вопрос есть вопрос о конечных результатах этой борьбы, об ее финале, о том принципиальном итоге, который получается по сложении всего, что относится к области принципов, и по вычитании всего, что относится к области дрызг. Первый вопрос решается анализом борьбы на партийном съезде, второй — анализом нового принципиального содержания новой “Искры”. Тот и другой анализ, составляющий содержание девяти десятых моей брошюры, приводит к выводу, что “большинство” есть революционное, а “меньшинство” — оппортунистическое крыло нашей партии; разногласия, разделяющие то и другое крыло в настоящее время, сводятся, главным образом, не к программным и не к тактическим, а лишь к организационным вопросам; та новая система воззрений, которая тем яснее вырисовывается в новой “Искре”, чем больше старается она углубить свою позицию и чем чище становится эта позиция от дрызг из-за кооптации, есть оппортунизм в организационных вопросах.

Главным недостатком наличной литературы о нашем партийном кризисе является, в

области изучения и освещения фактов, почти полное отсутствие анализа протоколов партийного съезда, а в области выяснения основных принципов организационного вопроса, отсутствие анализа той связи, которая несомненно существует между коренной ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода в формулировке параграфа первого устава и в защите этой формулировки, с одной стороны, и всей “системой” (поскольку тут может быть речь о системе теперешних принципиальных взглядов “Искры” по организационному вопросу. Нынешняя редакция “Искры”, по-видимому, даже не замечает этой связи, хотя значение споров о параграфе первом отмечалось уже много и много раз в литературе “большинства”. В сущности, тов. Аксельрод и тов. Мартов только углубляют теперь, развивают и расширяют свою первоначальную ошибку по параграфу первому. В сущности, уже в спорах о параграфе первом стала намечаться, вся позиция оппортунистов в организационном вопросе: и их защита расплывчатой, не сплоченной крепко партийной организации, и их вражда к идее (“бюрократической” идее) построения партии сверху вниз, исходя из партийного съезда и из созданных им учреждений, и их стремление идти снизу вверх, предоставляя зачислять себя в члены партии всякому профессору, всякому гимназисту и “каждому стачечнику”, и их вражда к “формализму”, требующему от члена партии принадлежности к одной из признанных партией организаций, и их склонность к психологии буржуазного интеллигента, готового лишь “платонически признавать организационные отношения”, и их податливость к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическим фразам, и их тенденция к автономизму против централизма, одним словом, все то, что расцветает теперь пышным цветом в новой “Искре”, все более и более содействуя полному и наглядному выяснению сделанной первоначально ошибки.

Что касается до протоколов партийного съезда, то поистине незаслуженное невнимание к ним может быть объяснено только засорением наших споров дрызгами, да еще, пожалуй, слишком большим количеством слишком горькой правды в этих протоколах. Протоколы партийного съезда дают единственную в своем роде, незаменимую по точности, полноте, всесторонности, богатству и аутентичности, картину действительного положения дел в нашей партии, картину воззрений, настроений и планов, нарисованную самими участниками движения, картину существующих политических оттенков внутри партии, показывающую их сравнительную силу, их взаимоотношение и их борьбу. Именно протоколы партийного съезда и только эти протоколы показывают нам, насколько нам удалось в действительности смести все остатки старых, чисто кружковщинских связей и заменить их единой великой партийной связью. Каждый член партии, если он хочет сознательно участвовать в делах своей партии, обязан тщательно изучать наш партийный съезд, — именно: изучать, потому что одно чтение груды сырого материала, составляющей протоколы, еще не дает картины съезда. Лишь путем тщательного и самостоятельного изучения можно добиться (и должно добиваться) того, чтобы краткие конспекты речей, сухие экстракты из прений, мелкие стычки по мелким (по-видимому, мелким) вопросам слились в нечто цельное, чтобы перед членами партии встала, как живая, фигура каждого выдающегося оратора, выяснилась *вся* политическая физиономия каждой группы _ делегатов партийного съезда. Пишущий эти строки будет считать свою работу не пропавшей даром, если ему удастся дать хотя бы толчок к широкому и самостоятельному изучению протоколов партийного съезда.

Еще одно слово по адресу противников социал-демократии. Они злорадствуют и кривляются, наблюдая наши споры; они постараются, конечно, выдергивать для своих целей отдельные места моей брошюры, посвященной недостаткам и недочетам нашей партии. Русские социал-демократы уже достаточно обстреляны в сражениях, чтобы не смущаться этими шипками, чтобы продолжать, вопреки им, свою работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно и неизбежно будут превзойдены ростом рабочего движения. А господа противники пусть попробуют представить нам картину *действительного* положения дел в их “партиях”, хоть отдаленно приближающуюся к той, которую дают протоколы нашего второго съезда!

Май 1904 года.

а) ПОДГОТОВКА СЪЕЗДА

Существует изречение, что каждый имеет право в течение 24 часов проклинать своих судей. Наш партийный съезд, как и всякий съезд всякой партии, явился тоже судьей некоторых лиц, претендовавших на должность руководителей и потерпевших крушение. Теперь эти представители “меньшинства”, с наивностью, доходящей до умиленности, “проклинают своих судей” и стараются всячески дискредитировать съезд, умалить его значение и авторитетность. Всего рельефнее, пожалуй, выразилось это стремление в статье Практика в № 57 “Искры”, возмущающегося идеей о суверенной “божественности” съезда. Это — такая характерная черточка новой “Искры”, что ее нельзя обойти молчанием. Редакция, состоящая в большинстве своем из лиц, *отвергнутых* съездом, продолжает, с одной стороны, называть себя “партийной” редакцией, а, с другой стороны, открывает объятия лицам, утверждающим, что съезд — не божество. Это мило, не правда ли? Да, господа, съезд, конечно, не божество, но что следует думать о людях, начинающих “разносить” съезд *после того*, как они потерпели на нем поражение?

Припомните, в самом деле, главные факты по истории подготовки съезда.

“Искра” с самого начала, в своем анонсе 1900 года^а, предшествовавшем выпуску газеты, объявила, что, прежде чем объединяться, нам надо размежеваться. “Искра” постаралась превратить конференцию 1902 года² в частное совещание, а не в партийный съезд^б. “Искра” чрезвычайно осторожно действовала летом и осенью 1902 года, возобновляя выбранный на этой конференции Организационный “комитет. Наконец, дело размежевания кончилось, — кончилось по нашему общему признанию. Организационный комитет конституировался в самом конце 1902 г. “Искра” приветствует его упрочение и заявляет, — в редакционной статье № 32, — что созыв партийного съезда дело *самой I настоящей, неотложной надобности*^с. Таким образом, нас всего уже меньше можно упрекнуть в торопливости по отношению к созыву второго съезда. Мы действовали именно по правилу: семь раз отмерь, один отрежь; мы имели полное нравственное право полагаться на товарищей, что после того, как отрезано, они не примутся плакаться и перемеривать.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ ВЫРАБОТАЛ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ТЩАТЕЛЬНЫЙ (ФОРМАЛИСТИЧЕСКИЙ И БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ, СКАЗАЛИ БЫ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПРИКРЫВАЮТ ТЕПЕРЬ ЭТИМИ СЛОВЕЧКАМИ СВОЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ БЕСХАРАКТЕРНОСТЬ) УСТАВ ВТОРОГО СЪЕЗДА, ПРОВЕЛ ЭТОТ УСТАВ ПО ВСЕМ КОМИТЕТАМ И, НАКОНЕЦ, УТВЕРДИЛ ЕГО, ПОСТАНОВИВ МЕЖДУ ПРОЧИМ В § 18: “Все постановления съезда и все произведенные им выборы являются решением партии, обязательным для всех организаций партии. Они никем и ни под каким предлогом не могут быть опротестованы и могут быть отменены или изменены только следующим съездом партии”^д. Не правда ли, как невинны сами по себе эти слова, принятые в свое время молча, как нечто само собою подразумевающееся, и как странно звучат они теперь, точно приговор, изрекаемый над “меньшинством”! С какой целью составлен был подобный параграф? Для соблюдения одной формальности? Конечно, нет. Это постановление казалось необходимым и было действительно необходимо, ибо партия состояла из ряда раздробленных и самостоятельных групп, от которых можно было ждать непризнания съезда. Это постановление выражало собою именно *ДОБРУЮ ВОЛЮ* всех революционеров (о которой так часто и так неуместно говорят л теперь, эфемистически характеризуя термином добрый то, что более заслуживает эпитета капризный). Оно равнялось взаимному *ЧЕСТНОМУ СЛОВУ*, КОТОРОЕ

ДАЛИ ВСЕ РУССКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ. ОНО ДОЛЖНО БЫЛО ГАРАНТИРОВАТЬ, ЧТО ГРОМАДНЫЕ ТРУДЫ, ОПАСНОСТИ, РАСХОДЫ, СВЯЗАННЫЕ СО СЪЕЗДОМ, НЕ ПРОПАДУТ ДАРОМ, ЧТО СЪЕЗД НЕ ПРЕВРАТИТСЯ В КОМЕДИЮ. ОНО ЗАРАНЕЕ КВАЛИФИЦИРОВАЛО ВСЯКОЕ НЕПРИЗНАНИЕ РЕШЕНИЙ И ВЫБОРОВ СЪЕЗДА, КАК НАРУШЕНИЕ ДОВЕРИЯ.

Над кем же смеется новая “Искра”, сделавшая новое открытие, что съезд не божество и решения его не святыня? Содержит ли ее открытие “новые _____

A См. Сочинения, 5 изд., том 4. стр. 354-360. *Ред.*

b См протоколы второго съезда, стр. 20.

c См Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 91—93. *Ред.*

d См. протоколы второго съезда, стр. 22—23 и 380.

организационные взгляды” или только новые попытки замести старые следы?

б) ЗНАЧЕНИЕ ГРУППИРОВОК НА СЪЕЗДЕ

ИТАК, СЪЕЗД БЫЛ СОЗВАН ПОСЛЕ САМОЙ ТЩАТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ, НА НАЧАЛАХ В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ПОЛНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА. ОБЩЕЕ ПРИЗНАНИЕ ПРАВИЛЬНОСТИ СОСТАВА СЪЕЗДА И *БЕЗУСЛОВНОЙ* ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ЕГО РЕШЕНИЙ НАШЛО СЕБЕ ВЫРАЖЕНИЕ И В ЗАЯВЛЕНИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ (СТР. 54 ПРОТОКОЛОВ) ПОСЛЕ КОНСТИТУИРОВАНИЯ СЪЕЗДА.

В чем же состояла главная задача съезда В создании) *действительной* партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны “Искрой”. Что именно в этом направлении съезд должен был работать, это было предрешено трехлетней деятельностью “Искры” и ее признанием со стороны большинства комитетов. Исковская программа и направление должны были стать программой и направлением партии, исковские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии. Но само собою разумеется, что такой результат не мог быть достигнут без борьбы: полнота представительства на съезде обеспечила присутствие на нем и таких организаций, которые вели решительную борьбу с “Искрой” (Бунд и “Рабочее Дело”), и таких, которые, признавая “Искру” руководящим органом на словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении (группа “Южного рабочего” и примыкающие к ней делегаты некоторых комитетов). При таких условиях съезд не мог не превратиться в *арену борьбы за победу исковского направления*. Что съезд и был на самом деле такой борьбой, — это сразу станет ясно для всякого, кто сколько-нибудь внимательно прочтет его протоколы. Наша же задача теперь состоит в том, чтобы детально проследить главнейшие группировки, обнаружившиеся по разным вопросам на съезде, и восстановить, по точным данным протоколов, политическую физиономию каждой из основных групп съезда. Что именно представляли из себя те группы, те направления и те оттенки, которым предстояло на съезде слиться, под руководством “Искры”, в единую партию? — вот что должны мы показать анализом прений и голосований. Выяснение этого обстоятельства имеет кардинальную важность и для изучения того, чем являются на деле наши социал-демократы, и для понимания причин расхождения. Вот почему я в своей речи на съезде Лиги и в своем письме в редакцию новой “Искры” выдвигал на первый план именно анализ различных группировок^a. Мои оппоненты из представителей “меньшинства” (и Мартов во главе их) совершенно не поняли сущности вопроса. На съезде Лиги они ограничивались частичными поправками, “оправдываясь” от того обвинения в повороте к оппортунизму, которое было против них выдвинуто, и не пытались даже нарисовать, в противовес мне, *хоть какую-нибудь другую* картину группировок на съезде. Теперь в “Искре” (№ 56) Мартов пытается выставить все попытки точно отграничить различные политические группы на съезде — простым “кружковым политиканством”. Сильно сказано, тов. Мартов! Но сильные слова новой “Искры” имеют

одно оригинальное свойство: стоит точно воспроизвести все перипетии расхождения, начиная со съезда, и все эти сильные слова обращаются *целиком и прежде всего* против теперешней редакции. Оглянитесь-ка на себя, гг. так называемые партийные редакторы, поднимающие вопрос о кружковом политиканстве!

Мартову до такой степени неприятны теперь факты пашей борьбы на съезде, что он старается совершенно затушевать их. “Искровец, — говорит он, — это тот, кто на съезде партии и до него выражал свою полную солидарность с “Искрой”, отстаивал ее программу и ее организационные взгляды и поддерживал ее организационную политику. На съезде таких искровцев было свыше сорока — столько голосов было подано за программу “Искры” и за резолюцию о признании “Искры” Центральным Органом партии”. Откройте протоколы съезда, и вы увидите, что программа принята *всеми* (стр. 233), кроме воздержавшегося Акимова. Тов. Мартов хочет, таким образом, уверить нас, что и бундовцы, и Брукэр, и Мартынов *доказали* свою “полную солидарность” с “Искрой” и *отстаивали* ее организационные взгляды! Это смешно. Превращение *после* съезда *всех* его участников в

---

^a См настоящий том, стр. 41—52, 98—104. *Ред.*

равноправных членов партии (да и то не всех, ибо бундовцы ушли) смешивается здесь с той группировкой, которая вызывала борьбу *на* съезде. Изучение того, *из каких элементов* сложилось после съезда “большинство” и “меньшинство”, подменяется официальной фразой: признали программу!

Возьмите голосование о признании “Искры” Центральным Органом. Вы увидите, что именно Мартынов, которому тов. Мартов со смелостью, достойной лучшею дела, приписывает теперь отстаиванье организационных взглядов и организационной политики “Искры”, настаивает на отделении двух частей резолюции: голого признания “Искры” ЦО и признания ее заслуг. При голосовании первой части резолюции (признание заслуг “Искры”, выражение *солидарности* с нею) за — подано *только 35 голосов*, два — против (Акимов и Брукэр) и одиннадцать воздержались (Мартынов, пять бундовцев и пять голосов редакции: по два у меня и у Мартова и один у Плеханова). Группа антиискровцев (пять бундовцев и три рабочедельца) обнаруживается, следовательно, с полной ясностью и здесь, на этом, самом выгодном для теперешних взглядов Мартова и им самим выбранном примере. Возьмите голосование за вторую часть резолюции — признание “Искры” Центральным Органом без всякой мотивировки и без выражения солидарности (страница 147 протоколов): *за* подано 44-голоса, которые и причисляются нынешним Мартовым к искровцам. Всего был 51 голос; за вычетом пяти голосов воздержавшихся редакторов остается 46; два голосовали *против* (Акимов и Брукэр); в число остальных 44 входят, следовательно, *все пять бундовцев*. Итак, бундовцы на съезде “выражали полную солидарность с “Искрой”” — так пишется официальная история официальной “Искрой”! Забегая вперед, объясни” читателю истинные мотивы этой официальной правды: нынешняя редакция “Искры” могла бы быть и была бы партийной редакцией на деле (а не quasi^a-партийной, как теперь), *если бы бундовцы и рабочедельцы не ушли со съезда*; вот почему этих вернейших стражей теперешней так называемой партийной редакции и надо было возвести в “искровцев”. Но об этом подробно после.

Спрашивается далее: если съезд представлял из себя борьбу искровских и антиискровских элементов, то не было ли промежуточных, неустойчивых элементов, которые колебались между теми и другими? Всякий, сколько-нибудь знакомый с нашей партией и с обычной физиономией всяких съездов, уже a priori^b склонен будет ответить на этот вопрос утвердительно. Тов. Мартову очень не хочется теперь вспоминать об этих неустойчивых элементах, и он изображает группу “Южного рабочего” с тяготеющими к ней делегатами, как типичных искровцев, а разногласия наши с ними ничтожными и неважными.

К счастью, теперь перед нами лежит полный текст протоколов, и мы можем разрешить этот вопрос — вопрос факта, разумеется, — на основании документальных данных. То, что мы сказали выше об общей группировке на съезде, конечно, не претендует на решение этого вопроса, а лишь на правильную постановку его.

Без анализа политических группировок, без картины съезда, как борьбы таких-то оттенков, нельзя ничего понять в нашем расхождении. Попытка Мартова смазать различие оттенков путем причисления даже бундовцев к искровцам есть простое уклонение от вопроса. А ргіогі уже, на основании истории русской социал-демократии до съезда, намечаются (для дальнейшей проверки и детального изучения) три главные группы: искровцев, антиискровцев и неустойчивых, колеблющихся, шатких элементов.

в) НАЧАЛО СЪЕЗДА. — ИНЦИДЕНТ

С ОРГАНИЗАЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ

Анализ прений и голосований на съезде всего удобнее вести в порядке заседаний съезда, чтобы последовательно отмечать все более и более обрисовывающиеся политические оттенки. Лишь тогда, когда это безусловно необходимо, будут делаться отступления от хронологического порядка для совместного рассмотрения тесно связанных вопросов или однородных группировок. В интересах беспристрастия мы будем стараться отмечать *все*

А — мнимо. *Ред.*

б — заранее. *Ред.*

главнейшие голосования, опуская, конечно, массу вотировок по мелочам, которые заняли у нашего съезда непомерное количество времени (отчасти вследствие нашей неопытности и неумения распределить материал между комиссионными и пленарными заседаниями, отчасти вследствие проволочек, граничивших с обструкцией).

Первым вопросом, который вызвал дебаты, начинающие обнаруживать различие оттенков, был вопрос о постановке на первое место (в “порядке дня” съезда) пункта: “положение Бунда в партии” (стр. 29—33 протоколов). С точки зрения Искровской, которую защищали Плеханов, Мартов, Троцкий и я, не могло быть никаких сомнений на этот счет. Уход Бунда из партии показал воочию правильность наших соображений: если Бунд не хотел идти вместе с нами и признать те организационные начала, которые разделяло, вместе с “Искрой”, большинство партии, — то было бесполезно и бессмысленно “делать вид”, что мы идем вместе, и только затягивать съезд (как затягивали его бундовцы). Вопрос был уже выяснен вполне в литературе, и для всякого сколько-нибудь вдумчивого члена партии было очевидно, что остается только открыто поставить вопрос и прямо, честно сделать выбор: автономия (идем вместе) или федерация (расходимся).

Уклончивые во всей своей политике, бундовцы пожелали уклониться и тут, оттягивая вопрос. К ним присоединяется тов. Акимов, выдвигающий сразу, видимо от лица всех сторонников “Рабочего Дела”, организационные разногласия с “Искрой” (стр. 31 протоколов). На сторону Бунда и “Рабочего Дела” становится тов. Махов (два голоса Николаевского комитета, незадолго перед тем выразившего свою солидарность с “Искрой”!). Для тов. Махова вопрос совершенно неясен, а “большим местом” он считает и “вопрос о демократическом устройстве или, наоборот (это заметьте!), о централизме” — точь-в-точь, как большинство теперешней нашей “партийной” редакции, которое на съезде не заметило еще этого “больного места”!

Итак, против искровцев выступает Бунд, “Рабочее Дело” и тов. Махов, имеющие вместе как раз те десять голосов, которые и поданы были против нас (стр. 33). За

ПОДАНО 30 ГОЛОСОВ — ЦИФРА, ОКОЛО КОТОРОЙ, КАК УВИДИМ НИЖЕ, ЧАСТО КОЛЕБЛЮТСЯ ГОЛОСА ИСКРОВЦЕВ. ОДИННАДЦАТЬ ГОЛОСОВ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, ВОЗДЕРЖАЛИСЬ — ВИДИМО, НЕ СТАНОВЯСЬ НА СТОРОНУ НИ ТОЙ, НИ ДРУГОЙ ИЗ БОРЮЩИХСЯ “ПАРТИЙ”: ИНТЕРЕСНО ОТМЕТИТЬ, ЧТО КОГДА МЫ ГОЛОСОВАЛИ § 2 УСТАВА БУНДА (ОТКЛОНЕНИЕ ЭТОГО § 2 ВЫЗВАЛО УХОД БУНДА ИЗ ПАРТИИ), ТО ВОТИРОВАВШИХ ЗА § 2 И ВОЗДЕРЖАВШИХСЯ ОКАЗАЛОСЬ ТОЖЕ ДЕСЯТЬ ГОЛОСОВ (СТР. 289 ПРОТОКОЛОВ), ПРИЧЕМ ВОЗДЕРЖИВАЛИСЬ ИМЕННО ТРОЕ РАБОЧЕДЕЛЬЦЕВ (БРУКЭР, МАРТЫНОВ И АКИМОВ) И ТОВ. МАХОВ. ОЧЕВИДНО, ЧТО ГОЛОСОВАНИЕ ПО ВОПРОСУ О МЕСТЕ ВОПРОСА О БУНДЕ ДАЛО НЕ СЛУЧАЙНУЮ ГРУППИРОВКУ. ОЧЕВИДНО, ЧТО НЕ ТОЛЬКО ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ, А И ПО СУЩЕСТВУ РАСХОДИЛИСЬ С “ИСКРОЙ” ВСЕ ЭТИ ТОВАРИЩИ. СО СТОРОНЫ “РАБОЧЕГО ДЕЛА” ЭТО РАСХОЖДЕНИЕ ПО СУЩЕСТВУ ЯСНО ДЛЯ ВСЯКОГО, А ТОВ. МАХОВ БЕСПОДОБНО ОХАРАКТЕРИЗОВАЛ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ В РЕЧИ ПО ПОВОДУ УХОДА БУНДА (СТР. 289—290 ПРОТ.). НА ЭТОЙ РЕЧИ СТОИТ ОСТАНОВИТЬСЯ. ТОВ. МАХОВ ГОВОРIT, ЧТО ПОСЛЕ РЕЗОЛЮЦИИ, КОТОРАЯ ОТВЕРГЛА ФЕДЕРАЦИЮ, “ВОПРОС О ПОЛОЖЕНИИ БУНДА В РСДРП ДЛЯ НЕГО ИЗ ВОПРОСА ПРИНЦИПАЛЬНОГО СТАНОВИЛСЯ ВОПРОСОМ РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШЕЙСЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ; ЗДЕСЬ Я, — ПРОДОЛЖАЕТ ОРАТОР, — НЕ МОГ НЕ СЧИТАТЬСЯ СО ВСЕМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ, КАКИЕ МОГУТ ЯВИТЬСЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ НАШЕГО ГОЛОСОВАНИЯ, И ПОТОМУ ВОТИРОВАЛ БЫ ЗА ПУНКТ ВТОРОЙ В ЦЕЛОМ”. ТОВ. МАХОВ ПРЕКРАСНО УСВОИЛ СЕБЕ ДУХ “РЕАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ”: ПРИНЦИПАЛЬНО ОН УЖЕ ОТВЕРГ ФЕДЕРАЦИЮ, А ПОЭТОМУ НА ПРАКТИКЕ ОН ВОТИРОВАЛ БЫ ЗА ТАКОЙ ПУНКТ УСТАВА, КОТОРЫЙ ПРОВОДИТ ЭТУ ФЕДЕРАЦИЮ! И ЭТОТ “ПРАКТИЧНЫЙ” ТОВАРИЩ ПОЯСНЯЕТ СВОЮ ГЛУБОКО ПРИНЦИПАЛЬНУЮ ПОЗИЦИЮ СЛЕДУЮЩИМИ СЛОВАМИ: “НО (ЗНАМЕНИТОЕ ЩЕДРИНСКОЕ “НО”!), ТАК КАК ТО ИЛИ ИНОЕ МОЕ ГОЛОСОВАНИЕ ИМЕЛО ЛИШЬ ПРИНЦИПАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР (!!)) И НЕ МОГЛО НОСИТЬ ХАРАКТЕРА ПРАКТИЧЕСКОГО, ВВИДУ ПОЧТИ ЕДИНОГЛАСНОГО ГОЛОСОВАНИЯ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА, ТО Я ПРЕДПОЧЕЛ ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ ГОЛОСОВАНИЯ, ЧТОБЫ ПРИНЦИПАЛЬНО”... (УПАСИ НАС, ГОСПОДИ, ОТ ЭТАКОЙ ПРИНЦИПАЛЬНОСТИ!)... “ОТТЕНИТЬ РАЗЛИЧИЕ СВОЕЙ ПОЗИЦИИ В ДАННОМ СЛУЧАЕ ОТ ПОЗИЦИИ, ЗАЩИЩАЕМОЙ ДЕЛЕГАТАМИ БУНДА, ГОЛОСОВАВШИМИ ЗА ПУНКТ. ОБРАТНО, Я ВОТИРОВАЛ БЫ ЗА ЭТОТ ПУНКТ, ЕСЛИ БЫ ДЕЛЕГАТЫ БУНДА ВОЗДЕРЖАЛИСЬ ОТ ГОЛОСОВАНИЯ ЕГО, НА ЧЕМ ОНИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО НАСТАИВАЛИ”. ПОЙМИ, КТО МОЖЕТ! ПРИНЦИПАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ВОЗДЕРЖИВАЕТСЯ ОТ ТОГО, ЧТОБЫ ГРОМКО СКАЗАТЬ: ДА, ИБО ЭТО ПРАКТИЧЕСКИ БЕСПОЛЕЗНО, КОГДА ВСЕ ГОВОРЯТ: НЕТ.

Вслед за голосованием по вопросу о месте вопроса о Бунде, на съезде выплыл вопрос о группе “Борьба”, приведший тоже к чрезвычайно интересной группировке и тесно связанный с самым “больным” вопросом съезда, вопросом о личном составе центров. Комиссия по определению состава съезда высказывается против приглашения группы “Борьба”, согласно *двукратно* решению Организационного комитета (см. стр. 383 и 375 прот.) и докладу *его представителей в комиссии* (стр. 35).

Тов. Егоров, *член ОК*, заявляет, что “вопрос о “Борьбе” (заметьте: о “Борьбе”, а не о том или ином ее члене) для него новый”, и просит перерыва. Каким образом для члена ОК мог быть новым вопрос, дважды решенный ОК, остается покрытым мраком неизвестности. Во время перерыва происходит заседание ОК (стр. 40 прот.) в том его составе, который случайно находился на съезде (несколько членов ОК из старых членов организации “Искры” на съезде отсутствовало)^а. Начинаются прения о “Борьбе”. Рабочедельцы высказываются за (Мартынов, Акимов и Брукэр, стр. 36—38). Искровцы Павлович, Сорокин, Ланге, Троцкий, Мартов и др.) — против. Съезд разделяется опять в знакомой уже нам группировке. Борьба из-за “Борьбы” завязывается упорная, и тов. Мартов выступает с особенно обстоятельной (стр. 38) и “боевой” речью, в которой указывает справедливо на “неравномерность представительства” русских и заграничных групп, на то, что едва ли “хорошо” было бы давать заграничной группе “привилегию” (золотые слова, особенно поучительные теперь, с точки зрения событий, бывших после съезда!), что не следует поощрять “организационного хаоса в партии, который характеризовался дроблением, не вызываемым никакими

принципиальными соображениями” (не в бровь, а в глаз... — “меньшинству” нашего партийного съезда!). Кроме сторонников “Рабочего Дела” *никто* открыто и мотивированно не выступает за “Борьбу” вплоть до закрытия списка ораторов (стр. 40): надо отдать справедливость тов. Акимову и его друзьям, что они, по крайней мере, не виляли и не прятались, а открыто вели свою линию, открыто говорили о том, чего хотели.

После закрытия списка ораторов, когда *по существу* высказываться уже нельзя, тов. Егоров “настоятельно требует, чтобы было выслушано постановление ОК, принятое только что”. Неудивительно, что члены съезда возмущены таким приемом, и тов. Плеханов, как председатель, выражает свое “недоумение, как может тов. Егоров настаивать на своем требовании”. Казалось бы, одно из двух: или высказываться открыто и определенно по существу вопроса перед всем съездом, или не высказываться вовсе. Но дать закрыть список ораторов и затем, под видом “заключительного слова”, преподнести съезду *новое* постановление ОК — именно по обсуждавшемуся вопросу — это равносильно удару из-за угла!

Заседание возобновляется после обеда, и бюро, продолжающее недоумевать, решает отступить от “формальности” и прибегнуть к последнему, на съездах лишь в крайних случаях употребительному средству “товарищеского объяснения”. Представитель ОК, Попов, сообщает постановление ОК, принятое всеми его членами против одного, Павловича (стр. 43), и предлагающее съезду пригласить Рязанова.

Павлович заявляет, что он отрицал и отрицает законность собрания ОК, что *НОВОЕ* ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОК “ПРОТИВОРЕЧИТ ЕГО ПРЕЖНЕМУ РЕШЕНИЮ”. Заявление производит бурю. Тов. Егоров, тоже член ОК и член группы “Южного рабочего”, уклоняется от ответа по существу и хочет перенести центр тяжести на вопрос о дисциплине. Тов. Павлович будто бы нарушил партийную дисциплину (!), ибо ОК, обсудив протест Павловича, решил “не доводить до сведения съезда отдельное мнение Павловича”. Дебаты переносятся на вопрос о партийной дисциплине, и Плеханов назидательно разъясняет тов. Егорову, при шумных аплодисментах съезда, что “ИМПЕРАТИВНЫХ МАНДАТОВ У НАС НЕТ” (стр. 42, сравни стр. 379, устав съезда, § 7: “Депутаты не должны быть ограничены в своих полномочиях императивными мандатами. В отправлении своих полномочий они совершенно свободны и независимы”). “Съезд есть самая высшая партийная инстанция”, и, следовательно, нарушает партийную дисциплину и устав съезда именно тот, кто стесняет чем бы то ни было обращение любого делегата ПРЯМО К

---

^а О заседании атом см “Письмо” Павловича, члена ОК и *единогласно* выбранного до съезда доверенным лицом редакции, ее седьмым членом (прот. Лиги, стр. 44).

съезду по *всем*, без исключения и изъятия, вопросам партийной жизни. Спорный вопрос сводится, таким образом, к дилемме: кружковщина или партийность? Ограничение прав делегатов на съезде во имя воображаемых прав или уставов разных коллегий и кружков, или *полное*, не на словах только, а на деле, распускание *всех* низших инстанций и старых группок перед съездом впредь до создания действительно партийных должностных учреждений. Читатель видит уже отсюда, какую громадную принципиальную важность имел этот спор в самом начале съезда (третье заседание), поставившего себе целью фактически восстановить партию. На этом споре сконцентрировался, так сказать, конфликт старых кружков и группок (вроде “Южного рабочего”) с возрождающейся партией. И антиискровские группы сейчас же обнаруживают себя: и бундовец Абрамсон, и тов. Мартынов, горячий союзник нынешней редакции “Искры”, и наш знакомый тов. Махов — все они высказываются за Егорова и группу “Южного рабочего” против Павловича. Тов. Мартынов, щеголяющий теперь, наперерыв с Мартовым и Аксельродом, организационным

“демократизмом”, вспоминает даже... армию, где можно апеллировать к высшей инстанции только чрез посредство низшей!! "Истинный смысл этой “компактной” антиискровской оппозиция был совершенно ясен для всякого, кто был на съезде или кто следил внимательно за внутренней историей нашей партии до съезда. Задача оппозиции (может быть, даже не всегда всеми ее представителями сознаваемая, а иногда отстаиваемая по инерции) состояла в том, чтобы оградить независимость, особенность, приходские интересы мелких группок от поглощения их широкой партией, созидаемой на искровских началах.

Именно с этой точки зрения подошел к вопросу и тов. Мартов, тогда еще не успевший объединиться с Мартыновым. Тов. Мартов решительно ополчается, и справедливо ополчается, против тех, кто “в представлении о партийной дисциплине не идет дальше обязанностей революционера к той группе *нижего* порядка, в которую ел входит”. “Никакая *принудительная* (курсив Мартова) группировка внутри единой партии недопустима”, — разъясняет Мартов поборникам кружковщины, не предвидя того, как бичует он этими словами свое собственное политическое поведение в конце съезда и после него... Принудительная группировка не допустима для ОК, но допустима вполне для редакции. Принудительная группировка осуждается Мартовым, смотрящим из центра, и отстаивается Мартовым с того самого момента, когда он оказался недовольным составом центра...

Интересно отметить факт, что тов. Мартов в своей речи особенно подчеркнул, кроме “огромной ошибки” тов. Егорова, обнаруженную ОК политическую неустойчивость. “От имени ОК, — справедливо негодовал Мартов, — внесено предложение, *идущее вразрез с докладом комиссии (основанным, добавим от себя, на докладе членов ОК: стр. 43, слова Кольцова) и с предыдущими предложениями ОК*” (курсив мой). Как видите, Мартов ясно понимал *тогда*, до своего “поворота”, что замена “Борьбы” Рязановым нисколько не устраняет полнейшей противоречивости и шаткости действий ОК (из протоколов съезда Лиги, стр. 57, члены партии могут узнать, как представлялось дело Мартову после его поворота). Мартов не ограничился тогда разбором вопроса о дисциплине; он прямо спросил также ОК: “что случилось нового, чтобы сделать нужной *переделку?*” (курсив мой). В самом деле, ведь ОК, внося свое предложение, не имел даже достаточно мужества, чтобы защищать свое мнение открыто, как защищали его Акимов и др. Мартов опровергает это (прот. Лиги, стр. 56), но читатели протоколов съезда увидят, что Мартов ошибается. Попов, вносящий предложение от имени ОК, *ни слова* не говорит о мотивах (стр. 41 прот. съезда партии). Егоров передвигает вопрос на пункт о дисциплине, а по существу говорит лишь: “у ОК могли явиться новые соображения”... (но явились ли и какие? — неизвестно)... “он мог забыть внести кого-нибудь и т. д.”. (Это “и т. д.” — единственное прибежище оратора, ибо ОК не мог *забыть* дважды обсуждавшегося им до съезда и раз перед комиссией вопроса о “Борьбе”). “ОК принял это решение не потому, что изменил свое отношение к группе “Борьба”, но потому, что хочет устранить лишние камни на пути будущей центральной организации партии при первых шагах ее деятельности”. Это — не мотивировка, а именно уклонение от мотивировки. Всякий искренний социал-демократ (а мы не допускаем и сомнения в искренности кого бы то ни было из участников съезда) заботится об устранении того, что *он считает* подводным камнем, об устранении *теми способами*, какие *он признает* целесообразными. Мотивировать — значит объяснить и точно высказать свой взгляд на вещи, а не отделаться трюизмом. И мотивировать *нельзя бы было*, не “изменяя своего отношения к “Борьбе””, потому что прежние, противоположные решения ОК тоже заботились об устранении подводных камней, но видели эти “камни” как раз в обратном. Тов. Мартов и напал чрезвычайно резко и чрезвычайно основательно на этот довод, назвав его “*мелкими и вызванным желанием “отговариваться”*”, дав совет ОК “*не бояться того, что люди скажут*”. Этими словами тов. Мартов превосходно охарактеризовал суть и смысл того политического оттенка, который сыграл громадную роль на съезде и который отличается именно несамостоятельностью, мелкостью, отсутствием своей линии, боязнью того, что скажут люди, вечным колебанием между обеими определенными сторонами,

боязнью открытого изложения своего *credo*^a, — одним словом “болотностью”^b.

Эта политическая бесхарактерность неустойчивой группы привела, между прочим, к тому, что *никто*, кроме бундовца Юдина (стр. 53), так и не внес на съезд резолюции о приглашении одного из членов группы “Борьба”. Вотировали за резолюцию Юдина пять голосов — очевидно, все бундовцы: колеблющиеся элементы еще раз переметнулись! Как велико было приблизительно число голосов средней группы, показали вотировки резолюций Кольцова и Юдина по этому вопросу: за искровцем шло 32 голоса (стр. 47), за бундовцем — 16, т. е., кроме восьми антиискровских голосов, два голоса тов. Махова (ср. стр. 46), четыре голоса членов группы “Южного рабочего” и еще два голоса. Мы покажем сейчас, что такое распределение отнюдь нельзя считать случайным, но сначала отметим вкратце *теперешнее* мнение Мартова об этом инциденте с ОК. Мартов утверждал в Лиге, что “Павлович и другие раздували страсти”. Достаточно справиться с протоколами съезда, чтобы видеть, что самые обстоятельные, горячие и резкие речи против “Борьбы” и ОК принадлежат самому Мартову. Пытаясь свалить “вину” на Павловича, он только демонстрирует свою неустойчивость: до съезда именно Павловича он выбирал седьмым в редакцию, на съезде вполне присоединился к Павловичу (стр. 44) против Егорова, а потом, потерпев поражение от Павловича, начинает обвинять его в “раздувании страстей”. Это только смешно.

В “Искре” (№ 56) Мартов иронизирует по поводу того, что придается важное значение вопросу о приглашении икса или игрека. Ирония эта обращается опять против Мартова, ибо именно инцидент с ОК послужил завязкой к спорам о таком “важном” вопросе, как приглашена икса или игрека в ЦК и в ЦО. Нехорошо это — мерит! на два разных аршина, смотря по тому, своей ли “группы низшего порядка” (по отношению к партии) касается дело или *чужой*. Это именно обывательщина и кружковщина, а не партийное отношение к делу. Простое сопоставление речи Мартова в Лиге (стр. 57) с речью на съезде (стр. 44) достаточно доказывает это. “Мне непонятно, — сказал Мартов, между прочим, в Лиге, — как это люди в одно и то же время ухитряются называть себя во что бы то ни стало искровцами и — стыдятся быть искровцами”. Странное непонимание различия между “называть себя” и “быть”, между словом и делом. Сам Мартов на съезде *называл себя* противником принудительных группировок, а после съезда *был* их сторонником...

г) РАСПУЩЕНИЕ ГРУППЫ “ЮЖНОГО РАБОЧЕГО”

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕЛЕГАТОВ В ВОПРОСЕ ОБ ОК МОГЛО БЫ ПОКАЗАТЬСЯ, ПОЖАЛУЙ, СЛУЧАЙНЫМ. НО ТАКОЕ МНЕНИЕ БЫЛО БЫ ОШИБОЧНЫМ, И ЧТОБЫ УСТРАНИТЬ ЕГО, МЫ ОТСТУПИМ ОТ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА И РАССМОТРИМ СЕЙЧАС ЖЕ ИНЦИДЕНТ, ИМЕВШИЙ МЕСТО В КОНЦЕ СЪЕЗДА, НО САМЫМ ТЕСНЫМ ОБРАЗОМ СВЯЗАННЫЙ С ПРЕДЫДУЩИМ. ИНЦИДЕНТ ЭТОТ — РАСПУЩЕНИЕ ГРУППЫ “ЮЖНОГО РАБОЧЕГО”. ПРОТИВ

---

^a СИМВОЛ ВЕРЫ, ПРОГРАММА, ИЗЛОЖЕНИЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЯ. *Ред.*

^b У вас есть теперь в партии люди, которые, слыша это слово, приходят в ужас и кричат о нетоварищеской полемике. Странное извращение чутья под влиянием официальности, не к месту применяемой! Едва ли хоть одна политическая партия, знающая внутреннюю борьбу, обходилась. Без этого термина, которым всегда обозначают неустойчивые элементы, колеблющиеся между борцами. И немцы, умеющие двигать внутреннюю борьбу в превосходно выдержанные рамки, не обижаются по поводу слова “*versumpft*” (— “болотный”. *Ред.*) и не приходят в ужас, не проявляют смешной официальной *pruderie* (— лицемерной стыдливости, ханжества. *Ред.*)

искровских организационных тенденций — полного сплочения партийных сил и устранения дробящего силы хаоса — выступили здесь интересы *одной* из групп, которая делала полезное дело при отсутствии настоящей партии и которая стала излишней при

централистической постановке работы. Во имя интересов кружка — группа “Южного рабочего” с неменьшим правом, чем старая редакция “Искры”, могла претендовать на сохранение “преемственности” и на свою неприкосновенность. Во имя интересов партии — группа эта должна была подчиниться перемещению ее сил в “соответствующие партийные организации” (стр. 313, конец резолюции, принятой съездом). С точки зрения интересов кружка и “обывательщины” не могло не казаться щекотливым” (выражение тов. Русова и тов. Дейча) распускание полезной группы, которая так же не хотела этого, как не хотела и старая редакция “Искры”. С точки зрения интересов партии являлось необходимым распускание, “растворение” (выражение Гусева) в партии. Группа “Южного рабочего” прямо заявила, что она же находит нужным” объявить себя распушенной и требует, чтобы “съезд решительно заявил свое мнение” и притом “немедленно: да или нет”. Группа “Южного рабочего” прямо ссылаясь на ту самую “преемственность”, к которой стала апеллировать старая редакция “Искры”... после ее распускания! “Хотя все мы поодиночке составляем единую партию, — сказал тов. Егоров, — но она все-таки состоит из целого ряда организаций, с которыми приходится считаться, как с *историческими величинами*... Если подобная организация *не вредна партии, то ее не к чему распускать*”.

Таким образом, важный *принципиальный* вопрос был поставлен совершенно определенно, и все искровцы — покуда еще интересы их собственной кружковщины не выплывали вперед — решительно встали против неустойчивых элементов (бундовцы и двое из рабочедельцев в это время уже не были на съезде; они несомненно стояли бы горой за необходимость “считаться с историческими величинами”). Голосование дало *31 за*, пять против и пять воздержавшихся (четыре голоса членов группы “Южного рабочего” и еще один, вероятно, Белова, судя по его прежним заявлениям, стр. 308). Группа в *десять голосов*, относящаяся резко отрицательно к последовательному организационному плану “Искры” и отстаивающая кружковщину против партийности, обрисовывается с полной определенностью. В дебатах искровцы ставят этот вопрос именно принципиально (см. речь Ланге, стр. 315), высказываясь против кустарничества и разброда, отказываясь считаться с “симпатиями” отдельных организаций, говоря прямо, что “если бы товарищи из “Южного рабочего” держались более принципиальной точки зрения раньше, еще год или два тому назад, то дело объединения партии и торжество тех начал программы, которые мы здесь санкционировали, было бы достигнуто раньше”. В этом духе высказываются и Орлов, и Гусев, и Лядов, и Муравьев, и Русов, и Павлович, и Глебов, и Горин. Искровцы из “меньшинства” не только не восстают! против этих, неоднократно поднимавшихся на съезде, определенных указаний на недостаточно принципиальную политику и “линию” “Южного рабочего”, Махова и других, не только не делают каких-либо оговорок на этот счет, а напротив, в лице Дейча, решительно присоединяются к ним, осуждая “хаос” и приветствуя “прямую постановку вопроса” (стр. 315) того самого тов. Русова, который в *этом же заседании* имел — о ужас! — дерзость “прямо поставить” и вопрос о старой редакции на чисто партийную почву (стр. 325).

Со стороны группы “Южного рабочего” вопрос об ее распусчении вызвал страшное возмущение, следы которого есть и в протоколах (надо не забывать, что протоколы дают лишь бледную картину прений, ибо, вместо полных речей, они приводят самые сжатые конспекты и экстракты). Тов. Егоров назвал даже “ложью” простое упоминание имени группы “Рабочая мысль”³ наряду с “Южным рабочим” — характерный образчик того, какое отношение к последовательному экономизму господствовало на съезде. Егоров даже гораздо позже, в 37-ом заседании, говорит о распусчении “Южного рабочего” с величайшим раздражением (стр. 356), прося занести в протокол, что при обсуждении вопроса об “Южном рабочем” членов этой группы не спрашивали ни о средствах на издание, ни о контроле ЦО и ЦК. Тов. Попов намекает во время прений о “Южном рабочем” на компактное большинство, как бы предрешившее вопрос об этой группе. “*Теперь*, — говорит он (стр. 316), — *все, после речей тов. Гусева и Орлова, ясно*”. Смысл этих слов несомненен: теперь, когда искровцы

высказались и предложили резолюцию, все ясно, т. е. ясно, что “Южный рабочий” будет распущен, вопреки его воле. Представитель “Южного рабочего” сам отделяет здесь искровцев (и притом таких, как Гусева и Орлова) от своих сторонников, как представителей разных “линий” организационной политики. И когда теперешняя “Искра” выставляет группу “Южного рабочего” (а также, вероятно, Махова?) “типичными искровцами”, то это лишь наглядно показывает забвение самых крупных (с точки зрения этой группы) событий съезда и желание новой редакции замести следы, указывающие, из каких элементов создалось так называемое “меньшинство”.

К сожалению, на съезде не поднялось вопроса о популярном органе. Все искровцы чрезвычайно оживленно обсуждали этот вопрос и до съезда и во время съезда вне заседаний, соглашаясь в том, что в настоящий момент партийной жизни предпринимать издание такого органа или превращать в него один из существующих чрезвычайно нерационально. Антиискровцы высказались на съезде в противоположном смысле, группа “Южного рабочего” тоже в своем докладе, и только случайностью или нежеланием поднимать “безнадежный” вопрос можно объяснить, что за подписью десяти лиц не было внесено соответствующей резолюции.

д) ИНЦИДЕНТ С РАВНОПРАВИЕМ ЯЗЫКОВ

Вернемся к порядку заседаний съезда.

Мы убедились теперь, что еще до перехода к обсуждению вопросов по существу на съезде ясно обнаружилась не только совершенно определенная группа антиискровцев (8 голосов), но и группа промежуточных, неустойчивых элементов, готовых поддержать эту восьмерку и увеличить ее приблизительно до 16—18 голосов.

Вопрос о месте Бунда в партии, обсуждавшийся на съезде чрезвычайно, чересчур подробно, свелся к решению принципиального тезиса, практическое же решение было отложено до обсуждения организационных отношений. Ввиду того, что в литературе до съезда довольно много места было уделено разъяснению относящихся сюда тем, на съезде обсуждение дало мало сравнительно нового. Нельзя не заметить только, что сторонники “Рабочего Дела” (Мартынов, Акимов и Брукэр), соглашаясь с резолюцией Мартова, оговаривали, что признают ее недостаточность и расходятся в выводах из нее (стр. 69, 73, 83, 86).

От вопроса о месте Бунда съезд перешел к программе. Прения вращались здесь большей частью около частных поправок, представляющих мало интереса. Принципиально оппозиция антиискровцев выразилась лишь в походе тов. Мартынова против пресловутой постановки вопроса о стихийности и сознательности. За Мартынова встали, конечно, бундовцы и рабочедельцы целиком. Неосновательность его возражений показали, между прочим, Мартов и Плеханов. Как курьез надо отметить, что теперь редакция “Искры” (подумав, должно быть) перешла на сторону Мартынова и говорит обратное тому, что говорила на съезде!⁴ Должно быть, это соответствует знаменитому принципу “преемственности”... Остается выждать, когда редакция разберется вполне и выяснит нам вопрос, в какой именно мере согласилась она с Мартыновым, в чем именно и с какого именно времени. В ожидании этого мы спросим только, видан ли где-нибудь такой *партийный* орган, редакция которого заговорила после съезда как раз обратное тому, что она говорила на съезде?

Минуя споры о признании “Искры” Центральным Органом (мы касались уже их выше) и начало дебатов об уставе (их удобнее будет рассмотреть в связи со всем обсуждением устава), перейдем к обнаружившимся при обсуждении программы принципиальным оттенкам. Отметим прежде всего одну деталь чрезвычайно характерного свойства: прения по вопросу о пропорциональном представительстве. Тов. Егоров из “Южного рабочего” защищал внесение его в программу и защищал так, что вызвал справедливое замечание

Посадовского (искровец из меньшинства) о “серьезном разногласии”. “Несомненно, — сказал тов. Посадовский, — что мы не сходимся по следующему основному вопросу: *нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность*, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии? Я решительно высказываюсь за последнее”. Плеханов “вполне присоединяется” к Посадовскому, восставая в еще более определенных и более решительных выражениях против “абсолютной ценности демократических принципов”, против “отвлеченного” рассматривания их. “Типотетически мыслим случай, — говорит он, — когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права”. Речь Плеханова встречена рукоплесканьями и *шиканьем*, и когда Плеханов опротестовывает Zwischenruf^a “вы не должны шикать” и просит товарищей не стесняться, то тов. Егоров встает и говорит: “раз такие речи вызывают рукоплесканья, то я обязан шикать”. Вместе с тов. Гольдблатом (делегатом Бунда) тов. Егоров высказывается против взглядов Посадовского и Плеханова. К сожалению, дебаты были закрыты, и выплывший по поводу них вопрос сошел тотчас со сцены. Но напрасно старается теперь тов. Мартов ослабить и даже свести на нет его значение, говоря на съезде Лиги: “Эти слова (Плеханова) вызвали негодование части делегатов, которого легко было бы избежать, если бы тов. Плеханов добавил, что, разумеется, нельзя себе представить такого трагического положения дел, при котором пролетариату для упрочения своей победы приходилось бы попирать такие политические права, как свободу печати... (Плеханов: “merci”)” (стр. 58 прот. Лиги). Это толкование *прямо* противоречит совершенно категорическому заявлению тов. Посадовского на съезде о “серьезном разногласии” и расхождении по “основному вопросу”. По этому основному вопросу все искровцы высказались на съезде *против* представителей антиискровской “правой” (Гольдблат) и съездовского “центра” (Егоров). Это факт, и можно смело ручаться, что если бы “центру” (надеюсь, это слово будет менее шокировать “официальных” сторонников мягкости, чем какое-либо другое...), если бы “центру” пришлось (в лице тов. Егорова или Махова) высказываться *непринужденно*” по этому или аналогичным вопросам, то серьезное разногласие обнаруживалось бы немедленно.

Оно обнаружилось еще рельефнее по вопросу о “равноправии языков” (стр. 171 и след. прот.). По этому пункту красноречивы не столько прения, сколько голосования: подсчитывая сумму их, получаем невероятное число — *шестнадцать!* Из-за чего? Из-за того, достаточно ли в программе оговорить равноправность всех граждан, независимо от пола и т. д. *и языка* или же необходимо сказать: “свобода языка” или “равноправие языков”. Тов. Мартов на съезде Лиги довольно верно охарактеризовал этот эпизод, сказавши, что “ничтожный спор о редакции одного пункта программы принял принципиальное значение, потому что половина съезда готова была свергнуть программную комиссию”. Именно так^b. Повод к столкновению был именно ничтожный, и тем не менее столкновение приняло действительно *принципиальный* характер, а потому и страшно ожесточенные формы вплоть до попытки “свергнуть” программную комиссию, вплоть до подозрений в желании “подвести съезд” (в этом заподозрил Егоров Мартова!), вплоть до обмена личными замечаниями самого... ругательного свойства (с. 178). Даже тов. Попов “выражал сожаление, что по поводу пустяков создается *такая атмосфера*” курсив мой, с. 182), которая царила в течение трех заседаний (16, 17 и 18).

A - ЗАМЕЧАНИЕ С МЕСТА ВО ВРЕМЯ РЕЧИ ОРАТОРА, РЕПЛИКА. Ред.

b Мартов добавляет “В этом случае нам сильно повредила острота Плеханова об ослах”

(когда говорили о свободе языка, то один бундовец, пашется, упомянул среди учреждений учреждение коннозаводства. И Плеханов бросил про себя “лошади не говорят, а вот ослы иногда разговаривают”). Я, конечно, не могу видеть в этой остроте особой мягкости, уступчивости, осмотрительности и гибкости. Но мне все же странно, что Мартов, призвавши *принципиальное значение* спора, не останавливается совершенно на разборе того, в чем тут принципиальность и какие оттенки тут сказались, а ограничивается указанием на “вред” острот. Это уж вот поистине бюрократическая и формалистическая точка зрения! Резкие остроты действительно “сильно повредили на съезде” и не только остроты насчет бундовцев, но и насчет тех, кого иногда поддерживали и даже спасали от поражения бундовцы. Однако, раз признано принципиальное значение инцидента, нельзя отделяться фразой о “непозволительности” (стр. 58 прот. Лиги) некоторых острот.

Все эти выражения в высшей степени определенно и категорически указывают на тот важнейший факт, что атмосфера “подозрений” и самых ожесточенных форм борьбы (“свержение”), — в создании которой обвинялось потом, на съезде Лиги, большинство искровцев! — на самом деле создалась *гораздо раньше, чем мы раскололись на большинство и меньшинство*. Повторяю, это факт громадной важности, основной факт, непонимание которого приводит очень и очень многих к самым легкомысленным мнениям относительно искусственности большинства в конце съезда. С теперешней точки зрения тов. Мартова, уверяющего, что на съезде было 9/10 искровцев, абсолютно необъясним и нелеп тот факт, что из-за “пустяков”, из-за “ничтожного” повода могло произойти столкновение, получившее “принципиальный характер” и едва не доведшее до свержения съездовской комиссии. Было бы смешно отделяться от этого *факта* сетованиями и сожалениями по поводу “повредивших” острот. *Принципиального* значения столкновение не могло получить ни из-за каких резких острот, такое значение могло получиться исключительно в силу характера политических группировок на съезде. Не резкости и не остроты создали конфликт, — они были только *симптомом* того, что в самой политической группировке съезда есть “противоречие”, есть все залогов конфликта, есть внутренняя неоднородность, которая с имманентной силой прорывается при каждом, *даже ничтожном*, поводе.

Напротив, с той точки зрения, с которой я смотрю на съезд и которую я считаю своим долгом отстаивать, как известное политическое понимание событий, хотя бы это понимание и казалось кому-либо обидным, — с этой точки зрения вполне объясним и неизбежен отчаянно-резкий конфликт *принципиального* характера по “ничтожному” поводу. Раз у нас на съезде *все время* шла борьба искровцев с антиискровцами, раз между ними стояли неустойчивые элементы, раз эти последние вместе с антиискровцами составляли 1/3 голосов (8 + 10 = 18 из 51, по моему счету, разумеется, приблизительному), — то совершенно понятно и естественно, что *всякое отпадение от искровцев хотя бы небольшого меньшинства их* создавало возможность победы антиискровского направления и вызывало, поэтому, “бешеную” борьбу. Это не результат неуместно резких выходов и нападок, а результат политической комбинации. Не резкости создавали политический конфликт, а существование политического конфликта в самой группировке съезда создавало резкости и нападки, — в этом противопоставлении заключается основное наше принципиальное расхождение с Мартовым в оценке политического значения съезда и результатов съезда.

В течение всего съезда было три наиболее крупных случая отпадения незначительного числа искровцев от большинства их, — равноправие языков, § 1 устава и выборы — и во всех этих трех случаях получалась ожесточенная борьба, приведшая в конце концов к теперешнему тяжелому кризису в партии. Чтобы политически осмыслить этот кризис и эту борьбу, надо не ограничиваться фразами о непозволительных остротах, а рассмотреть политические группировки оттенков, столкнувшихся на съезде. Инцидент с “равноправием языков” представляет поэтому двойной интерес с точки зрения выяснения причин расхождения, ибо здесь еще Мартов был (еще был!) искровцем и воевал едва ли не больше всех против антиискровцев и “центра”.

Война началась спором тов. Мартова с лидером бундовцев, тов. Либером (стр. 171—172). Мартов доказывает достаточность требования “равноправия граждан”. “Свобода языка” отклоняется, но сейчас же выдвигается “равноправие языков”, и вместе с Либером ополчается на бой тов. Егоров. Мартов заявляет, что это — *фетишизм*, “когда ораторы настаивают на равноправии национальностей и переносят неравноправность в область языка. Между тем, вопрос следует рассматривать как раз с другой стороны: существует неравноправность национальностей, которая выражается, между прочим, и в том, что люди, принадлежащие к известной нации, лишены права пользоваться родным языком” (стр. 172). Мартов был тогда совершенно прав. Действительно, каким-то фетишизмом являлась абсолютно несостоятельная попытка Либера и Егорова защитить правильность их формулировки и найти у нас нежелание или неумение провести принцип равноправия национальностей. На самом деле они, как “фетишисты”, отстаивали именно слово, а не принцип, действовали не из боязни какой-либо принципиальной ошибки, а из боязни того, что скажут люди. Как раз эту психологию неустойчивости (а что если нас за это “другие” обвинят?), — отмеченную нами в инциденте с Организационным комитетом, — проявил тут с полной ясностью и весь наш “центр”. Другой представитель его, близко стоящий к “Южному рабочему” горнозаводский делегат Львов, “считает вопрос об угнетении языков, выдвинутый окраинами, очень серьезным. Важно, чтобы мы, поставивши пункт об языке в нашей программе, удалили всякое предположение о русификаторстве, в котором могут подозревать социал-демократов”. Вот замечательная мотивировка “серьезности” вопроса. Вопрос очень серьезен *потому*, что надо удалить возможные подозрения окраин! Оратор не дает ровно ничего по существу, он не отвечает на обвинения в фетишизме, а целиком подтверждает их, выказывая полное отсутствие своих доводов, отделяясь ссылкой на то, что скажут окраины. Все, что они *могли бы* сказать, *неверно*, — говорят ему. Вместо разбора, верно это или неверно, он отвечает: “*могут подозревать*”.

Такая постановка вопроса, с претензией па его серьезность и важность, действительно уже получает принципиальный характер, только вовсе не тот, который хотели найти тут Либеры, Егоровы, Львовы. Принципиальным становится вопрос: должны ли мы предоставить организациям и членам партии применять общие и основные положения программы, применяя их к конкретным условиям и развивая их в направлении такого применения, или мы должны, из простой боязни подозрений, заполнять программу мелкими деталями, частными указаниями, повторениями, казуистикой. Принципиальным становится вопрос о том, как могут социал-демократы в борьбе с казуистичностью усматривать (“подозревать”) попытки сужения элементарных демократических прав и вольностей. Да когда же, наконец, мы отучимся от этого фетишистского преклонения пред казусами? — вот мысль, которая мелькала у нас при виде борьбы из-за “языков”.

Группировка делегатов в этой борьбе особенно ясна, благодаря обилию именных голосований. Их было целых три. Против искровского ядра горой стоят все время все антиискровцы (8 голосов) и, с самыми небольшими колебаниями, весь центр (Махов, Львов, Егоров, Попов, Медведев, Иванов, Царев, Белов, — только два последние колебались вначале, то воздерживаясь, то голосуя с нами, и определились вполне лишь к третьему голосованию). От искровцев отпадает часть — главным образом, кавказцы (трое с шестью голосами) — и благодаря этому перевес, в конце концов, получает направление “фетишизма”. При третьем голосовании, когда сторонники обеих тенденций наиболее выяснили свои позиции, от искровцев большинства отделились к противной стороне трое кавказцев с шестью голосами; от искровцев меньшинства отделились двое с двумя голосами — Посадовский и Костич; при двух первых голосованиях переходили к противной стороне или воздерживались: Ленский, Степанов и Горский из большинства искровцев, Дейч из меньшинства. *Отделение восьми искровских голосов (от всего числа 33) дало перевес коалиции антиискровцев и неустойчивых элементов.* Это — именно тот *основной факт* съездовской группировки, который повторился (при отделении *других* только искровцев) и

при голосовании § 1 устава и при выборах. Неудивительно, что потерпевшие поражение на выборах старательно закрывают теперь глаза на *политические причины* этого поражения, на *исходные пункты* той борьбы оттенков, которая все более вскрывала и все беспощаднее разоблачала перед партией неустойчивые и политически бесхарактерные элементы. Инцидент с равноправием языков показывает нам эту борьбу тем рельефнее, что тогда еще и тов. Мартов не успел заслужить похвал и одобрения Акимова и Махова.

е) АГРАРНАЯ ПРОГРАММА

Принципиальная невыдержанность антиискровцев и “центра” сказалась рельефно и на прениях об аграрной программе, которые заняли немало времени у съезда (см. стр. 190—226 прот.) и поставили немало чрезвычайно интересных вопросов. Как и следовало ожидать, поход против программы поднимает тов. Мартынов (после мелких замечаний тов. Либера и Егорова). Он выдвигает старый довод об исправлении “именно данной исторической несправедливости”, чем будто бы косвенно мы “освящаем другие исторические несправедливости” и т. д. На его сторону становится и тов. Егоров, которому даже “неясно, каково значение этой программы. Есть ли это — программа для нас, т. е. определяет ли она требования, которые мы выставляем, или мы хотим сделать ее популярной” (!?!?). Тов. Либер “хотел бы сделать те же указания, что и тов. Егоров”. Тов. Махов выступает со свойственной ему решительностью, заявляя, что “большинство (?) из говоривших решительно не понимает, что из себя представляет выставленная программа и какие цели она преследует”. Предлагаемую программу, видите ли, “трудно считать за соц.-дем. аграрную программу”; она... “несколько пахнет игрой в исправление исторических несправедливостей”, на ней лежит “оттенок демагогии и авантюризма”. Теоретическим подтверждением этого глубокомыслия является обычная утрировка и упрощение вульгарного марксизма: искровцы будто бы “с крестьянами хотят оперировать, как с чем-то единым по составу; а так как крестьянство уж давно (?) расслоено на классы, то выставление единой программы неизбежно ведет к тому, что программа становится в целом демагогической и при проведении в жизнь сделается авантюрой” (202). Тов. Махов “выбалтывает” здесь истинную причину отрицательного отношения к нашей аграрной программе со стороны многих социал-демократов, готовых “признавать” “Искру” (как признал ее и сам Махов), но совершенно не продумавших ее направление, ее теоретическую и тактическую позицию. Именно вульгаризация марксизма в применении его к такому сложному и многостороннему явлению, как современный уклад русского крестьянского хозяйства, вызывала и вызывает непонимание этой программы, а вовсе не расхождение по отдельным частностям. И на такой вульгарно-марксистской точке зрения быстро сошлись лидеры антиискровских элементов (Либер и Мартынов) и “центра” — Егоров и Махов. Тов. Егоров откровенно выразил также одну из характерных черт “Южного рабочего” и тяготеющих к нему групп и кружков, именно — непонимание значения крестьянского движения, непонимание того, что не переоценка, а, наоборот, скорее недооценка этого значения (и недостаток сил для использования движения) составляла слабую сторону наших социал-демократов во время первых знаменитых крестьянских восстаний. “Я далек от увлечения редакции крестьянским движением, — сказал т. Егоров, — увлечения, после крестьянских волнений охватившего многих социал-демократов”. Тов. Егоров не потрудился только, к сожалению, познакомить съезд сколько-нибудь точно с тем, в чем же выразилось это увлечение *редакции*, не потрудился привести конкретных указаний на литературный материал, данный “Искрой”. Он забыл, кроме того, что *все* основные пункты нашей аграрной программы были развиты “Искрой” еще в ее третьем номере^А, т. е. *задолго* до крестьянских волнений. Кто “признавал” “Искру” не на словах только, тому не грех было бы проявить немного больше внимания к ее теоретическим и тактическим принципам!

“Нет, в крестьянстве мы много сделать не можем!” — восклицает т. Егоров и объясняет далее это восклицание де в смысле протеста против того или другого отдельного “увлечения”, а в смысле отрицания всей нашей позиции:

“Это и значит, что наш лозунг не может конкурировать с авантюристским лозунгом”. Прехарактерная формулировка беспринципного отношения к делу, сводящего все к “конкуренции” лозунгов разных партий! И это говорится после того, как оратор объявляет себя “удовлетворенным” теоретическими объяснениями, в которых указывалось, что мы стремимся к прочному успеху в агитации, не смущаясь временными неудачами, и что прочный успех (вопреки шумным крикам “конкурентов”... на минуту) невозможен без устойчивого теоретического базиса программы (с. 196). Какая путаница вскрывается этим уверением об “удовлетворенности” и немедленным повторением вульгарных положений, унаследованных от старого экономизма, для которого “конкуренция лозунгов” решала все вопросы не аграрной только, а всей программы и всей тактики экономической и политической борьбы. “Вы не заставите батрака, — говорил т. Егоров, — бороться рядом с богатым крестьянином за отрезки, которые уже в немалой части находятся в руках этого богатого крестьянина”.

Опять то же упрощение, несомненно приходящееся сродни нашему оппортунистическому экономизму, который настаивал, что невозможно “заставить” пролетария бороться за то, что в немалой части находится в руках буржуазии и в еще большей части попадет в ее руки в будущем. _____

^a См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 429—437. *Ред.*

Опять та же вульгаризация, забывающая о русских особенностях общекapиталистического отношения между батраком и богатым крестьянином. Отрезки дают сейчас, дают на деле и батрака, которого нечего “заставлять” бороться за освобождение от кабалы. “Заставлять” приходится некоторых интеллигентов — заставлять пошлере взглянуть на свои задачи, заставлять отказаться от шаблонов при обсуждении конкретных вопросов, заставлять считаться с исторической конъюнктурой, усложняющей и модифицирующей наши цели. Именно только предрассудок, что мужик глуп, — предрассудок, проскальзывавший, по справедливому замечанию т. Мартова (с. 202), в речах т. Махова и других противников аграрной программы, — только предрассудок объясняет забвение этими противниками реальных условий быта нашего батрака.

Упростив вопрос до голого противоположения: рабочий и капиталист, представители нашего “центра” старались, как водится, свалить свою уозсть на мужика. “Именно потому, — говорил т. Махов, — что я считаю мужика в меру его узкой классовой точки зрения умным, я полагаю, что он будет стоять за мелкобуржуазный идеал захвата и раздела”. Тут смешиваются явно две вещи: характеристика классовой точки зрения мужика, как мелкого буржуа, и *сужение* этой точки зрения, сведение ее к “узкой мере”. Вот в этом-то сведении и заключается ошибка Егоровых и Маховых (точно так же, как в сведении к “узкой мере” точки зрения пролетария состояла ошибка Мартыновых и Акимовых). Между тем и логика, и история учат, что мелкобуржуазная классовая точка зрения может быть более или менее узкой, более или менее прогрессивной, именно ввиду двойственности положения мелкого буржуа. И наша задача никоим образом не может состоять в опускании рук по поводу уозости (“глупости”) мужика или господства над ним “предрассудка”, а, наоборот, в неустанном расширении его точки зрения, в содействии победе его рассудка над его предрассудком.

Вульгарно-“марксистская” точка зрения на русский аграрный вопрос нашла свое кульминационное выражение в заключительных словах принципиальной речи т. Махова, верного защитника старой редакции “Искры”. Недаром встречены были эти слова аплодисментами... правда, ироническими. “Я не знаю, конечно, что называть бедой”, —

говорит т. Махов, возмущенный указанием Плеханова, что движение в пользу черного передела нас несколько не пугает, что не мы стали бы задерживать это прогрессивное (буржуазно-прогрессивное) движение. — “Но революция эта, если ее можно так назвать, будет пореволюционной. Я сказал бы правильнее, что это будет уже не революция, а реакция (смех), революция вроде бунта... Подобная революция отбросит нас назад, и потребуются известное время для того, чтобы вновь прийти к тому положению, которое мы теперь имеем. А мы теперь имеем гораздо больше, чем во время французской революции (иронические аплодисменты), мы имеем социал-демократическую партию (смех)”... Да, такая социал-демократическая партия, которая рассуждала бы по-маховски, или имела центральные учреждения, опирающиеся на Маховых, действительно заслуживала бы только смеха...

Мы видим, таким образом, что и по чисто принципиальным вопросам, поднятым аграрной программой, сейчас же сказалась знакомая уже нам группировка. Антиискровцы (8 голосов) идут в поход во имя вульгарного марксизма, за ними плетутся вожди “центра”, Егоровы и Маховы, путаясь и сбиваясь постоянно на ту же узкую точку зрения. Совершенно естественно поэтому, что голосование некоторых пунктов аграрной программы дает цифры 30 и 35 голосов за (стр. 225 и 226), т. е. как раз именно то приблизительное число, которое мы видели и при споре о месте обсуждения вопроса о Бунде, и на инциденте с ОК, и на вопросе о закрытии “Южного Рабочего”. Стоит подняться вопросу, сколько-нибудь выходящему из рамок обычного и установленного уже шаблона, сколько-нибудь требующему самостоятельного приложения теории Маркса к своеобразным и новым (для немцев новым) социально-экономическим отношениям, — и тотчас же искровцев, умеющих стать на высоту задачи, оказывается лишь 3/5 голосов, тотчас же весь “центр” поворачивает за Либерами и Мартыновыми. А тов. Мартов усиливается еще затушевать этот очевидный факт, боязливо обходя те голосования, где ясно обнаружился оттенок!

Из прений по аграрной программе ясно видна борьба искровцев против добрых двух пятых съезда. Кавказские делегаты занимали тут совершенно правильную позицию, — в значительной степени, вероятно, благодаря тому, что близкое знакомство с местными формами многочисленных остатков крепостничества предостерегало их от абстрактно-школьных голых противоположений, удовлетворявших Маховых. Против Мартынова и Либеры, Махова и Егорова ополчались и Плеханов, и Гусев (подтверждающий, что “такой пессимистический взгляд на нашу работу в деревне”... как взгляд тов. Егорова... ему “приходилось встречать нередко среди действовавших в России товарищей”), и Костров, и Карский, и Троцкий. Последний правильно указывает, что “благожелательные советы” критиков аграрной программы “слишком отдают *филистерством*”. Надо заметить лишь к вопросу об изучении политических группировок на съезде, что в этом месте его речи (страница 208) едва ли правильно поставлен рядом с Егоровым и Маховым товарищ Ланге. Кто внимательно прочтет протоколы, тот увидит, что Ланге и Горин занимают совсем не ту позицию, какую занимают Егоров и Махов. Ланге и Горину не нравится формулировка пункта об отрезках, они понимают вполне идею нашей аграрной программы, пытаются *иначе* провести ее в жизнь, работая положительно над тем, чтобы подыскать более безупречную, с их точки зрения, формулировку, внося проекты резолюций с тем, чтобы убедить авторов программы или встать на их сторону против всех неискровцев. Достаточно сравнить, напр., предложения Махова об отклонении всей аграрной программы (стр. 212, за *девять*, против 38) и ее отдельных пунктов (стр. 216 и др.) с позицией Ланге, *вносящего* самостоятельную редакцию пункта об отрезках (стр. 225), чтобы убедиться в коренном различии между ними^а.

Говоря дальше о доводах, отдающих “филистерством”, тов. Троцкий указал, что “в наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством”... “Пред лицом этой задачи скептицизм и политическая “дальновидность” Махова и Егорова вреднее всякой близорукости”. Тов. Костич, другой искровец меньшинства, очень метко указал на “неуверенность в себе, в своей принципиальной устойчивости” со стороны тов. Махова, —

характеристика, попадающая не в бровь, а в глаз нашему “центру”. “В пессимизме тов. Махов сошелся с тов. Егоровым, хотя между ними есть оттенки, — продолжал тов. Костич. — Он забывает, что уже в данное время социал-демократы работают в крестьянстве, уже руководят их движением в той мере, как это возможно. И этим своим пессимизмом они суживают размах нашей работы” (стр. 210).

Чтобы покончить с вопросом о программных прениях на съезде, стоит отметить еще краткие дебаты о поддержке оппозиционных течений. В нашей программе ясно сказано, что социал-демократическая партия поддерживает “всякое *оппозиционное* и революционное движение, *направленное против существующего в России общественного и политического порядка*”⁵. Кажется бы, эта последняя оговорка достаточно точно показывает, *какие именно* из оппозиционных течений мы поддерживаем. Тем не менее различие оттенков, давно уже сложившихся в нашей партии, сразу обнаружилось *и тут*, как ни трудно было предположить, что возможны еще “недоумения и недоразумения” по вопросу, до такой степени разжеванному! Дело было, очевидно, именно не в недоразумениях, а в *оттенках*. Махов, Либбер и Мартынов сейчас же забили тревогу и опять-таки оказались в таком “компактном” меньшинстве, что тов. Мартову пришлось бы, пожалуй, и здесь объяснять это интригой, подстраиванием, дипломатией и прочими милыми вещами (см. речь его на съезде Лиги), к которым прибегают люди, неспособные вдуматься в политические причины образования “компактных” групп и меньшинства и большинства.

Махов начинает опять с вульгарного упрощения марксизма. “У нас единственный революционный класс — пролетариат, — заявляет он, и из этого справедливого положения делает сейчас же несправедливый вывод: — остальные так себе, сбоку припека (общий смех)... Да, сбоку припека и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать” (с. 226). Бесподобная формулировка своей позиции тов. Маховым многих (из его сторонников) смутила, но по существу дела с ним сошлись и Либбер и Мартынов, предлагая устранить слово “оппозиционное” или ограничить его добавлением “демократическое-оппозиционное”. Против этой поправки Мартынова справедливо восстал Плеханов. “Мы должны критиковать

---

⁵ Ср. речь Горина, стр. 213.

либералов, — говорил он, — разоблачать их половинчатость. Это верно... Но, разоблачая узость и ограниченность всех других движений, кроме социал-демократического, мы обязаны разъяснить пролетариату, что по сравнению с абсолютизмом даже конституция, не дающая всеобщего избирательного права, есть шаг вперед и что поэтому он не должен предпочитать существующий порядок такой конституции”. Товарищи Мартынов, Либбер и Махов не соглашались с этим и отстаивают свою позицию, на которую нападают Аксельрод, Старовер, Троцкий и еще раз Плеханов. Тов. Махов успел при этом еще раз побить самого себя. Сначала он сказал, что остальные классы (кроме пролетариата) “так себе” и он “против того, чтобы их поддерживать”. Потом он смилостивился и признал, что, “будучи реакционной по существу, буржуазия часто бывает революционной, — когда, например, идет речь о борьбе с феодализмом и его остатками”. “Но есть группы, — продолжал он, поправляясь еще раз из кулька в рогожку, — которые всегда (?) реакционны, — таковы ремесленники”. Вот до каких перлов в принципиальном отношении договаривались те самые лидеры нашего “центра”, которые потом с пеной у рта защищали старую редакцию! Именно ремесленники даже в Западной Европе, где цеховое устройство было так сильно, проявляли, как и другие мелкие буржуа в городах, особенную революционность в эпоху падения абсолютизма. Именно русскому социал-демократу особенно нелепо повторять, не подумавши, то, что говорят западные товарищи про теперешних ремесленников в эпоху, отстоящую на столетие и полустолетие от падения абсолютизма. В России реакционность ремесленников по сравнению с буржуазией в области политических вопросов является не

более как шаблонно заученной фразой.

К сожалению, в протоколах не сохранилось никаких указаний на число голосов, которое собрали отвергнутые поправки Мартынова, Махова и Либера по данному вопросу. Мы можем сказать лишь, что лидеры антиискровских элементов и один из лидеров “центра”^а сплотились и тут в знакомой уже нам группировке против искровцев. Подводя итог *всем* прениям о *программе*, нельзя не сделать того вывода, что не было им *разу* сколько-нибудь оживленных, возбуждавших всеобщий интерес, дебатов, которые бы не обнаружили разницы оттенков, замалчиваемой ныне товарищем Мартовым и новой редакцией “Искры”.

ж) УСТАВ ПАРТИИ. ПРОЕКТ т. МАРТОВА

От программы съезд перешел к уставу партии (мы минуем затронутый выше вопрос о ЦО и делегатские доклады, которые, к сожалению, не могли быть представлены в удовлетворительном виде большинством делегатов). Нечего и говорить, что вопрос об уставе имел для всех нас громадное значение. В самом деле, ведь “Искра” выступила с самого начала не только в качестве литературного органа, но и в качестве *организационной* ячейки. В редакционной статье четвертого номера (“С чего начать?”) “Искра” выдвинула целый организационный план^б, и систематически, неуклонно проводила этот план в течение *трех лет*. Когда второй съезд партии признал “Искру” Центральным Органом, то в числе трех пунктов мотивировки соответствующей резолюции (стр. 147) два пункта были посвящены *именно атому организационному плану и организационным идеям*

---

^а Другой лидер той же группы, “центра”, тов. Егоров, высказался по вопросу о поддержке оппозиционных течений в другом месте, по поводу резолюции Аксельрода о социалистах революционерах (стр. 359) Тов. Егоров усмотрел “противоречие” между требованием программы *поддерживать* всякое оппозиционное в революционное движение и *отрицательным* отношением и в социалистам революционерам и к либералам В иной форме и несколько с другой стороны подходя к вопросу, тов. Егоров обнаружил здесь то же узкое понимание марксизма и то же неустойчивое, полувраждебное отношение к (“признанной” им) позиции “Искры”, как и товарищи Махов, Либер в Мартынов.

^б В речи своей о признании “Искры” Центральным Органом тов. Попов, между прочим, говорил “Я вспоминаю статью в 3 или 4 номере “Искры” — “С чего начать?” Многие из действующих в России товарищей нашли ее нетактичной, другим этот план казался фантастическим, и большинство (? вероятно, большинство окружавших тов. Попова лиц) объясняло его только честолюбцем” (стр. 140) Как видит читатель, мне уже не привыкать стать к этому объяснению моих политических взглядов честолюбием, объяснению, подогретому теперь тов. Аксельродом и тов. Мартовым.

“Искры”: роль ее в деле руководства *практической* партийной работой и руководящая роль в объединительной работе. Совершенно естественно поэтому, что работа “Искры” и все дело партийной организации, все дело *фактического* восстановления партии *не могло* считаться оконченным без признания всей партией и формального закрепления определенных организационных идей. Выполнить эту задачу и должен был организационный устав партии.

Основные идеи, которые “Искра” стремилась положить в основу партийной организации, сводились в сущности к следующим двум. Первая, идея централизма, принципиально определяла способ решения всей массы частных и детальных организационных вопросов. Вторая — особая роль идейно руководящего органа, газеты, учитывала временные и особые нужды именно русского социал-демократического рабочего движения в обстановке политического рабства,

ПРИ УСЛОВИИ СОЗДАНИЯ *ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ* ОПЕРАЦИОННОЙ БАЗЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАТИСКА ЗА ГРАНИЦЕЙ. ПЕРВАЯ ИДЕЯ, КАК ЕДИНСТВЕННО ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ, ДОЛЖНА БЫЛА ПРОНИКАТЬ СОБОЙ ВЕСЬ УСТАВ; ВТОРАЯ, КАК ЧАСТНАЯ, ПОРОЖДАЕМАЯ ВРЕМЕННЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ МЕСТА И ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ, ВЫРАЖАЛАСЬ В *КАЖУЩЕМСЯ* ОТСТУПЛЕНИИ ОТ ЦЕНТРАЛИЗМА, В СОЗДАНИИ *ДВУХ ЦЕНТРОВ, ЦО И ЦК*. ОБЕ ЭТИ ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ИСКРОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ БЫЛИ РАЗВИТЫ МНОЙ И В РЕДАКЦИОННОЙ СТАТЬЕ “ИСКРЫ” (№ 4) “С ЧЕГО НАЧАТЬ?”^А И В “ЧТО ДЕЛАТЬ?”^В И, НАКОНЕЦ, ПОДРОБНО РАЗЪЯСНЕНА В ВИДЕ ПОЧТИ ЧТО УСТАВА В “ПИСЬМЕ К ТОВАРИЩУ”^С. ОСТАВАЛАСЬ ТОЛЬКО, В СУЩНОСТИ, РЕДАКЦИОННАЯ РАБОТА ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СФОРМУЛИРОВАТЬ ПАРАГРАФЫ УСТАВА, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ ВОПЛОТИТЬ В ЖИЗНЬ ИМЕННО ЭТИ ИДЕИ, ЕСЛИ ПРИЗНАНИЕ “ИСКРЫ” НЕ ОСТАВАЛОСЬ НА БУМАГЕ, НЕ БЫЛО ТОЛЬКО УСЛОВНОЙ ФРАЗЫ. В ПРЕДИСЛОВИИ К ПЕРЕИЗДАННОМУ МНОЙ “ПИСЬМУ К ТОВАРИЩУ” Я УЖЕ УКАЗЫВАЛ, ЧТО ДОСТАТОЧНО ПРОСТОГО СЛИЧЕНИЯ УСТАВА ПАРТИИ С ЭТОЙ БРОШЮРОЙ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛНОГО ТОЖЕСТВА ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИДЕЙ ТАМ И ЗДЕСЬ^Д.

По поводу редакционной работы формулировки искровских организационных идей в уставе мне приходится коснуться одного инцидента, поднятого тов. Мартовым. “...Фактическая справка вам покажет, — говорил Мартов на съезде Лиги (стр. 58), — насколько неожиданным было для Ленина мое впадение в оппортунизм по этому (т. е. первому) параграфу. За 1S—2 месяца до съезда я показал Ленину мой проект, где § 1 был изложен как раз так, как это было мной предложено на съезде. Ленин высказался против моего проекта, как слишком детального, и сказал мне, что ему нравится только идея § 1 — определение членства, которую он воспримет в свой устав с видоизменениями, ибо находит мою формулировку неудачной. Таким образом, Ленин был знаком с моей формулировкой уже давно, он знал мои взгляды по этому вопросу. Вы видите, таким образом, что я поехал на съезд с открытым забралом, не скрывая своих взглядов. Я предупредил, что буду бороться с взаимной кооптацией, с принципами единогласия при кооптации в Центральный Комитет и Центральный Орган и так далее”.

Насчет предупреждения о борьбе с взаимной кооптацией мы в своем месте увидим, как было дело. Теперь остановимся на этом “открытом забрале” мартовского устава. Передавая в Лиге по памяти эпизод со своим неудачным проектом (который Мартов на съезде сам взял назад, как неудачный, а после съезда, со свойственной ему последовательностью, опять извлек на свет божий), — Мартов, как водится, многое перезабыл и поэтому опять напутал. Казалось бы, довольно уже было фактов, предостерегающих от ссылок на частные разговоры и на свою память (невольно вспоминают люди только то, что им выгодно!), — и все же тов. Мартов, за неимением другого материала, пользуется недоброкачественным. Теперь даже и тов. Плеханов начинает подражать ему — должно быть, дурной пример заразителен.

“Идея” первого параграфа в проекте Мартова не могла мне “нравиться”, ибо *никакой идеи*, выплывшей на съезде, в его проекте и не было. Память ему изменила. Мне посчастливилось найти в бумагах проект Мартова, где “*первый параграф изложен как раз не так, как это было им предложено на съезде*”! Вот вам и “открытое забрало”!

---

^А См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1—13. *Ред.*

^В См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 1—192. *Ред.*

^С См. Сочинения. 5 изд., том 7, стр. 7—25. *Ред.*

^Д Там же, стр. 6. *Ред.*

§ 1 в проекте Мартова: “Принадлежащим к Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для

проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов (sic!^a) партии”.

§ 1 в МОЕМ ПРОЕКТЕ: “ЧЛЕНОМ ПАРТИИ СЧИТАЕТСЯ ВСЯКИЙ, ПРИЗНАЮЩИЙ ЕЕ ПРОГРАММУ И ПОДДЕРЖИВАЮЩИЙ ПАРТИЮ КАК МАТЕРИАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ТАК И ЛИЧНЫМ УЧАСТИЕМ В ОДНОЙ ИЗ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ”.

§ 1 в ФОРМУЛИРОВКЕ, ПРЕДЛОЖЕННОЙ МАРТОВЫМ НА СЪЕЗДЕ И ПРИНЯТОЙ СЪЕЗДОМ: “ЧЛЕНОМ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ СЧИТАЕТСЯ ВСЯКИЙ, ПРИНИМАЮЩИЙ ЕЕ ПРОГРАММУ, ПОДДЕРЖИВАЮЩИЙ ПАРТИЮ МАТЕРИАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ И ОКАЗЫВАЮЩИЙ ЕЙ РЕГУЛЯРНОЕ ЛИЧНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ОДНОЙ ИЗ ЕЕ ОРГАНИЗАЦИЙ”.

Из этого сопоставления ясно видно, что в проекте Мартова именно нет никакой *идеи*, а есть только *пустая фраза*. Что члены партии работают под контролем и руководством *органов* партии, это ясно само собой, *это не может быть иначе*, об этом говорят только люди, любящие говорить, чтобы ничего не сказать, любящие наполнять “уставы” бездной словесной воды и бюрократических (т. е. ненужных для дела и якобы нужных для парада) формул. *Идея* первого параграфа появляется лишь с постановкой вопроса: могут ли *органы партии* осуществлять *на деле* свое руководство над членами партии, *не входящими* ни в одну из *партийных организаций*. Этой идеи даже и следа нет в проекте тов. Мартова. Следовательно, я *не мог быть знаком* со “взглядами” тов. Мартова “по этому вопросу”, ибо *никаких взглядов по этому вопросу* в проекте тов. Мартова *не имеется*. Фактическая справка тов. Мартова оказывается *путаницей*.

Наоборот, именно про тов. Мартова приходится сказать, что он из моего проекта “знал мои взгляды по этому вопросу” и не опротестовал, не опровергал их ни в редакционной коллегии, хотя мой проект был показан всем недели за 2—3 до съезда, ни перед делегатами, знакомившимся *только* с моим проектом. Мало того. Даже *на съезде*, когда я внес свой проект устава^b и защищал его *до выбора уставной комиссии*, — то тов. Мартов заявил прямо: “присоединяюсь к выводам тов. Ленина. *Только в двух вопросах я расхожусь с последним*” (курсив мой) — в вопросе о способе составления Совета и об единогласной кооптации (стр. 157). О *несогласии* по § 1 тут еще *не говорится ни слова*.

В своей брошюре об осадном положении тов. Мартов нашел нужным еще раз и с особенной подробностью вспомнить о своем уставе. Он уверяет там, что его устав, под которым он и теперь бы (февраль 1904 г. — неизвестно, что будет месяца через три) готов подписаться, за исключением некоторых второстепенных частных, “достаточно ясно выражал его отрицательное отношение к гипертрофии централизма” (стр. IV). Невнесение этого проекта на съезд тов. Мартов объясняет *теперь*, во-1-х, тем, что “искровское воспитание внушило ему пренебрежительное отношение к уставам” (когда это нравится тов. Мартову, тогда слово искровский означает уже для него не узкую кружковщину, а самое выдержанное направление! Жаль только, что искровское воспитание за три года не внушило тов. Мартову пренебрежительное отношение к анархической фразе, которую интеллигентская неустойчивость способна оправдывать нарушение сообще принятого устава). Во-2-х, видите ли, он, тов. Мартов, избегал “внесения какого бы то ни было диссонанса в тактику того основного организационного ядра, каким была “Искра””. Это замечательно как связно выходит! В *принципиальном* вопросе об оппортунистической формулировке § 1 или о гипертрофии централизма тов. Мартов так боялся

---

^a — ТАК! РЕД.

^b Кстати. Протокольная комиссия напечатала в приложении XI проект устава, “вынесенный на съезд Лениным” (стр. 393) Протокольная комиссия тут тоже немножко напутала. Она смешала мои первоначальный проект (см. Сочинения, 5 изд., том 7, стр.

256—258. *Ред.*), показанный всем делегатам (и очень многим до съезда), с *внесенным на съезд* проектом и *напечатала первый* под видом второго. Я ничего не имею, конечно, против опубликования своих проектов, *хотя бы и “о всех стадиях их подготовки.*, но путаницу вносить все же не следует. А путаница получилась, ибо Попов и Мартов (стр. 154 и 157) критикуют такие формулировки моего внесенного действительно на съезд проекта, *каких нет в проекте*, напечатанном протокольной комиссией (ср. стр. 394, §§ 7 и 11). При более внимательном отношении и делу легко было заметить ошибку из простого сличения указанных мною страниц.

диссонанса (страшного только с самой узкой кружковой точки зрения), что не вынес своих разногласий даже и перед таким ядром, как редакция! По *практическому* вопросу о составе центров тов. Мартов от востума большинства членов организации “Искры” (этого настоящего *основного организационного ядра*) апеллировал к помощи Бунда и рабочедельцев. “Диссонанса” в своих фразах, подсовывающих кружковщину в защиту quasi-редакции для отрицания “кружковщины” в оценке вопроса теми, кто наиболее компетентны, диссонанса этого тов. Мартов не замечает. В наказание ему мы приведем *полностью его* проект устава, отмечая с своей стороны, какие *взгляды* и какую *гипертрофию* он обнаруживает^a:

“Проект устава партии. — I. Принадлежность к партии. — 1) Принадлежащим к Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, кто, признавая ее программу, активно работает для проведения в жизнь ее задач под контролем и руководством органов партии. — 2) Исключение члена из партии за поступки, несовместимые с интересами партии, постановляется Центральным Комитетом. [Мотивированный приговор об исключении сохраняется в архиве партии и сообщается, по требованию, каждому комитету партии Решение ЦК об исключении подлежит апелляции съезда в случае требования двух или более комитетов]”. Скобками я буду обозначать *явно* бессодержательные положения мартовского проекта, не содержащие в себе не только никакой “идеи”, но и никакого определенной условия или требования, — вроде бесподобного указания в “уставе”, *где именно* надо сохранять приговор, или ссылки на то, что решения ЦК об исключении (а не все вообще и всякие его решения?) подлежат апелляции съезда. Это именно гипертрофия фразы, или настоящий бюрократический формализм в смысле сочинения лишних, заведомо бесполезных или волокитных, пунктов и параграфов “...II Местные комитеты. — 3) Представителями партии в ее местной работе являются комитеты партии...” (и ново и умно!). 4) [Комитетами партии при знается наличный в момент второго съезда состав представленных на съезде комитетов]. — 5) Новые, сверх обозначенных в § 4, комитеты партии назначаются Центральным Комитетом [который либо признает комитетом наличный состав данной местной организации, либо составляет местный комитет путем реформы последней]. — 6) Комитеты пополняют свой состав путем кооптации. — 7) ЦК имеет право дополнить состав местного комитета таким количеством (известных ему) товарищей, чтобы оно составляло не более 1/3 всего данного состава...” Образчик канцелярщины. почему не более 1/3? к чему это? какой смысл в этом ограничении, ничего не ограничивающем, ибо *дополнение* может быть повторено мною раз? “... 8) [В случае, если местный комитет распался или разбит” (т. е. не весь взят?) “преследованиями, ЦК восстанавливает его”]... (уже не считаясь с § 7? А не находит ли тов. Мартов сходства между § 8 и теми российскими законами о благочинии, которые повелевают в будни работать, а в праздники отдыхать?) “... 9) [Очередной съезд партии может поручить ЦК реформировать состав какого-либо местному комитета, если деятельность последнего признана несовместимой с интересами партии. В последнем случае комитет в данном составе признается распущенным и товарищи в месте его действий свободными от подчинения^b ему ”]... Правило, содержащееся в сем §, столь же высокополезно, как и имеющаяся до сих пор в русских законах статья, которая гласит: всем и каждому воспрещается пьянство.“... 10) [Местные комитеты партии руководят всей

местной пропагандистской, агитационной и организационной деятельностью партии и содействуют по мере сил ЦК и ЦО партии в выполнении лежащих на них общепартийных задач.”... Уф! К чему это, ради всего святого?... 11) [“Внутренние порядки местной организации, взаимные отношения между комитетом и подчиненными” (слышите, слышите, тов. Аксельрод?) “ему группами и пределы компетенции и автономии” (а разве пределы компетенции не одно и то же, что пределы автономии?) “этих групп устанавливаются самим комитетом и сообщаются к сведению ЦК и редакции ЦО”]... (Пробел: не сказано, где сохраняются эти сообщения)...“ 12) [Все подчиненные комитетам группы и отдельные члены партии имеют право требовать, чтобы их мнение или пожелание по любому вопросу было сообщено ЦК партии и ее Центральным Органам]. — 13) Местный комитет партии из своих доходов обязан отчислять в кассу ЦК долю, приходящуюся на него по раскладке, производимой ЦК. — III. Организации для целей агитации на иных (кроме русского) языках — 14) [Для целей агитации на одном из не русских языков и организации рабочих, среди которых такая агитация ведется, могут образовываться отдельные организации в тех пунктах, где представляется необходимость в специализировании такой агитации и выделении подобной организации.] — 15) Решение вопроса о том, насколько такая потребность существует, предоставляется ЦК партии, а в спорных случаях — съезду партии”.

---

^a Замечу, что я не мог найти, к сожалению, первого варианта мартовского проекта, который состоял что-то из 48 параграфов, страдая еще более “гипертрофией” никчемного формализма.

^b Обращаем внимание тов. Аксельрода на это словечко. Ведь это ужас что такое! Вот где корни-то “якобинства”, доходящего даже... даже до изменения состава редакции...

Первая часть параграфа излишня, если принять во внимание дальнейшие постановления устава, а вторая часть насчет спорных случаев просто смехотворна...“ 16) [Местные организации, обозначенные в § 14, в своих специальных делах автономны, но действуют под контролем местного комитета и подчинены ему, причем формы этого контроля и норма организационных отношений между данным комитетом и данной специальной организацией устанавливаются местным комитетом”... (ну и слава богу! вот и видно теперь, что не к чему было и городить весь этот огород пустых слов.). “По отношению к общим делам партии такие организации действуют, как часть комитетской организации] — 17) [Местные Организации, обозначенные в § 14, могут образовывать автономный союз для успешного достижения своих специальных задач. Такой союз может иметь свои специальные литературные и административные органы; причем те и другие состоят под непосредственным контролем ЦК партии Устав такого союза вырабатывается им самим, но утверждается ЦК партии.] — 18) [В состав обозначенного в § 17 автономного союза могут входить и местные комитеты партии, если они по местным условиям посвящают себя преимущественно агитации на данном языке. *Примечание.* Являясь частью автономного союза, такой комитет не перестает быть комитетом партии”] (весь параграф чрезвычайно полезен и отменно умен, а примечание еще тою больше)...“ 19) [Местные организации, входящие в состав автономного союза, в своих сношениях с его центральными органами находятся под контролем местных комитетов] — 20) {Центральные литературные и административные органы автономных союзов состоят к ЦК партии в тех же отношениях, как и местные комитеты партии] — IV. Центральный Комитет и литературные органы партии — 21) [Представителями партии в целом являются ее ЦК и литературные органы — политический и научный] — 22) На ЦК лежит общее руководство всей практической деятельностью партии; забота о правильном использовании и распределении всех ее сил; контроль над деятельностью всех частей партии; снабжение местных организаций литературой; постановка технического аппарата партии; созыв партийных съездов - 23) На

литературных органах партии лежит идейное руководство партийной жизнью; пропаганда партийной программы и научная и публицистическая разработка мировоззрения социал-демократии — 24) Все местные комитеты партии и автономные союзы состоят в непосредственных сношениях как с ЦК партии, так и с редакцией партийных органов и периодически осведомляют их о ходе движения и организационной работы на местах. - 25) Редакция литературных органов партии назначается съездом партии и функционирует до следующего съезда. — 26) [Редакция автономна в своих внутренних делах] и может, в промежутки между двумя съездами, пополнять и изменять свой состав, о чем каждый раз сообщается ЦК. — 27) Все заявления, исходящие от ЦК или получившие его санкцию, печатаются, по требованию ЦК, в партийном органе. — 28) ЦК, по соглашению с редакцией партийных органов, образует специальные литературные группы для тех или иных видов литературной работы — 29) ЦК назначается на съезде партии и функционирует до следующего съезда ЦК пополняет свой состав путем кооптации в неограниченном количестве, о чем он каждый раз доводит до сведения редакции центральных органов партии — V. Заграничная организация партии — 30) Заграничная организация партии заведует пропагандой среди проживающих за границей русских и организацией социалистических элементов среди них. Во главе ее стоит выборная администрация. — 31) Автономные союзы, входящие в состав партии, могут иметь свои отделения за границей для содействия специальным задачам этих союзов. Эти отделения входят как автономные группы, в состав общей заграничной организации — VI. Съезды партии — 32) Высшей партийной инстанцией является ее съезд — 33) [Съезд партии устанавливает ее программу, устав и руководящие принципы ее деятельности контролирует работу всех партийных органов и разбирает конфликты между ними] — 34) Представительство на съезде принадлежит: а) всем местным комитетам партии, б) центральным административным органам всех автономных союзов, входящих в состав партии; в) ЦК партии и редакции ее центральных органов; г) заграничной организации партии — 35) Передача мандатов допускается, но с тем, чтобы один делегат не представлял более, чем три действительных мандата Допускается раздел мандата между двумя представителями Императивные мандаты не допускаются. — 36) ЦК предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом товарищей, присутствие коих может быть полезно. — 37) В вопросах об изменении программы или устава партии требуется большинство 2/3 наличных голосов; прочие вопросы решаются простым большинством. — 38) Съезд считается действительным, если на нем представлено более половины всех наличных в момент съезда комитетов партии. — 39) Съезд созывается — по мере возможности — раз в два года. [В случае независимых от воли ЦК помех к созыву съезда в этот срок, он за своей ответственностью откладывает его”.]

Читатель, у которого хватило, в виде исключения, терпения дочитать до конца этот так называемый устав, наверное не потребует от нас особого рассмотрения нижеследующих выводов. Первый вывод: устав страдает трудно излечимой водянкой. Второй вывод: особого оттенка организационных взглядов в смысле отрицательного отношения к гипертрофии централизма открыть в сем уставе не представляется возможности. Третий вывод: тов. Мартов поступил в высокой степени благоразумно, когда скрыл от глаз света (и от обсуждения на съезде) свыше 38/39 своего устава. Несколько оригинально лишь то, что по поводу этого скрытия говорится об открытом забрале.

3) ПРЕНИЯ О ЦЕНТРАЛИЗМЕ ДО РАСКОЛА

ВНУТРИ ИСКРОВЦЕВ

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПЕРЕХОДИТЬ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИНТЕРЕСНОМУ И НЕСОМНЕННО ВСКРЫВАЮЩЕМУ РАЗЛИЧНЫЕ ОТТЕНКИ ВЗГЛЯДОВ ВОПРОСУ О ФОРМУЛИРОВКЕ § 1 УСТАВА, ОСТАНОВИМСЯ ЕЩЕ НЕМНОГО НА ТЕХ КРАТКИХ ОБЩИХ ПРЕНИЯХ ОБ УСТАВЕ, КОТОРЫЕ ЗАНЯЛИ 14 ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА И ЧАСТЬ 15. ПРЕНИЯ ЭТИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ИЗВЕСТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОТОМУ, ЧТО ОНИ ПРЕДШЕСТВОВАЛИ ПОЛНОМУ РАСХОЖДЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ” ПО ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ЦЕНТРОВ. НАОБОРОТ, ПОЗДНЕЙШИЕ ПРЕНИЯ ОБ УСТАВЕ ВООБЩЕ, И КООПТАЦИИ В

ОСОБЕННОСТИ, ИМЕЛИ МЕСТО *ПОСЛЕ* НАШЕГО РАСХОЖДЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ”. ЕСТЕСТВЕННО, ЧТО *ДО* РАСХОЖДЕНИЯ МЫ СПОСОБНЫ БЫЛИ ВЫСКАЗЫВАТЬ СВОИ ВЗГЛЯДЫ БОЛЕЕ БЕСПРИСТРАСТНО В СМЫСЛЕ БОЛЬШЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СООБРАЖЕНИЙ ОТ ВЗВОЛНОВАВШЕГО ВСЕХ ВОПРОСА О ЛИЧНОМ СОСТАВЕ ЦК. ТОВ. МАРТОВ, КАК Я УЖЕ ОТМЕЧАЛ, *ПРИСОЕДИНИЛСЯ* (СТР. 157) К МОИМ ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ВЗГЛЯДАМ, ОГОВОРИВ ТОЛЬКО ДВА НЕСОГЛАСИЯ ПО *ЧАСТНОСТЯМ*. НАПРОТИВ, И АНТИИСКРОВЦЫ, И “ЦЕНТР” СЕЙЧАС ЖЕ ПОДНЯЛИ ПОХОД ПРОТИВ ОБЕИХ *ОСНОВНЫХ* ИДЕЙ ВСЕГО ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПЛАНА “ИСКРЫ” (И, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ВСЕГО УСТАВА): И ПРОТИВ ЦЕНТРАЛИЗМА, И ПРОТИВ “ДВУХ ЦЕНТРОВ”. ТОВ. ЛИБЕР НАЗВАЛ МОЙ УСТАВ “ОРГАНИЗОВАННЫМ НЕДОВЕРИЕМ”, УСМОТРЕЛ *ДЕЦЕНТРАЛИЗМ* В ДВУХ ЦЕНТРАХ (КАК И ТОВ. ПОПОВ И ЕГОРОВ). ТОВ. АКИМОВ ВЫРАЗИЛ ЖЕЛАНИЕ ОПРЕДЕЛИТЬ СФЕРУ КОМПЕТЕНЦИИ МЕСТНЫХ КОМИТЕТОВ ШИРЕ, В ЧАСТНОСТИ ПРЕДОСТАВИТЬ ИМ САМИМ “ПРАВО ИЗМЕНЕНИЯ СВОЕГО СОСТАВА”. “НЕОБХОДИМО ПРЕДОСТАВИТЬ ИМ БОЛЬШУЮ СВОБОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ... МЕСТНЫЕ КОМИТЕТЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИЗБИРАЕМЫ АКТИВНЫМИ РАБОТНИКАМИ ДАННОЙ МЕСТНОСТИ, КАК ИЗБИРАЕТСЯ ЦК ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВСЕХ АКТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ. ЕСЛИ ЖЕ НЕЛЬЗЯ ДОПУСТИТЬ И ЭТОГО, ТО ПУСТЬ БУДЕТ ОГРАНИЧЕНО ЧИСЛО ЧЛЕНОВ, НАЗНАЧАЕМЫХ ЦК В МЕСТНЫЕ КОМИТЕТЫ...” (158). ТОВ. АКИМОВ ПОДСКАЗЫВАЕТ, КАК ВИДИТЕ, ДОВОД ПРОТИВ “ГИПЕРТРОФИИ ЦЕНТРАЛИЗМА”, НО ТОВ. МАРТОВ ОСТАЕТСЯ ГЛУХ К ЭТИМ АВТОРИТЕТНЫМ УКАЗАНИЯМ, ПОКА ЕЩЕ ПОРАЖЕНИЕ ПО ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ЦЕНТРОВ НЕ ПОБУЖДАЕТ ЕГО ИДТИ ЗА АКИМОВЫМ. ОН ОСТАЕТСЯ ГЛУХ ДАЖЕ ТОГДА, КОГДА ТОВ. АКИМОВ ПОДСКАЗЫВАЕТ ЕМУ “*ИДЕЮ*” *ЕГО ЖЕ УСТАВА* (§7 — ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЦК ВВОДИТЬ ЧЛЕНОВ В КОМИТЕТЫ)! ТОГДА ЕЩЕ ТОВ. МАРТОВ НЕ ХОТЕЛ “ДИССОНАНСА” С НАМИ И ПОТОМУ ТЕРПЕЛ ДИССОНАНС И С Т. АКИМОВЫМ, И С САМИМ СОБОЙ... ТОГДА ЕЩЕ ПРОТИВ “ЧУДОВИЩНОГО ЦЕНТРАЛИЗМА” РАТОВАЛИ ТОЛЬКО ТЕ, КОМУ ЯВНО БЫЛ *НЕВЫГОДЕН* ЦЕНТРАЛИЗМ “ИСКРЫ”: РАТОВАЛИ АКИМОВ, ЛИБЕР, ГОЛЬДБЛАТ, ЗА НИМИ *ШЛИ* ОСТОРОЖНО, ОСМОТРИТЕЛЬНО (ТАК, ЧТОБЫ ВСЕГДА НАЗАД ПОВЕРНУТЬ МОЖНО БЫЛО) ЕГОРОВ (СМ. СТР. 156 И 276) И Т. Д. ТОГДА ЕЩЕ ДЛЯ ГРОМАДНОГО БОЛЬШИНСТВА ПАРТИИ БЫЛО ЯСНО, ЧТО ИМЕННО ПРИХОДСКИЕ, КРУЖКОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ БУНДА, “ЮЖНОГО РАБОЧЕГО” И Т. Д. ВЫЗЫВАЮТ ПРОТЕСТ ПРОТИВ ЦЕНТРАЛИЗМА. ВПРОЧЕМ, И ТЕПЕРЬ ВЕДЬ ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА ПАРТИИ ЯСНО, ЧТО ИМЕННО КРУЖКОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ СТАРОЙ РЕДАКЦИИ “ИСКРЫ” ВЫЗЫВАЮТ ЕЕ ПРОТЕСТ ПРОТИВ ЦЕНТРАЛИЗМА...

Возьмите, например, речь т. Гольдבלата (160—161). Он ратует против моего “чудовищного” централизма, якобы ведущего к “уничтожению” низших организаций, “проникнутого насквозь стремлением предоставить центру неограниченную власть, право неограниченного вмешательства во все”, предоставляющего организациям “одно лишь право — повиноваться безропотно тому, что будет приказано свыше” и т. д. “Создаваемый проектом центр очутится в пустом пространстве, вокруг него не будет никакой периферии, а лишь некая аморфная масса, в которой будут двигаться его исполнительные агенты”. Ведь это точь-в-точь такое же *фальшивое фразерство*, которым после своего поражения на съезде стали угощать нас Мартовы и Аксельроды. Смеялись над Бундом, который, воюя против *нашего* централизма, сам у себя предоставляет центру *еще определеннее* очерченные неограниченные права (хотя бы, например, ввода и исключения членов, даже недопущения делегатов на съезды). Смеяться будут, разобрав дело, и над воплями *меньшинства*, которое кричит против централизма и против устава, когда оно в меньшинстве, и сейчас же опирается на устав, когда оно пробралось в большинство.

По вопросу о двух центрах группировка тоже сказала ясно: против *всех* искровцев стоят и Либер, и Акимов (первый затянувший любимую теперь аксельродовски-мартовскую песню о превалировании в Совете ЦО над ЦК), и Попов, и Егоров. Из тех организационных идей, которые всегда развивала *старая* “Искра” (и которые были одобрены *на словах* тов. Поповыми и Егоровыми!), план двух центров вытекал сам собою. С планами “Южного рабочего”, с планами создания параллельного популярного органа и превращения его в фактически преобладающий орган, шла вразрез политика *старой* “Искры”. Вот где лежит корень того странного на первый взгляд противоречия, что за один центр, т. е. *за больший*

якобы централизм, стоят все антиискровцы и все болото. Конечно, были (особенно среди болота) и такие делегаты, которые едва ли понимали ясно, к чему приведут и должны, в силу хода вещей, привести организационные планы “Южного рабочего”, но их толкала на сторону антиискровцев самая уже их нерешительная и неуверенная в себе натура.

Из речей искровцев во время *этих* (предшествовавших расколу искровцев) дебатов об уставе особенно замечательны речи гг. Мартова (“присоединение” к моим организационным идеям) и Троцкого. Последний ответил гг. Акимову и Либеру так, что этот ответ каждым словом избличает всю фальшь послесъездовского поведения и послесъездовских теорий “меньшинства”. “Устав, — говорил он (г. Акимов), — определяет сферу компетенции ЦК недостаточно точно. Я не могу согласиться с ним. Наоборот, это определение точно и означает: поскольку партия есть целое, необходимо обеспечить ее контролем над местными комитетами. Тов. Либер говорил, что устав есть, употребляя мое выражение, “организованное недоверие”. Это верно. Но это выражение было употреблено мной по отношению к предложенному представителями Бунда уставу, который представлял организованное недоверие со стороны части партии ко всей партии. Наш же устав” (тогда этот устав был “наш”, до поражения по вопросу о составе центров!) “представляет организованное недоверие со стороны партии ко всем ее частям, т. е. контроль над всеми местными, районными, национальными и другими организациями” (158). Да, *наш* устав охарактеризован *здесь* правильно, и мы почаще советовали бы вспоминать эту характеристику людям, которые теперь со спокойной совестью уверяют, что это злокозненное большинство придумало и ввело систему “организованного недоверия” или, что то же, “осадного положения”. Достаточно сличить приведенную речь с речами на съезде Заграничной лиги, чтобы получить образчик политической бесхарактерности, образчик того, как менялись взгляды Мартова и К°, смотря по тому, шла ли речь об их собственной или о чужой коллегии низшего порядка.

и) ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ УСТАВА

Мы уже привели те различные формулировки, из-за которых разгорелись интересные дебаты на съезде. Дебаты эти заняли почти два заседания и закончились *двумя именными* голосованиями (в течение всего съезда было, если я не ошибаюсь, только восемь именных голосований, которые предпринимались лишь в особо важных случаях вследствие громадной потери времени, вызывавшейся этими голосованиями). Вопрос затронут был, несомненно, принципиальный. Интерес съезда к дебатам был громадный. В голосовании участвовали *все* делегаты — явление редкое на нашем съезде (как и на всяком большом съезде) и свидетельствующее равным образом о заинтересованности споривших.

В чем же, спрашивается, заключалась суть спорного вопроса? Я сказал уже на съезде и повторял потом не раз, что “вовсе не считаю наше разногласие (по § 1) таким существенным, чтобы от него зависела жизнь или смерть партии. От плохого пункта устава мы далеко еще не погибнем!” (250)^a. Само по себе это разногласие, хотя оно и вскрывает принципиальные оттенки, никоим образом не могло вызвать такого расхождения (фактически, если говорить без условностей, того раскола), которое создалось после съезда. Но всякое *маленькое* разногласие может сделаться *большим*, если на нем настаивать, если выдвинуть его на первый _____

^a См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 287. Ред.

план, если *приняться* за разыскание всех корней и всех ветвей этого разногласия. Всякое *маленькое* разногласие может получить *огромное* значение, если оно послужит исходным пунктом *поворота* к известным ошибочным воззрениям и если эти ошибочные воззрения соединятся, в силу новых и добавочных расхождений, с *анархическими* действиями, доводящими партию до раскола.

Именно так обстояло дело и в данном случае. Небольшое сравнительно разногласие по

§ 1 получило теперь громадное значение, ибо именно оно послужило поворотным пунктом к оппортунистическому глубокомыслию и к анархическому фразерству меньшинства (на съезде Лиги в особенности, а потом и на страницах новой “Искры”). Именно оно *положило начало* той коалиции искровского меньшинства с антиискровцами и с болотом, которая окончательно отлилась в определенные формы ко времени выборов и без понимания которой *нельзя понять* и главного, коренного расхождения в вопросе о составе центров. Маленькая ошибка Мартова и Аксельрода по § первому представляла из себя маленькую щель в нашей посудине (как я выразился на съезде Лиги). Можно было связать посудину покрепче, мертвым *узлом* (а не мертвой петлей, как слышалось Мартову, находившемуся во время съезда Лиги в состоянии, близком к истерике). Можно было направить *все* усилия на то, чтобы сделать щель большой, чтобы расколоть посудину. Вышло, благодаря бойкоту и тому подобным анархическим мерам усердных мартовцев, именно последнее. Разногласие по параграфу первому сыграло немалую роль в вопросе о выборе центров, а поражение Мартова по этому вопросу привело его к “принципиальной борьбе” путем грубо-механических и даже скандальных (речи на съезде “Заграничной лиги русской революционной социал-демократии”) средств.

Теперь, после всех этих происшествий, вопрос о § первом получил, таким образом, *огромное значение*, и мы должны дать себе точный отчет и в характере группировок на съезде при голосовании этого § и, — что еще несравненно важнее, — в действительном характере тех *оттенков в воззрениях*, которые наметились или начали намечаться по § первому. *Теперь*, после известных читателям происшествий, вопрос *поставлен* уже таким образом: отразилась ли на формулировке Мартова, защищавшейся Аксельродом, его (или их) неустойчивость, шаткость и политическая расплывчатость, как выражался я на съезде партии (333), его (или их) уклонение в жоресизм и анархизм, как полагал Плеханов на съезде Лиги (102 и др. прот. Лиги)? Или на формулировке моей, защищавшейся Плехановым, отразилось неправильное, бюрократическое, формалистическое, помпадурское, не социал-демократическое понимание централизма? *Оппортунизм и анархизм или бюрократизм и формализм?* — так *поставлен* вопрос *теперь*, когда маленькое расхождение сделалось большим. И мы должны *иметь в виду* именно *эту*, — событиями навязанную нам всем, — исторически данную, сказал бы я, если б это не звучало слишком громко, — постановку вопроса при обсуждении *по существу* доводов за и против моей формулировки.

Начнем разбор этих доводов с анализа съездовских прений. Первая речь, тов. Егорова, интересна только тем, что его отношение (*non liquet*, мне еще не ясно, я еще не знаю, где правда) очень характерно для отношения многих делегатов, которым не легко было разобраться в действительно новом, довольно сложном и детальном вопросе. Следующая речь, тов. Аксельрода, ставит уже сразу вопрос принципиально. Это — первая принципиальная, вернее даже сказать, вообще первая речь тов. Аксельрода на съезде, и трудно признать его дебют с пресловутым “профессором” особенно удачным. “Я думаю, что нам нужно, — говорил тов. Аксельрод, — разграничить понятия — партия и организация. А здесь эти два понятия смешиваются. Это смешение опасно”. Таков первый довод против моей формулировки. Присмотритесь к нему поближе. Если я говорю, что партия должна быть *суммой* (и не простой арифметической суммой, а комплексом) *организаций*^a, то значит ли это, что я “смешиваю” понятия партия и

---

^a Слово “организация” употребляется обыкновенно в двух смыслах, широком и узком. В узком смысле оно означает отдельную ячейку человеческого коллектива, хотя бы в минимальной степени оформленного. В широком смысле оно означает сумму таких ячеек, сплоченных в одно целое. Например, флот, армия, государство представляют из себя в одно и то же время сумму организации (в широком смысле слова) и разновидность общественной организации (в широком смысле слова). Учебное ведомство есть организация (в широком

смысле слова), учебное ведомство состоит из ряда организаций (в узком смысле слова) Точно так же и партия есть организация, *должна быть* организацией (в широком смысле слова), в то же время партия должна состоять из целого ряда разнообразных организаций (в узком смысле слова) Поэтому тов. Аксельрод, говорящий о разграничении понятий — партия и организация, во-первых, не привлек во внимание этой разницы в широком и узком значении слова организация, а во-вторых, не за метил того, что он сам *смешал* организованные и неорганизованные элементы в одну кучу.

организация? Конечно, нет. Я выражаю этим совершенно ясно и точно свое пожелание, свое требование, чтобы партия, как передовой отряд класса, представляла собою нечто возможно более *организованное*, чтобы партия воспринимала в себя лишь такие элементы, которые *допускают хоть минимум организованности*. Наоборот, мой оппонент *смешивает* в партии организованные элементы с неорганизованными, поддающиеся руководству и не поддающиеся, передовые и неисправимо-отсталые, ибо исправимо-отсталые могут войти в организацию. Вот *это смешение* действительно *опасно*. Тов. Аксельрод ссылается дальше на “строго конспиративные и централистические организации прошлого” (“Земли и воли”⁶ и “Народной воли”⁷): вокруг них-де “группировался целый ряд лиц, не входивших в организацию, но так или иначе помогавших ей и считавшихся членами партии... Этот принцип должен быть еще более строго проведен в социал-демократической организации”. Вот именно тут мы и подошли к одному из *гвоздей* вопроса: действительно ли “этот принцип” есть социал-демократический, — принцип, разрешающий называть себя членами партии тем, кто ни в одну из организаций партии не входит, а только “так или иначе помогает ей”? И Плеханов дал единственно возможный ответ на этот вопрос: “Аксельрод был неправ в своей ссылке на 70-ые годы. Тогда существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого. Нам нужно не подражать анархии 70-х годов, а избегать ее”. Таким образом, “этот принцип”, который тов. Аксельрод хотел выдать за социал-демократический, на самом деле есть *принцип анархический*. Чтобы опровергнуть это, надо показать *возможность* контроля, руководства и дисциплины вне организации, надо показать *необходимость* того, чтобы “элементам хаоса” было присваиваемо название членов партии. Защитники формулировки тов. Мартова не показали и не могли показать *ни того, ни другого*. Тов. Аксельрод для примера взял “профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом”. Чтобы довести до конца мысль, заключающуюся в этом примере, тов. Аксельрод должен был бы сказать далее: признают ли сами организованные социал-демократы этого профессора социал-демократом? Не поставив этого дальнейшего вопроса, тов. Аксельрод бросил свою аргументацию на половине. В самом деле, одно из двух. Или организованные социал-демократы признают интересующего нас профессора социал-демократом, — и тогда почему бы им не включить его в ту или другую социал-демократическую организацию? Только при условии такого включения “заявления” профессора будут соответствовать его делам, будут не пустыми фразами (каковыми слишком часто остаются профессорские заявления). Или организованные социал-демократы *не* признают профессора социал-демократом, — и тогда нелепо, бессмысленно и *вредно* давать ему право носить почетное и ответственное звание члена партии. Дело сводится, таким образом, именно к последовательному проведению принципа организации или к освящению разброда и анархии. Строим ли мы партию, исходя из того уже создавшегося и сплотившегося ядра *социал-демократов*, которое создало, скажем, партийный съезд и которое должно расширять и умножать всяческие партийные организации, или мы довольствуемся успокоительной *фразой*, что все помогающие суть члены партии? “Если мы примем формулу Ленина, — продолжал тов. Аксельрод, — то мы выбросим за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но

являющихся тем не менее членами партии”. Смещение понятий, в котором хотел обвинить меня тов. Аксельрод, выступает тут у него самого с полной ясностью: он принимает уже за данное, что все помогающие *являются* членами партии, тогда как из-за этого и идет спор, и оппоненты должны еще *доказать* необходимость и пользу такого толкования. Какое содержание этой страшной, на первый взгляд, фразы: выбросить за борт? Если членами партии признаются только члены организаций, признанных за партийные, то люди, не могущие “непосредственно” войти ни в одну партийную организацию, могут ведь работать в организации непартийной, но примыкающей к партии. О выбрасывании за борт в смысле отстранения от работы, от участия в движении не может быть, следовательно, и речи. Напротив, чем крепче будут наши партийные организации, включающие в себя *действительных* социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет *внутри* партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею элементы рабочих *масс*. Ведь нельзя же смешивать, в самом деле, партию, как передовой отряд рабочею класса, со всем классом. А именно в такое смешение (характерное для нашего оппортунистического экономизма вообще) впадает тов. Аксельрод, когда он говорит: “Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны, раз мы партия класса, подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя быть может и не совсем активно, примыкающих к этой партии”. Во-первых, в число активных элементов социал-демократической рабочей партии войдут вовсе не одни только организация революционеров, а *целый ряд* рабочих организаций, признанных за партийные. Во-вторых, по какой бы это причине, в силу какой логики из того факта, что мы - партия класса, мог следовать вывод о ненужности различия между *входящими* в партию и *примыкающими* к партии? Как раз напротив: именно в силу существования различий по степени сознательности и степени активности необходимо провести различие по степени близости к партии. Мы — партия класса, и потому *почти весь класс* (а в военные времена, в эпоху гражданской войны, и совершенно весь класс) должен действовать под руководством нашей партии, должен примыкать к нашей партии как можно плотнее, но было бы маниловщиной и “хвостизмом” думать, что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии, при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии. Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация (более примитивная, более доступная сознательности неразвитых слоев) не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс. Только обманывать себя, закрывать глаза на громадность наших задач, суживать эти задачи — значило бы забывать о различии между передовым отрядом и всеми массами, тяготеющими к нему, забывать о постоянной обязанности передового отряда *поднимать все* более и более обширные слои до этого передового уровня. Именно таким закрыванием глаз и забвением является стирание разницы между примыкающими и входящими, между сознательными и активными — и помогающими.

Ссылаться на то, что мы — партия класса, *в оправдание* организационной расплывчатости, *в оправдание* смешения организации и дезорганизации — значит повторять ошибку Надеждина, который смешивал “философский и социально-исторический вопрос о “корнях” движения в “глубине” с технически-организационным вопросом” (“Что делать?”, стр. 91)^a. Именно это смешение, с легкой руки тов. Аксельрода, повторяли затем десятки раз ораторы, защищавшие формулировку тов. Мартова. “Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше” — говорит Мартов, не объясняя, однако, какая же польза от широкого распространения *названия*, не соответствующего содержанию. Можно ли отрицать, что контроль за не входящими в организацию партии членами есть фикция? Широкое распространение фикции вредно, а не полезно. “Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявить себя членом партии” (стр. 239). В самом деле? *Каждый стачечник* должен иметь право *объявить себя членом партии*? Этим положением тов. Мартов сразу доводит свою ошибку до абсурда,

принижая социал-демократизм до стачкизма, повторяя злоключения Акимовых. Мы можем только радоваться, если социал-демократии удастся руководить каждой стачкой, ибо прямая и безусловная обязанность социал- _____

^a См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 120—121. *Ред.*

демократии руководить всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, а стачка есть одно из глубочайших и наиболее могучих проявлений этой борьбы. Но мы будем хвостистами, если допустим *отождествление* такой первоначальной, *ipso facto*^a не более, как тред-юнионистской формы борьбы с всесторонней и сознательной социал-демократической борьбой. Мы будем оппортунистически *узаконять заведомую фальшь*, если дадим право каждому стачечнику “объявлять себя членом партии”, ибо такое “объявление” *в массе случаев* будет объявлением *ложным*. Мы станем убаюкивать себя маниловскими мечтами, если вздумаем уверять себя и других, что *каждый стачечник* может *быть* социал-демократом и членом социал-демократической партии при том бесконечном раздроблении, угнетении и отуплении, которое при капитализме неизбежно будет тяготеть над очень и очень широкими слоями “необученных”, неквалифицированных рабочих. Именно на примере “*стачечника*” особенно ясно видна разница между *революционным стремлением* социал-демократически руководить каждой стачкой и *оппортунистической фразой*, объявляющей членом партии *каждого* стачечника. Мы — партия класса, поскольку мы *на деле* социал-демократически руководим почти всем или даже всем классом пролетариата; но из этого только Акимовы могут делать вывод, что мы *на словах* должны отождествлять партию и класс.

“Я не боюсь заговорщической организации”, говорил в той же речи тов. Мартов, — но, добавлял он, “заговорщическая организация для меня имеет смысл лишь постольку, поскольку ее облекает широкая социал-демократическая рабочая партия” (стр. 239). Надо было сказать, чтобы быть точным: поскольку ее облекает широкое социал-демократическое рабочее *движение*. И в такой форме положение тов. Мартова не только бесспорно, оно является прямым тавтолизмом. Я останавливаюсь на этом пункте лишь потому, что из тавтолизма тов. Мартова последующие ораторы сделали очень *ходкий и очень вульгарный* довод, что-де Ленин хочет “ограничить всю сумму членов партии суммой заговорщиков”. Этот вывод, способный вызвать лишь улыбку, делал и тов. Посадовский и тов. Попов, а когда его подхватили Мартынов и Акимов, то истинный его характер обрисовался уже вполне, именно характер оппортунистической фразы. В настоящее время этот же довод развивает в новой “Искре” тов. Аксельрод для ознакомления читающей публики с новыми организационными взглядами новой редакции. Еще на съезде, в первом же заседании, обсуждавшем вопрос о § 1, я заметил, что оппоненты хотят воспользоваться таким дешевым оружием, и потому предостерегал в своей речи (стр. 240): “Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими свободными, *lose Organisationen*”^b. Это — до такой степени самоочевидная, сама собою разумеющаяся истина, что на ней останавливаться я считал лишним. Но по нынешним временам, когда нас оттащили назад в очень и очень многом, приходится “повторять зады” и здесь. Для такого повторения приведу несколько выписок из “Что делать?” и из “Письма к товарищу”:

...“Кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса”^c. Чтобы быть социал-демократической *партией*, надо добиться *поддержки* именно *класса*. Не партия должна облекать заговорщическую организацию, как думал тов. Мартов, а революционный класс,

пролетариат, должен облекать партию, включающую в себя и заговорщические и незаговорщические организации.

...“Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях... Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами цеховых союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы

---

^A — В СИЛУ САМОГО ФАКТА, ПО СУЩЕСТВУ. *Ред.*

^b См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 287. *Ред.*

^c См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 106. *Ред.*

размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организациями. И чем шире эти организации, тем тире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только “стихийным” развитием экономической борьбы, но и прямым сознательным воздействием на товарищей социалистических членов союза” (стр. 86)^a. Кстати сказать, пример профессиональных союзов особенно характерен для оценки спорного вопроса о § 1. Что эти союзы *должны* работать “под контролем и руководством” социал-демократических организаций, — об этом не может быть двух мнений среди социал-демократов. Но *на этом основании* давать право всем членам таких союзов “объявлять себя” членами социал-демократической партии было бы явной нелепостью и грозило бы принести двоякий вред: *сузить* размеры цехового движения и ослабить солидарность рабочих на этой почве, с одной стороны. С другой стороны, это открывало бы двери социал-демократической партии для расплывчатости и шаткости. Германская социал-демократия имела случай разрешать подобный вопрос в конкретной постановке, когда всплыл знаменитый инцидент с гамбургскими каменщиками, работавшими сдельно⁸. Социал-демократия ни минуты не колебалась признать штрейкбрехерство бесчестным с точки зрения социал-демократа поступком, т. е. признать руководство стачками, поддержку их *своим* кровным делом, но в то же время она столь же решительно отвергла требование отождествить интересы партии с интересами цеховых союзов, *возложить на партию ответственность* за отдельные шаги отдельных союзов. Партия должна и будет стараться пропитать своим духом, подчинить своему влиянию цеховые союзы, но именно в интересах этого влияния она должна выделять вполне социал-демократические (входящие в социал-демократическую партию) элементы этих союзов от не вполне сознательных и не вполне политически активных, а не смешивать те и другие, как хочет тов. Аксельрод.

...“Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций, рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во *всех* других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организация необходимы повсюду в *самом широком* числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно *смешивать* их с организацией *революционеров*, стирать грань между ними”... (стр. 96)^b. Из этой справки видно, как некстати напоминал мне тов. Мартов, что организацию революционеров должны *облекать*

широкие рабочие организации. Я указывал на это еще в “Что делать?”, а в “Письме к товарищу” развивал эту идею конкретнее. Заводские кружки — писал я там — “для нас особенно важны: ведь вся главная сила движения — в организованности рабочих на *крупных* заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью... Заводской подкомитет должен стараться охватить весь завод, возможно большую долю рабочих сетью всевозможных кружков (или агентов)... Все группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета. Одни из них прямо заявят о своем желании войти в состав Российской социал-демократической рабочей партии и, *при условии утверждения* комитетом, войдут в ее состав, примут на себя (по поручению комитета или по соглашению с ним) известные функции, обяжутся повиноваться распоряжениям органов партии, *получат права всех членов партии*, будут считаться ближайшими кандидатами в члены комитета и т. д. Другие *не войдут* в РСДРП, будучи на положении кружков, устроенных членами партии, или примыкающих к той или иной группе партии и т. д.” стр. 17—18)^а. Из подчеркнутых мною слов особенно ясно видно, что *идея*

---

^а ТАМ ЖЕ, СТР. 114. *РЕД.*

^б См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 126. *Ред.*

моей формулировки § 1 вполне выражена уже в “Письме к товарищу”. Условия вхождения в партию прямо указаны здесь, именно: 1) известная степень организованности и 2) утверждение комитета партии. Страницей дальше я указываю примерно и то, какие группы и организации и по каким соображениям должны (или не должны) быть вводимы в партию: “Группа разносчиков должна принадлежать к РСДРП и знать известное число ее членов и ее должностных лиц. Группа, изучающая профессиональные условия труда и вырабатывающая виды профессиональных требований, не обязательно должна принадлежать к РСДРП. Группа студентов, офицеров, служащих, занимающихся самообразованием *при участии* одного-двух членов партии, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности к партии и т. д.” (стр. 18—19)^б.

Вот вам еще материал к вопросу об “открытом забрале”! В то время, как формула проекта тов. Мартова совершенно не затрагивает даже отношения партии к организациям, — я указывал уже чуть ли не за год до съезда, что одни организации должны войти в партию, другие — нет. В “Письме к товарищу” ясно выступает уже идея, защищавшаяся мною на съезде. Дело наглядно могло бы быть представлено следующим образом. По степени организованности вообще и конспиративности организации в частности можно различать такие, примерно, разряды: 1) организации революционеров; 2) организации рабочих, возможно более широкие и разнообразные (я ограничиваюсь одним рабочим классом, предполагая само собою разумеющимся, что известные элементы других классов тоже войдут сюда, при известных условиях). Эти два разряда составляют партию. Далее, 3) организации рабочих, примыкающие к партии; 4) организации рабочих, не примыкающие к партии, но фактически подчиняющиеся ее контролю и руководству; 5) неорганизованные элементы рабочего класса, которые отчасти тоже подчиняются, по крайней мере в случаях крупных проявлений классовой борьбы, руководству социал-демократии. Вот как, приблизительно, представляется дело, с моей точки зрения. Наоборот, с точки зрения тов. Мартова, граница партии остается совершенно неопределенной, ибо “каждый стачечник” может “объявлять себя членом партии”. Какая польза от этой расплывчатости? Широкое распространение “названия”. Вред ее — внесение *дезорганизующей* идеи о смешении класса и партии.

Для иллюстрации выставленных нами общих положений бросим еще беглый взгляд на дальнейшие прения на съезде по § 1. Тов. Брукэр высказывается (к удовольствию тов. Мартова) за мою формулировку, но *его* союз со мною оказывается, в отличие от союза тов. Акимова с Мартовым, основанным на недоразумении. Тов. Брукэр “не согласен со всем уставом и всем его духом” (стр. 239) и защищает мою формулу, как *основу демократизма*, желанного для сторонников “Рабочего Дела”. Тов. Брукэр не поднялся еще на ту точку зрения, что в политической борьбе приходится иногда выбирать *меньшее из зол*; т. Брукэр не заметил, что защищать демократизм на таком съезде, как наш, бесполезно. Тов. Акимов оказался прозорливее. Он совершенно верно поставил вопрос, признавши, что “тт. Мартов и Ленин спорят, какая (формулировка) лучше достигает их общей цели” (стр. 252). “Я и Брукэр, — продолжает он, — хотим выбрать ту, которая меньше достигает цели. В этом отношении я выбираю формулировку Мартова”. И тов. Акимов с откровенностью пояснил, что “самую цель их” (Плеханова, Мартова и мою — создание руководящей организации революционеров) он считает “неосуществимой и вредной”; он отстаивает, как и тов. Мартынов^с, идею экономистов о ненужности “организации революционеров”. Он “полон веры, что жизнь все же ворвется в нашу пар- _____

^a См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 15, 18—19. *Ред.*

^b См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 19. *Ред.*

^c Тов. Мартынов, впрочем, хочет отличаться от тов. Акимова, хочет доказать, что заговорщический будто бы не значит конспиративный, что за разницей этих слов скрывается разница понятий. Какая это разница, ни тов. Мартынов, ни идущий теперь по его стопам тов. Аксельрод так и не объяснили тов. Мартынов “делает вид”, будто я, например, в “Что делать?” не высказался решительно (как и в “Задачах” (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 433—470. *Ред.*)) против “сужения политической борьбы до заговора” Тов. Мартынов хочет заставить слушателей забыть, что те, с кем я воевал, не *видели* надобности в *организации революционеров*, как не видит ее и сейчас товарищ Акимов.

тийную организацию, независимо от того, загородите вы ей дорогу формулой Мартова или формулой Ленина”. На этом “хвостистском” понимании “жизни” не стоило бы останавливаться, если бы мы не встретили его также у т. Мартова. Вторая речь т. Мартова (стр. 245) вообще настолько интересна, что ее стоит разобрать подробно.

Первый довод т. Мартова: контроль партийных организаций над не входящими в организации членами партии “осуществим, поскольку комитет, поручая кому-либо известную функцию, имеет возможность следить за ней” (стр. 245). Этот тезис замечательно характерен, ибо он “выдает”, если можно так выразиться, кому нужна и кому будет *на деле* служить формулировка Мартова: интеллигентным ли одиночкам или рабочим группам и рабочим массам. Дело в том, что возможны два толкования формулы Мартова: 1) членом партии вправе “*объявлять себя*” (слова самого тов. Мартова) всякий, кто оказывает ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций; 2) членом партии всякая ее организация *вправе признать* всякого, кто оказывает ей регулярное личное содействие под ее руководством. Только первое толкование дает действительно возможность “каждому стачечнику” назваться членом партии, и *только оно*, поэтому, и завоевало сразу сердца Либеров, Акимовых и Мартыновых. Но это толкование является уже, очевидно, фразой, ибо тогда сюда подойдет весь рабочий класс, я сотрется различие между партией и классом; о контроле и руководстве за “каждым стачечником” можно говорить только “символически”. Вот почему т. Мартов и сбился во второй своей речи сейчас же на второе толкование (хотя, в скобках сказать, *оно прямо отклонено съездом*, отвергшим резолюцию Костича⁹, стр. 255): комитет будет поручать функции и следить за их выполнением. Такие специальные поручения никогда, конечно, не будут иметь места по отношению к *массе рабочих*, к *тысячам* пролетариев (о которых говорят т. Аксельрод и т. Мартынов), — они

будут даваться зачастую вот именно тем *профессорам*, которых поминал т. Аксельрод, тем *гимназистам*, о которых заботился т. Либер и т. Попов (стр. 241), той *революционной молодежи*, на которую ссылался т. Аксельрод в своей второй речи (стр. 242). Одним словом, формула т. Мартова либо останется мертвой буквой, пустой фразой, либо она принесет пользу главным образом и почти исключительно “*интеллигентам, насквозь пропитанным буржуазным индивидуализмом*” и не желающим входить в организацию. На словах формула Мартова отстаивает интересы широких слоев пролетариата; на деле эта формула послужит интересам *буржуазной интеллигенции*, чурающейся пролетарской дисциплины и организации. Никто не решится отрицать, что *интеллигенция, как особый слой* современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, *именно индивидуализмом* и неспособностью к дисциплине и организации (ср. хотя бы известные статьи Каутского об интеллигенции); в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и неустойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям *мелкобуржуазного существования* (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.). Не случайность, наконец, и то, что именно защитники формулы т. Мартова должны были выдвинуть примеры профессоров и гимназистов! Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили, в спорах о § 1, против поборников радикально-заговорщической организации, как думали тт. Мартынов и Аксельрод, а сторонники *буржуазно-интеллигентского индивидуализма* столкнулись с сторонниками *пролетарской организации и дисциплины*.

Тов. Попов говорил: “Всюду в Петербурге, как в Николаеве или Одессе, по свидетельству представителей этих городов, есть десятки рабочих, которые распространяют литературу, ведут устную агитацию и которые не могут быть членами организации. Их можно приписать к организации, но считать членами нельзя” (стр. 241). Почему они не могут быть членами организации? это осталось тайной т. Попова. Я уже цитировал выше место из “Письма к товарищу”, показывающее, что именно включение всех таких рабочих (сотнями, а не десятками) в организации и возможно и необходимо, причем очень и очень многие из этих организаций могут и должны войти в партию.

Второй довод т. Мартова: “Для Ленина нет иных организаций в партии кроме партийных организаций”... Совершенно верно!.. “Для меня, напротив, такие организации должны существовать. Жизнь создает и плодит организации скорее, чем мы успеем включить их в иерархию нашей боевой организации профессиональных революционеров”... Это в двух отношениях неверно: 1) “жизнь” плодит гораздо меньше дельных организаций революционеров, чем нам нужно, чем требуется рабочим движением; 2) партия наша должна быть иерархией не только организаций революционеров, но и массы рабочих организаций... “Ленин думает, что ЦК утвердит в звании партийных только те организации, которые будут вполне надежны в принципиальном отношении. Но т. Брукэр хорошо понимает, что жизнь (sic!) возьмет свое и что ЦК, чтобы не оставить вне партии множества организаций, должен будет их легализовать, несмотря на их не вполне надежный характер; поэтому т. Брукэр и присоединяется к Ленину”... Вот уже поистине хвостистское понимание “жизни”! Конечно, если бы ЦК *обязательно* состоял из людей, руководящихся не своим мнением, а тем, что другие скажут (см. инцидент с ОК), тогда “жизнь” взяла бы “свое” в том смысле, что наиболее отсталые элементы партии взяли бы верх (*как это и случилось теперь, когда составилось из отсталых элементов партийное “меньшинство”*). Но ни одной *осмысленной* причины нельзя привести, которая бы заставила *толковый* ЦК вводить в партию “ненадежные” элементы. Именно этой ссылкой на “жизнь”, которая “плодит” ненадежные элементы, т. Мартов и показывает воочию оппортунистический характер своего организационного плана!.. “Я же думаю, — продолжает он, — что

ЕСЛИ ТАКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (НЕ ВПОЛНЕ НАДЕЖНАЯ) СОГЛАСНА ПРИНЯТЬ ПАРТИЙНУЮ ПРОГРАММУ И ПАРТИЙНЫЙ КОНТРОЛЬ, ТО МЫ МОЖЕМ ВВЕСТИ ЕЕ В ПАРТИЮ, НЕ ДЕЛАЯ ЕЕ ТЕМ САМЫМ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ. Я БЫ СЧИТАЛ БОЛЬШИМ ТОРЖЕСТВОМ НАШЕЙ ПАРТИИ, ЕСЛИ БЫ, НАПРИМЕР, КАКОЙ-НИБУДЬ СОЮЗ “НЕЗАВИСИМЫХ” ОПРЕДЕЛИЛ, ЧТО ОН ПРИНИМАЕТ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ И ЕЕ ПРОГРАММУ И ВСТУПАЕТ В ПАРТИЮ, ЧТО НЕ ЗНАЧИТ, ОДНАКО, ЧТО МЫ ВКЛЮЧАЕМ СОЮЗ В ПАРТИЙНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ”... Вот до какой путаницы доводит формула Мартова: непартийные организации, входящие в партию! Представьте только себе *ЕГО* схему: партия = 1) организации революционеров + 2) организации рабочих, признанные партийными, + 3) организации рабочих, непризнанные партийными (преимущественно из “независимых”), + 4) одиночки, исполняющие разные функции, профессора, гимназисты и т. д. + 5) “каждый стачечник”. Рядом с этим замечательным планом можно поставить лишь слова т. Либера: “Наша задача не только организовать организацию (!), мы можем и должны организовать партию” (стр. 241). Да, конечно, мы можем и должны сделать это, но для этого нужны не лишние слова, а *ПРЯМОЕ ТРЕБОВАНИЕ* от членов партии, чтобы они работали над *ОРГАНИЗАЦИЕЙ* на деле. Говорить об “организации партии” и защищать прикрытое словом партия всякой неорганизованности и всякого разброда — значит говорить пустые слова.

“Наша формулировка, — говорит т. Мартов, — выражает стремление к тому, чтобы между организацией революционеров и массой был ряд организаций”. Именно нет. Этого-то действительно обязательного стремления и не *выражает* формула Мартова, ибо она *не дает стимула организоваться*, не содержит требования организоваться, не отделяет организованного от неорганизованного. Она дает одно только *званьё*^А, и по этому поводу нельзя не вспомнить слов т. Аксельрода: “Никакими декретами нельзя

---

^А На съезде Лиги тов. Мартов выдвинул еще один довод в пользу своей формулировки, над которым стоит посмеяться. “Мы могли бы указать, — говорит он, — что формула Ленина, понятая буквально, выключает из партии *АГЕНТОВ ЦК*, ибо последние не составляют организации” (стр. 59). Довод этот и на съезде Лиги был встречен *СМЕХОМ*, как значится в протоколах. Тов. Мартов полагает, что указанное им “затруднение” разрешимо только тем, что агенты ЦК входят в “организацию ЦК”. Но дело не в этом. Дело в том, что своим примером тов. Мартов наглядно показал свое *ПОЛНОЕ НЕПОНИМАНИЕ ИДЕИ § 1*, показал чисто буквоедский образчик критики, действительно заслуживающий насмешки. *ФОРМАЛЬНО*, достаточно было бы образовать “организацию агентов ЦК”, составить *ПОСТАНОВЛЕНИЕ* о включении ее в партию, и “затруднение”, причинившее столько головоломной работы мысли тов. Мартову, сразу исчезло бы. *ИДЕЯ* же § 1 в моей формулировке состоит в *СТИМУЛЕ*, “организуйтесь!”, в обеспечении *РЕАЛЬНОГО* контроля и руководства. С точки зрения *СУЩЕСТВА ДЕЛА* смешон самый вопрос о том, войдут ли в партию агенты ЦК, ибо реальный контроль за ними обеспечен вполне и безусловно *УЖЕ ТЕМ, ЧТО ОНИ* назначены в агенты, уже тем, что их оставляют в должности агентов. Следовательно, о смешении организованного и неорганизованного (корень ошибки в формулировке тов. Мартова) здесь нет и речи. Негодность формулы тов. Мартова состоит в том, что всякий и каждый может *ОБЪЯВИТЬ СЕБЯ* членом партии, всякий оппортунист, всякий праздноболтающий, всякий “профессор” и всякий “гимназист”. Эту *АХИЛЛЕСОВУ ПЯТУ* своей формулировки тов. Мартов тщетно пытается отговорить посредством таких примеров, когда не может быть и речи о самозачислении себя в члены, об объявлении себя членом.

запретить им (кружкам революционной молодежи и проч.) и отдельным лицам называть себя социал-демократами” (святая истина!) “и даже считать себя частью партии”...

вот это уже *безусловно неверно!* Запрещать называться социал-демократом нельзя и *незачем*, ибо это слово выражает *непосредственно* лишь систему убеждений, а не определенные организационные отношения. Запрещать отдельным кружкам и лицам “считать себя частью партии” можно и должно, когда эти кружки и лица вредят делу партии, развращают или дезорганизуют ее. Смешно было бы говорить о *партии*, как целом, как политической величине, если бы она не могла “декретом запретить” кружку “считать себя частью” целого! И к чему бы тогда определять порядок и условия исключения из партии? Тов. Аксельрод наглядно привел к абсурду основную ошибку т. Мартова; он возвел даже эту ошибку в *оппортунистическую теорию*, когда добавил: “в формулировке Ленина § 1 является прямым принципиальным противоречием с самой сущностью (!!), с задачами социал-демократической партии пролетариата” (стр. 243). Это значит не больше и не меньше, как: предъявление более высоких требований к партии, чем к классу, есть принципиальное противоречие с самой сущностью задач пролетариата. Неудивительно, что Акимов горой встал за такую *теорию*.

Справедливость требует отметить, что тов. Аксельрод, *теперь* желающий превратить эту ошибочную, явно клонящую к оппортунизму, формулировку в зерно *новых* взглядов, — на съезде выразил, наоборот, готовность “поторговаться”, сказавши: “Но я замечаю, что стучусь в открытую дверь”... (я замечаю также это и на новой “Искре”)... “потому что тов. Ленин со своими периферийными кружками, считающимися частями партийной организации, идет навстречу моему требованию”... (и не только с периферийными кружками, но и со всякого рода рабочими союзами: ср. стр. 242 прот., из речи тов. Страхова, и цитированные выше выписки из “Что делать?” и “Письма к товарищу”)... “Остаются еще отдельные лица, но и тут можно бы еще поторговаться”. Я ответил тов. Аксельроду, что поторговаться, вообще говоря, не прочь^а, и должен пояснить теперь, в каком смысле было сказано это. Именно насчет отдельных лиц, всех этих профессоров, гимназистов и проч., всего менее согласился бы я на уступки; но если возбуждено было сомнение насчет рабочих организаций, то я согласился бы (несмотря на доказанную мною выше полную неосновательность этих сомнений) добавить к моему 1 § примечание вроде такого: “Рабочие организации, принимающие программу и устав Российской социал-демократической рабочей партии, должны быть в возможно большем числе включены в число партийных организаций”. Конечно, говоря строго, такому пожеланию место не в уставе, который должен ограничиваться юридическими определениями, а в пояснительных комментариях, в брошюрах (и я уже указал, что в своих брошюрах я задолго до устава приводил такие пояснения), но такое примечание не содержало бы, по крайней мере, несомненно входящих в формулировку тов. Мартова.

Последнее, приведенное мною в кавычках, выражение принадлежит тов. Павловичу, который очень справедливо отнес к *анархизму* признание членов *безответственных* и самих себя *зачисляющих* в партию”. “В переводе на простой язык” — разъяснял тов. Павлович мою формулировку тов. Либера — она означает: “раз ты хочешь быть членом партии, ты должен не только платонически признавать и организационные отношения”. Как ни прост этот “перевод”, он оказался, однако, не лишним (как показали события после съезда) не только для разных сомнительных профессоров и гимназистов, но и для самых доподлинных членов партии, в себе ни тени *неверных*, способных вести к дезорганизации, мыслей, ни тени *оппортунистических* рассуждений^а и “*анархических концепций*”, для людей верха... Не менее справедливо указал тов. Павлович на противоречие между формулой тов.

---

^а См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 287. *Ред.*

Мартова и тем бесспорным положением научного социализма, которое цитировал так неудачно тот же тов. Мартов. “Наша партия есть сознательная выразительница

бессознательного процесса”. Именно так. И именно поэтому неправильно тянуться за тем, чтобы “каждый стачечник” мог называть себя членом партии, ибо если бы “каждая стачка” была не только стихийным выражением могучего классового инстинкта и классовой борьбы, неизбежно ведущей к социальной революции, а *сознательным выражением* этого процесса, тогда... тогда всеобщая стачка не была бы анархической фразой, тогда наша партия сейчас же и сразу *покрыла бы собой* весь рабочий класс, а следовательно, сразу покончила бы и со *всем буржуазным обществом*. Чтобы быть *на деле* сознательной выразительницей, партия должна уметь выработать такие организационные отношения, которые бы *обеспечивали известный уровень* сознательности и систематически поднимали этот уровень. “Уж если идти путем Мартова, — сказал тов. Павлович, — то прежде всего нужно выкинуть пункт о признании *программы*, ибо, чтобы принять программу, ее нужно усвоить и понять... Признание программы обуславливается довольно высоким уровнем политического сознания”. Мы никогда не допустим, чтобы *поддержка* социал-демократии, чтобы *участие* в руководимой ею борьбе искусственно *ограничивалось* какими бы то ни было требованиями (усвоения, понимания и проч.), ибо самое это *участие* одним уже фактом своего проявления *поднимает* и сознательность и организационные инстинкты, но раз *мы соединились в партию* для планомерной работы, то мы должны позаботиться об обеспечении этой планомерности.

Что предостережение тов. Павловича насчет программы оказалось не лишним, это обнаружилось *тотчас же*, в течение *того же самого* заседания. Тов. Акимов и Либер, которые провели формулировку тов. Мартова^а, *сейчас же* обнаружили свою истинную натуру, потребовав (стр. 254—255), чтобы и программу надо было (для “членства” в партии) признавать лишь

---

^а К числу таких рассуждений, неизбежно всплывающих при попытках обоснования мартовской формулы, принадлежит в особенности фраза тов. Троцкого (стр. 248 и 346), что “оппортунизм создается более сложными (или: определяется более глубокими) причинами, чем тот или другой пункт устава, — он вызывается относительным уровнем развития буржуазной демократии и пролетариата”... Не в том дело, что пункты устава могут создавать оппортунизм, а в том, чтобы сковать при помощи их более или менее острое оружие против оппортунизма. Чем глубже его причины, тем острее должно быть это оружие. Поэтому *оправдывать* “глубокими причинами” оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хвостизм чистейшей воды. Когда тов. Троцкий был против тов. Либера, он понимал, что устав есть “организованное недоверие” целого к части, передового отряда к отсталому отряду, а когда тов. Троцкий оказался на стороне тов. Либера, он уже забыл это и даже стал оправдывать *слабость* и шаткость *нашей* организации этого недоверия (недоверия к оппортунизму) “сложными причинами”, “уровнем развития пролетариата” и т. п. Другой довод тов. Троцкого “интеллигентной молодежи, так или иначе организованной, гораздо легче *занести себя* (курс. мой) в списки партии”. Именно. Поэтому страдает интеллигентской расплывчатостью та формулировка, в силу коей даже неорганизованные элементы *объявляют себя* членами партии, а не моя. *устраняющая* право “заносить себя” в списки. Тов. Троцкий говорит, что если ЦК “не признает” организации оппортунистов, то только из-за характера лип, а раз эти лица известны, как политические индивидуальности, то они не опасны, их можно удалить общепартийным бойкотом. Это верно лишь по отношению к тем случаям, когда нужно *удалить из партии* (да и то верно наполовину, ибо организованная партия *удаляет* вотумом, а не бойкотом) Это совершенно неверно по отношению к гораздо более частым случаям, когда нелепо *удалять*, когда надо лишь *контролировать*. Для целей контроля ЦК *нарочно* может включить в партию, на известных условиях, не совсем надежную, но работоспособную организацию с тем, чтобы испытать ее, чтобы попытаться поправить ее *на путь истины*, чтобы своим руководством парализовать ее частичные уклонения и т. д. Такое включение не опасно, если не допускается вообще

“занесение себя” в списки партии. Такое включение часто будет полезно для открытого и *ответственного*, подконтрольного, выражения (и обсуждения) ошибочных взглядов и ошибочной тактики. “Но если юридические определения должны соответствовать фактическим отношениям, то формула тов. Ленина должна быть отвергнута” — говорит тов. Троцкий и говорит опять, как оппортунист. Фактические отношения не мертвы, а живут и развиваются. Юридические определения могут соответствовать прогрессивному развитию этих отношений, но могут также (если эти определения плохи) “соответствовать” регрессу или застою. Этот последний случай и есть “случай” тов. Мартова.

платонически, лишь ее “основные положения”. “Предложение тов. Акимова вполне логично с точки зрения тов. Мартова” — отметил тов. Павлович. К сожалению, мы не видим из протоколов, *сколько* голосов объединило это акимовское предложение, — по всей вероятности, не менее семи (пять бундовских, Акимов и Брукэр). И как раз уход именно *семи* делегатов со съезда превратил “компактное большинство” (антиискровцев, “центра” и мартовцев), начавшее складываться по § 1 устава, в компактное меньшинство! Как раз уход именно *семи* делегатов повел к провалу предложения об утверждении старой редакции, этому якобы вопиющему нарушению “преемственности” в ведении “Искры”! Оригинальная же *семерка* была единственным спасением и залогом искровской “преемственности”: эту семерку составляли бундовцы, Акимов и Брукэр, т. е. как раз делегаты, вотировавшие против *мотивов* признания “Искры” Центральным Органом, как раз делегаты, оппортунизм которых десятки раз был признаваем съездом и признан, в частности, Мартовым и Плехановым по вопросу о *смягчении* § 1 насчет программы. “Преемственность” “Искры”, охраняемая антиискровцами! — мы подходим тут к *завязке* послесъездовской трагикомедии.

***

Группировка голосов по § первому устава обнаружила явление совершенно того же типа, как и в инциденте с равноправием языков: отпадение от искровского большинства четвертой (приблизительно) его части дает возможность победы антиискровцам, за которыми идет “центр”. Конечно, и здесь есть отдельные голоса, нарушающие полную стройность картины, — в таком большом собрании, как наш съезд, неизбежно оказывается часть “диких”, случайно попадающих то на ту, то на другую сторону, особенно по такому вопросу, как § первый, где истинный характер расхождения только еще намечался и многие прямо *не успевали разобратся* (при отсутствии предварительной разработки вопроса в литературе). От искровцев большинства отпало пять голосов (Русов и Карский по два голоса и Ленский с одним голосом); наоборот, к ним примкнули один антиискровец (Брукэр) и трое из центра (Медведев, Егоров и Царев); получилась сумма в 23 голоса (24—5+4), на один голос меньше окончательной группировки по выборам. *Большинство дали Мартову антиискровцы*, из которых 7 было за него и один за меня (из “центра” тоже семь было за Мартова, три за меня). Та коалиция меньшинства искровцев с антиискровцами и с “центром”, которая образовала компактное меньшинство в конце съезда и после съезда, *начала складываться*. Политическая ошибка Мартова и Аксельрода, сделавших *несомненный шаг к оппортунизму и к анархическому индивидуализму* в формулировке § первого и особенно в защите этой формулировки, обнаружилась тотчас же и особенно рельефно благодаря свободной и открытой арене съезда, обнаружилась тем, что наименее устойчивые и наименее принципиально-выдержанные элементы сразу двинули все свои силы для расширения той щели, той пробоины, которая оказалась во взглядах революционной социал-демократии. Совместная работа на съезде людей, которые открыто преследовали в организационной области *разные цели* (см. речь Акимова), тотчас же толкнула *принципиальных* противников нашего организационного плана и нашего устава к поддержке ошибки тт. Мартова и Аксельрода. Искровцы, оставшиеся и в этом вопросе верными взглядам революционной социал-демократии, оказались *в меньшинстве*. Это — обстоятельство *громadной важности*, ибо без уяснения его совершенно нельзя понять ни борьбы из-за частностей устава, ни борьбы из-за личного состава Центрального Органа и

Центрального Комитета.

і) НЕВИННО ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ЛОЖНОГО ОБВИНЕНИЯ В ОПОРТУНИЗМЕ

---

^а За нее было подано 28 голосов, против 22. Из восьми антиискровцев семь было за Мартова, один за меня. Без помощи оппортунистов тов. Мартов не провел бы своей оппортунистической формулы. (На съезде Лиги тов. Мартов очень неудачно пытался опровергнуть этот несомненный факт, ограничиваясь почему-то голосами одних бундовцев и забывая о тов. Акимове и его друзьях, — вернее, вспоминая о них *лишь* тогда, когда это могло свидетельствовать против меня — согласие со мной тов. Брукэра.)

Прежде чем переходить к дальнейшим прениям об уставе, необходимо, для выяснения нашего расхождения по вопросу о личном составе центральных учреждений, коснуться *частных* заседаний организации “Искры”, происходивших во время съезда. Последнее и самое важное из этих четырех заседаний имело место *как раз после* голосования о § первом устава, — таким образом, происшедший на этом заседании раскол организации “Искры” явился и хронологически и логически предшествующим условием дальнейшей борьбы.

Частные заседания организации “Искры”^а начались вскоре после инцидента с ОК, который дал повод к обсуждению вопроса о возможных кандидатурах в ЦК. Само собою понятно, что в силу отмены императивных мандатов эти заседания носили исключительно совещательный, никого не связывающий характер, но их значение тем не менее было огромно. Выбор в ЦК представлял значительные трудности для делегатов, не знавших ни конспиративных имен, ни внутренней работы организации “Искры”, — организации, создавшей фактическое единство партии, осуществившей то руководство практическим движением, которое послужило одним из мотивов официального признания “Искры”. Мы уже видели, что при единстве искровцев им было вполне обеспечено крупное, до 3/5, большинство на съезде, и все делегаты прекрасно понимали это. Все искровцы именно и ждали того, чтобы *организация “Искры”* выступила с рекомендацией определенного личного состава ЦК, и ни один член этой организации не возразил ни словом против предварительного обсуждения в ней состава ЦК, ни один не заикнулся об утверждении всего состава ОК, т. е. превращении его в ЦК, не заикнулся *даже о совещании* со всем составом ОК относительно кандидатов в ЦК. Это обстоятельство тоже чрезвычайно характерно, и его крайне важно иметь в виду, ибо *теперь* мартовцы *задним числом* усердно защищают ОК, доказывая этим только в сотый и тысячный раз свою политическую бесхарактерность^б. Покуда еще раскол из-за состава центров не сплотил Мартова с Акимовыми, — для всех ясно было на съезде то, в чем легко убедиться, из протоколов съезда и из всей истории “Искры”, всякий беспристрастный человек, именно: что ОК был *главным образом* комиссией по созыву съезда, комиссией, составленной нарочно из представителей разных оттенков вплоть до бундовского; действительную же работу *создания* организационного единства партии всецело вынесла на своих плечах организация “Искры” (надо иметь также в виду, что на съезде совершенно случайно отсутствовали *несколько* искровских членов ОК как в силу арестов, так и по другим “независящим” обстоятельствам). Состав бывшей на съезде организации “Искры” приведен уже в брошюре т. Павловича (см. его “Письмо о II съезде”, стр. 13)¹⁰.

Окончательным результатом жарких дебатов в организации “Искры” было два вотума, приведенных уже мной в “Письме в редакцию”. Первый вотум: “отвергается одна из поддерживаемых Мартовым кандидатур девятью голосами против четырех при трех воздержавшихся”. Казалось бы, что может быть проще и естественнее такого факта: с общего согласия всех шестнадцати бывших на съезде членов организации “Искры”

обсуждается вопрос о возможных кандидатурах, и большинством отвергается одна из кандидатур т. Мартова (именно кандидатура т. Штейна, как выболтал уже теперь, не утерпев, и сам т. Мартов, стр. 69 “Осадного положения”)? Ведь на партийный съезд мы и собрались, между прочим, как раз для того, чтобы обсудить и решить вопрос о том, кому вручить “дирижерскую палочку” — и нашей общей партийной обязанностью было уделить этому

---

^А Я уже на съезде Лиги старался наметить по возможности узкие рамки изложения того, что было на частных собраниях, во избежание неразрешимых споров. Основные фанты изложены и в моем “Письме в редакцию “Искры”” (с. 4). Тов. Мартов не опротестовал их в своем “Ответе”.

^В Представьте только себе хорошенько эту “картину нравов”: *делегат* организации “Искры” на съезде совещается *только с* нею и не *заикается* даже о совещании с ОК. После же поражения своего и в этой организации и на съезде, он начинает *жалеть* о неутверждении ОК, воспевать его задним числом и величественно игнорировать организацию, которая дала ему мандат! Можно ручаться, что не найдется аналогичного факта в истории ни единой действительно социал-демократической и действительно рабочей партии.

пункту порядка дня самое серьезное внимание, решить этот вопрос с точки зрения *интересов дела*, а не “обывательских нежностей”, как выразился потом совершенно справедливо т. Русов. Конечно, при обсуждении вопроса о кандидатах на съезде нельзя было не коснуться и известных личных качеств, нельзя было не высказать своего одобрения или неодобрения^А, особенно в неофициальном и тесном собрании. *И я уже на съезде Лиги предупреждал*, что неодобрение кандидатуры нелепо считать чем-то “позорящим” (с. 49 прот. Лиги), нелепо делать “сцену” и поднимать истерику из-за того, что входит в прямое выполнение партийной обязанности выбирать должностных лиц сознательно и осмотрительно. А, между тем, ведь для нашего меньшинства отсюда-то и загорелся сыр-бор, они стали кричать *после съезда* о “разрушении репутации” (с. 70 прот. Лиги) и уверять *печатно широкую публику*, что т. Штейн был “главным деятелем” бывшего ОК и что его неосновательно обвиняли “в каких-то адских планах” (с. 69 “Осадное положение”). Ну, разве это не истерика, когда по поводу одобрения или неодобрения кандидатов кричат о “разрушении репутации”? Разве это не дрязга, когда, потерпев поражение и в частном собрании организации “Искры”, и в официальном, высшем партийном собрании, на съезде, люди потом поднимают жалобы перед улицей и рекомендуют почтеннейшей публике забракованных кандидатов как “главных деятелей”? — когда люди потом навязывают партии своих кандидатов путем раскола и требования *кооптации*? У нас до того смешались в затхлой заграничной атмосфере политические понятия, что т. Мартов не умеет уже отличить партийного долга от кружковщины и кумовства! Это, должно быть, бюрократизм и формализм — думать, что вопрос о кандидатах уместно обсуждать и решать *только* на съездах, где делегаты собираются для обсуждения, прежде всего, важных принципиальных вопросов, где сходятся представители движения, способные беспристрастно отнестись к вопросу о лицах, способные (и обязанные) *затребовать* и собрать все сведения о кандидатах для подачи решающего голоса, где уделение известного места спорам из-за дирижерской палочки естественно и необходимо. Вместо этого бюрократического и формалистического взгляда у нас введены теперь иные нравы: мы будем, после съездов, говорить направо и налево о политических похоронах Ивана Ивановича, о разрушении репутации Ивана Никифоровича; кандидатов будут рекомендовать в брошюрах те или иные литераторы и при этом фарисейски уверять, бия себя в грудь: не кружок, а партия... Читающая публика из тех, кто охоч до скандалов, так жадно будет упиваться этой сенсационной новостью, что вот такой-то был главным деятелем ОК, по уверению самого Мартова^В. Эта читающая публика

гораздо более способна обсудить и решить вопрос, чем формалистические учреждения вроде съездов с их грубо-механическими решениями по большинству... Да, большие еще Авгиевы конюшни¹¹ заграничной дрязги предстоит очистить нашим настоящим партийным работникам!

Другой вотум организации “Искры”: “принимается десятью голосами против двух, при четырех воздержавшихся, список пяти (в ЦК), в который введен, по моему предложению, один лидер неискровских элементов и один

---

^А Тов. Мартов горько жаловался в Лиге на резкость моего неодобрения. Не замечая, что из его жалоб получается вывод против него самого. Ленин вел себя, — употребляя его же выражение, — бешено (с 63 протоколов Лиги). Верно. Он хлопал дверью. Правда. Он возмутил своим поведением (на втором или третьем заседании орг. “Искры”) оставшихся на собрании членов. Истина. — Но что же отсюда следует? Только то, что мои доводы по существу спорных вопросов были убедительны и подтверждались ходом съезда. В самом деле. Если со мной оказалось все же, в конце концов, девять из шестнадцати членов организации “Искры”, то ясно, что это произошло *несмотря* на зловредные резкости, вопреки им. Значит, если бы не было “резкостей”, то может быть еще больше, чем девять, было бы на моей стороне. Значит, тем более убедительны были доводы и факты, чем большее “возмущение” должны были они перевесить.

^б Я тоже проводил в организации “Искры” и тоже не провел, подобно Мартову, одного кандидата в ЦК, относительно которого я тоже мог бы говорить о его великолепной, исключительными фактами доказываемой репутации до съезда и в начале съезда. Но мне это не приходит в голову. Этот товарищ *достаточно уважает себя*, чтобы не позволить никому выдвигать после съезда печатно его кандидатуру или жаловаться на политические похороны, на разрушение репутации в т. д.

лидер искровского меньшинства^а. Этот вотум крайне важен, ибо он ясно и неопровержимо доказывает всю лживость выросших потом, в атмосфере дрязги, рассказней, будто мы хотели вышибать из партии или отстранять неискровцев, будто большинство выбирало только одной половиной съезда из одной половины и т. п. Все это — сплошная фальшь. Приведенный мной вотум показывает, что не только из партии, но даже и из ЦК неискровцев мы не устранили, а давали своим оппонентам весьма значительное *меньшинство*. Все дело было в том, что они *хотели иметь большинство* и, когда это скромное желание не осуществилось, они подняли *скандал*, с полным отказом от участия в центрах. Что дело было именно так, вопреки утверждениям т. Мартова в Лиге, это видно из следующего *письма*, посланного нам, большинству искровцев (и большинству съезда, по уходе семи) меньшинством организации “Искры” вскоре после принятия 1 § устава на съезде (надо заметить, что собрание организации “Искры”, о котором я говорил, было *последним*: после него *фактически* организация распалась, и обе стороны старались убедить в своей правоте остальных делегатов съезда).

Вот текст письма:

“Выслушав объяснения делегатов Сорокина и Саблиной по вопросу о желании большинства редакции и группы “Освобождение труда” участвовать на собрании (такого-то числа^б) и установив с помощью этих делегатов, что на предыдущем собрании читался, как якобы исходящий от нас список кандидатов в ЦК, которым пользовались для неправильной характеристики всей нашей *политической* позиции, и имея в виду, что, во-первых, нам этот список приписан без всякой попытки проверить происхождение этого списка; что,

во-вторых, это обстоятельство стоит в несомненной связи с распространяемым открыто обвинением большинства редакции “Искры” и группы “Освобождение труда” в оппортунизме; и что, в-третьих, для нас совершенно ясна связь этого обвинения с имеющимся вполне определенным планом *изменения состава редакции “Искры”*, — мы находим данные нам объяснения о причинах недопущения на собрание неудовлетворяющими нас, а нежелание допустить на собрание — доказательством нежелания дать нам возможность рассеять вышеуказанные ложные обвинения.

По вопросу о возможном соглашении между нами об общем списке кандидатов в ЦК мы заявляем, что единственным списком, который мы можем принять, как основу соглашения, является такой: Попов, Троцкий, Глебов, причем подчеркиваем характер этого списка, как списка *КОМПРОМИССНОГО*, так как включение в этот список тов. ГЛЕБОВА имеет значение только уступки желаниям большинства, ибо, после выяснившейся для нас роли тов. ГЛЕБОВА на съезде, *МЫ НЕ СЧИТАЕМ ТОВА. ГЛЕБОВА* УДОВЛЕТВОРЯЮЩИМ ТРЕБОВАНИЯМ, КОТОРЫЕ СЛЕДУЕТ ПРЕДЪЯВЛЯТЬ К КАНДИДАТУ В ЦК.

Вместе с тем, мы подчеркиваем то обстоятельство, что, вступая в переговоры о кандидатурах в ЦК, мы это делаем без всякого отношения к вопросу о составе редакции ЦО, так как мы ни в какие переговоры по этому вопросу (о составе редакции) не согласны вступать.

За товарищей Мартов и Старовер”

Это письмо, точно воспроизводящее настроение спорящих сторон и положение спора, сразу вводит нас в “сердцевину” начинающегося раскола и показывает его действительные причины. Меньшинство организации “Искры”, не пожелав согласиться с большинством, предпочтя свободную агитацию на съезде (имея на то, конечно, полное право), добивается, тем не менее, от “делегатов” большинства допущения на их частное собрание! Понятно, что забавное требование встретило в нашем собрании (письмо было, разумеется, прочтено на собрании) только улыбку и пожиманье плеч, а вскрикивания, переходящие уже в истерику, относительно “ложных обвинений в оппортунизме” вызвали прямо смех. Но разберем сначала, по

---

^A См. настоящий том, стр. 100. *Ред.*

^b По моему расчету (см. настоящий том, стр. 481. *Ред.*), дата, приведенная в письме, приходится на вторник. Собрание было во вторник вечером, т. е. *после* 28-го заседания съезда. Эта хронологическая справка очень важна. Она *документально опровергает* мнение тов. Мартова, что мы разошлись по вопросу об организации центров, а не по вопросу об их личном составе. Она *документально доказывает* правильность моего изложения на съезде Лиги и в “Письме в редакцию” *После ss-go* заседания съезда тт. Мартов и Старовер усиленно толкуют о ложном обвинении в оппортунизме и ни *слова не* говорят о расхождении по вопросу о составе Совета или о кооптации в центры (о чем мы спорили в 25, 26 и 27 заседаниях).

пунктам, горькие жалобы Мартова и Старовера.

Им неправильно приписали список; их политическую позицию неправильно характеризуют. — Но как Мартов признает и сам (стр. 64 протоколов Лиги), я не подумал заподозрить правдивость его слов, что не он автор списка. Вопрос об авторстве вообще тут ни при чем, и был ли список намечен кем-либо из искровцев или кем-либо из представителей “центра” и т. п. — это не имеет ровно никакого значения. Важно то, что список этот, сплошь состоящий из членов теперешнего меньшинства, циркулировал на съезде, хотя бы даже в качестве простой догадки или предположения. *Важнее всего*, наконец, то, что т. Мартову *приходилось* на съезде отбояриваться руками и ногами от *такого* списка, который он теперь

должен бы был встретить с восторгом. Нельзя рельефнее обрисовать неустойчивость в оценке людей и оттенков, как этим прыжком за пару месяцев от воплей о “позорящем слухе” до навязывания партии в центр этих самых кандидатов позорящего, якобы, списка!^a

Этот список, — говорил т. Мартов на съезде Лиги, — “означал политически коалицию нашу и “Южного рабочего” с Бундом, коалицию в смысле *прямого соглашения*” (стр. 64). Это неверно, ибо, во-первых, Бунд никогда не пошел бы на “соглашение” о списке, в коем не было ни единого бундовца; а, во-вторых, о прямом соглашении (которое казалось Мартову позорным) не было *и не могло быть речи* не только с Бундом, но и с группой “Южного рабочего”. Дело шло именно не о соглашении, а о коалиции, не о том, чтобы т. Мартов заключал сделку, а о том, что его *неизбежно должны были поддержать* те самые антиискровские и шаткие элементы, с которыми он боролся в течение первой половины съезда и которые ухватились за его ошибку в § 1 устава. Письмо, приведенное мною, доказывает самым бесспорным образом, что *корень* “обиды” заключался именно в *открытом, да еще притом ложном, обвинении в оппортунизме*. “Обвинения” эти, из-за которых загорелся сыр-бор и которые так тщательно обходит *теперь* т. Мартов, несмотря на мое напоминание в “Письме в редакцию”, были двоякого рода: во-первых, во время прений о § 1 устава Плеханов прямо сказал, что вопрос о § 1 является вопросом об “отделении” от нас “всякого рода представителей оппортунизма” и что за мой проект, как оплот против их вторжения в партию, “уже по одному этому должны голосовать все противники оппортунизма” (стр. 246 протоколов съезда). Эти энергичные слова, несмотря на маленькое смягчение, которое я внес в них (стр. 250)^b, вызвали сенсацию, ясно выразившуюся в речах гг. Русова (стр. 247), Троцкого (стр. 248) и Акимова (стр. 253). В “кулуарах” нашего “парламента” тезис Плеханова живо комментировался и варьировался на тысячи ладов в бесконечных спорах о § 1. И вот, вместо того, чтобы защищаться по существу, наши дорогие товарищи ударились в смешную обиду вплоть до письменных жалоб на “ложное обвинение в оппортунизме”!

Психология кружковщины и поразительной партийной незрелости, неспособной выносить свежего ветерка открытых споров перед всеми, сказала тут воочию. Это — та знакомая российскому человеку психология, которая выражается старинным изречением: либо в зубы, либо ручку пожалуйте! Люди так привыкли к стеклянному колпаку тесной и теплой компанийки, что упали в обморок от первого же выступления, за своей ответственностью, на свободной и открытой арене. Обвинять, и кого же? Группу “Освобождение труда”, да еще большинство ее, в оппортунизме, — можете себе представить такой ужас! Либо партийный раскол из-за такого несмываемого оскорбления, либо замять эту “домашнюю неприятность” восстановлением “преемственности” стеклянного колпака — эта дилемма намечается уже довольно определенно в рассматриваемом письме. Психология интеллигентского индивидуализма и кружковщины столкнулась с требованием открытого выступления перед партией. Представьте себе только, чтобы в немецкой партии возможна была такая нелепость, такая дразга, как жалоба на “*ложное обвинение в оппортунизме*”! Пролетарская организация и дисциплина давно отучили там от этой интеллигентской хлюпкости. Никто не относится иначе, как с ве

---

^a ПРЕДЫДУЩИЕ СТРОКИ БЫЛИ УЖЕ НАБРАНЫ, КОГДА МЫ ПОЛУЧИЛИ СООБЩЕНИЕ ОБ ИНЦИДЕНТЕ ТОВ. ГУСЕВА И ТОВ. ДЕЙЧА. МЫ РАССМОТРИМ ЭТОТ ИНЦИДЕНТ ОСОБО В ПРИЛОЖЕНИИ. (СМ. НАСТОЯЩИЙ ТОМ, СТР. 405—414. *Ред.*)

^b См. Сочинения. 5 изд., том 7, стр. 288. *Ред.*

личайшим уважением, скажем, к Либкнехту, но как бы осмеяли там *жалобы* на то, что его “открыто обвиняли в оппортунизме” (вместе с Бебелем) на съезде 1895 года², когда он

оказался по аграрному вопросу в дурной компании заведомого оппортуниста Фольмара и его друзей. Имя Либкнехта неразрывно связано с историей немецкого рабочего движения не потому, конечно, что Либкнехту довелось впасть в оппортунизм по такому сравнительно мелкому и частному вопросу, а несмотря на это. И точно так же, несмотря ни на какое раздражение борьбы, имя, скажем, т. Аксельрода внушает и всегда будет внушать уважение всякому русскому социал-демократу, но не потому, что т. Аксельроду случилось защищать оппортунистическую идейку на втором съезде нашей партии, случилось выкопать старую анархическую дребедень на втором съезде Лиги, а несмотря на это. Только самая заскорузлая кружковщина с ее логикой: либо в зубы, либо ручку пожалуйста, могла поднять истерику, дрязгу и партийный раскол из-за “ложного обвинения в оппортунизме большинства группы “Освобождение труда””.

Другое основание этого ужасного обвинения связано с предыдущим самым неразрывным образом (т. Мартов тщетно пытался на съезде Лиги (стр. 63) обойти и затушевать *одну* из сторон этого инцидента). Оно относится именно к той *коалиции* антиискровских и шатких элементов с т. Мартовым, которая *наметилась* по § 1 устава. Разумеется, никакого ни прямого, ни косвенного соглашения между т. Мартовым и антиискровцами не было и быть не могло, и никто его в этом не подозревал: это ему только со страху показалось. Но его ошибка *политически* обнаружилась именно в том, что люди, несомненно тяготеющие к оппортунизму, стали образовывать вокруг него все более и более плотное “компактное” большинство (ставшее теперь меньшинством *только* благодаря “случайному” уходу семи делегатов). На эту “коалицию” мы указывали, конечно, тоже *открыто* тотчас же после § 1 и на съезде (см. отмеченное уже выше замечание т. Павловича, стр. 255 прот. съезда) и в организации “Искры” (особенно указывал на это, помнится, Плеханов). Это буквально то же самое указание и та же самая насмешка, которая падала и на Бебеля с Либкнехтом в 1895 году, когда Цеткина сказала им: “Es tut mir in der Seele weh, dab ich dich in der Gesellschaft seh” (горько у меня на душе, что я вижу тебя — т. е. Бебеля — в такой компании — т. е. с Фольмаром и К°)¹³. Странно это, право, что Бебель с Либкнехтом не послали тогда Каутскому и Цеткиной истерического послания о ложном обвинении в оппортунизме...

Что касается до списка кандидатов в ЦК, то письмо это показывает ошибку т. Мартова, утверждавшего в Лиге, что отказ столкнуться с нами не был еще окончательный, — лишний пример того, как неразумно в политической борьбе пытаться воспроизводить на память *разговоры*, вместо справки с документами. На самом деле “меньшинство” было так скромно, что предьявляло “большинству” ультиматум: взять двух из “меньшинства” и одного (в виде компромисса и *только* для уступки собственно!) от “большинства”. Это чудовищно, но это факт. И этот факт показывает воочию, как вздорны теперешние рассказы, будто “большинство” одной половиной съезда выбирало представителей одной только половины. *Как раз наоборот*: мартовцы лишь для уступки предлагали нам одного из трех, желая, следовательно, в случае несогласия нашего на эту оригинальную “уступку”, провести *всех* своих! Мы посмеялись, на нашем частном собрании, над скромностью мартовцев и составили себе список: Глебов — Травинский (выбранный потом в ЦК) — *Попов*. Этот последний был заменен нами (тоже на частном собрании 24-х) тов. Васильевым (выбранным потом в ЦК) *лишь потому*, что тов. Попов отказался идти в нашем списке, отказался сначала в частной беседе, а потом и на съезде открыто (стр. 338).

Вот как было дело.

Скромное “меньшинство” имело скромное желание быть в большинстве. Когда это скромное желание не было удовлетворено, “меньшинство” изволило вовсе отказаться и начать скандальчик. А теперь находятся еще люди, которые величественно-снисходительно толкуют о “неуступчивости” “большинства”!

“Меньшинство” предьявляло забавные ультиматумы “большинству”, идучи на рать

свободной агитации на съезде. Потерпев поражение, *наши герои расплакались и закричали об осадном положении. Voila tout^a.*

УЖАСНОЕ ОБВИНЕНИЕ в том, что мы намерены изменить состав редакции, мы (ЧАСТНОЕ СОБРАНИЕ 24-Х) ВСТРЕТИЛИ ТОЖЕ УЛЫБКОЙ: ВСЕ ПРЕКРАСНО ЗНАЛИ С САМОГО НАЧАЛА СЪЕЗДА И ЕЩЕ ДО СЪЕЗДА О ПЛАНЕ *ОБНОВЛЕНИЯ* РЕДАКЦИИ ПУТЕМ ВЫБОРА ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОЙКИ (ПОДРОБНЕЕ Я СКАЖУ ОБ ЭТОМ, КОГДА БУДЕТ РЕЧЬ О ВЫБОРЕ РЕДАКЦИИ НА СЪЕЗДЕ). ЧТО “МЕНЬШИНСТВО” ИСПУГАЛОСЬ ЭТОГО ПЛАНА *ПОСЛЕ ТОГО*, КАК УВИДЕЛО, ЧТО ПРЕКРАСНЫМ ПОДТВЕРЖДЕНИЕМ ПРАВИЛЬНОСТИ ЭТОГО ПЛАНА ЯВИЛАСЬ КОАЛИЦИЯ “МЕНЬШИНСТВА” С АНТИИСКРОВЦАМИ, — ЭТО НАС НЕ УДИВИЛО, ЭТО БЫЛО ВПОЛНЕ ЕСТЕСТВЕННО. МЫ НЕ МОГЛИ, КОНЕЧНО, БРАТЬ ВСЕРЬЕЗ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРЕВРАТИТЬСЯ, ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ, ДО БОРЬБЫ НА СЪЕЗДЕ, В МЕНЬШИНСТВО, НЕ МОГЛИ БРАТЬ ВСЕРЬЕЗ ВСЕГО ПИСЬМА, АВТОРЫ КОТОРОГО ДОШЛИ ДО ТАКОЙ НЕВЕРОЯТНОЙ СТЕПЕНИ РАЗДРАЖЕНИЯ, ЧТО ГОВОРИЛИ О “ЛОЖНЫХ ОБВИНЕНИЯХ В ОПОРТУНИЗМЕ”. МЫ ТВЕРДО НАДЕЯЛИСЬ, ЧТО ПАРТИЙНЫЙ ДОЛГ ВОЗЬМЕТ ОЧЕНЬ БЫСТРО ВЕРХ НАД ЕСТЕСТВЕННЫМ ЖЕЛАНИЕМ “СОРВАТЬ СЕРДЦЕ”.

к) ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕНИЙ ОБ УСТАВЕ.

СОСТАВ СОВЕТА

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПУНКТЫ УСТАВА ВЫЗЫВАЛИ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ СПОРОВ О ЧАСТНОСТЯХ, ЧЕМ О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ. 24-ОЕ ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА ЦЕЛИКОМ ПОСВЯЩЕНО БЫЛО ВОПРОСУ О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ НА ПАРТИЙНЫХ СЪЕЗДАХ, ПРИЧЕМ РЕШИТЕЛЬНУЮ И ОПРЕДЕЛЕННУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ ОБЩИХ ВСЕМ ИСКРОВЦАМ ПЛАНОВ ВЕЛИ ОПЯТЬ-ТАКИ ЛИШЬ БУНДОВЦЫ (ГОЛЬДБЛАТ И ЛИБЕР, СТР. 258—259) И Т. АКИМОВ, КОТОРЫЙ С ПОХВАЛЬНОЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ ПРИЗНАЛ СВОЮ РОЛЬ НА СЪЕЗДЕ: “Я КАЖДЫЙ РАЗ ГОВОРИЮ С ПОЛНЫМ СОЗНАНИЕМ ТОГО, ЧТО Я СВОИМИ ДОВОДАМИ НЕ ПОВЛИЯЮ НА ТОВАРИЩЕЙ, НО, НАОБОРОТ, ПОВРЕЖУ ТОМУ ПУНКТУ, КОТОРЫЙ Я ЗАЩИЩАЮ” (СТР. 261). ЭТО МЕТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ БЫЛО ОСОБЕННО УМЕСТНО ТОТЧАС ЖЕ ПОСЛЕ § 1 УСТАВА; НЕ СОВСЕМ ПРАВИЛЬНО ТОЛЬКО УПОТРЕБЛЕНО ЗДЕСЬ ВЫРАЖЕНИЕ “НАОБОРОТ”, ИБО Т. АКИМОВ УМЕЛ НЕ ТОЛЬКО ВРЕДИТЬ ИЗВЕСТНЫМ ПУНКТАМ, НО В ТО ЖЕ ВРЕМЯ И ТЕМ САМЫМ ТАКЖЕ И “ВЛИЯТЬ НА ТОВАРИЩЕЙ”... ИЗ ЧИСЛА ОЧЕНЬ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ИСКРОВЦЕВ, СКЛОННЫХ К ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕ.

В ОБЩЕМ, § 3 УСТАВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ УСЛОВИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА СЪЕЗДЕ, БЫЛ ПРИНЯТ БОЛЬШИНСТВОМ ПРИ 7 ВОЗДЕРЖАВШИХСЯ (СТР. 263), — ОЧЕВИДНО, ИЗ ЧИСЛА АНТИИСКРОВЦЕВ.

СПОР О СОСТАВЕ СОВЕТА, ЗАНЯВШИЙ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ 25-ГО ЗАСЕДАНИЯ СЪЕЗДА, ОБНАРУЖИЛ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ ДРОБНОСТЬ ГРУППИРОВОК ВОКРУГ ГРОМАДНОГО ЧИСЛА РАЗЛИЧНЫХ ПРОЕКТОВ. АБРАМСОН И ЦАРЕВ СОВСЕМ ОТВЕРГАЮТ ПЛАН СОВЕТА. ПАНИН УПОРНО ХОЧЕТ СДЕЛАТЬ СОВЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТРЕТЕЙСКИМ СУДОМ И ПОТОМУ ВПОЛНЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ПРЕДЛАГАЕТ ВЫКИНУТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЧТО СОВЕТ ЕСТЬ ВЫСШЕЕ УЧРЕЖДЕНИЕ И ЧТО ЕГО МОГУТ СОЗЫВАТЬ ЛЮБЫЕ ДВА ЧЛЕНА СОВЕТА^B. ГЕРЦ, РУСОВ ОТСТАИВАЮТ РАЗНЫЕ СПОСОБЫ СОСТАВЛЕНИЯ СОВЕТА В ДОПОЛНЕНИЕ К *ТРЕМ* СПОСОБАМ, ПРЕДЛОЖЕННЫМ *ПЯТЬЮ* ЧЛЕНАМИ УСТАВНОЙ КОМИССИИ.

Спорные вопросы сводились прежде всего к определению задач Совета: третейский суд или высшее учреждение партии? Последовательно за первое стоял, как я уже сказал, т. Панин. Но он был одинок. Тов. Мартов решительно высказался против: “Предложение о том, чтобы вычеркнуть слова: “Совет есть высшее учреждение”, я предлагаю отвергнуть: наша формулировка” (т. е. формулировка задач Совета, на которой мы сошлись в уставной комиссии) “умышленно оставляет возможность развития Совета в высшее партийное учреждение. Для нас Совет не только примирительное учреждение”. Между тем состав Совета, по проекту т. Мартова, соответствовал всецело и исключительно характеру “примирительных учреждений” или третейских судов: по два члена от обоих центров и пятый, приглашаемый этими четырьмя. Не только такой состав Совета, но и тот, который

принят съездом, по предложению гг. Русова и Герца (пятый член назначается съездом), соответствует исключительно целям примирения

А — ВОТ И ВСЕ. *РЕД.*

б Тов. Старовер, видимо, тоже склонялся к взглядам т. Панина, с тем только отличием, что последний знал, чего он хочет, и вполне последовательно вносил резолюции, превращающие Совет в чисто третейское, примирительное учреждение, тогда как т. Старовер не знал, чего он хочет, говоря, что Совет собирается, по проекту, “только по желанию сторон” (стр. 2Я6). Это прямо неверно.

или посредничества. Между таким составом Совета и назначением его стать высшим учреждением партии — противоречие непримиримое. Высшее учреждение партии должно быть постоянно в составе, а не зависеть от случайных (иногда в силу провалов) изменений в составе центров. Высшее учреждение должно находиться в непосредственной связи с партийным съездом, от него получая свои полномочия, а не от двух других, подчиненных съезду, партийных учреждений. Высшее учреждение должно состоять из лиц, известных партийному съезду. Наконец, *высшее* учреждение не может быть *организовано* так, что *самое его существование* зависит от случая: не сойдутся две коллегии в выборе пятого, и партия остается без высшего учреждения! Против этого возражали: 1) что при воздержании одного из пяти и при разделении остальных четырех на две пары положение тоже может оказаться безвыходным (Егоров). Это возражение несостоятельно, ибо невозможность *принять решение* неизбежна иногда для *всякой* коллегии, но это совсем не то, что невозможность *составить* коллегию. Второе возражение: “если такое учреждение, как Совет, не сможет выбрать пятого члена, то это значит тогда, что учреждение вообще недееспособно” (Засулич). Но дело тут не в недееспособности, а в несуществовании *высшего* учреждения: без пятого члена не *будет* никакого Совета, не будет *никакого* “учреждения”, и о дееспособности нельзя будет и говорить. Наконец, было бы еще поправимым злом, если бы возможны были случаи, когда не составляется одна из таких партийных коллегий, над которой стоит другая, высшая, ибо тогда эта высшая коллегия могла бы в экстренных случаях всегда пополнить пробел так или иначе. Но над Советом никакой коллегии, кроме съезда, *нет*, и поэтому оставить в уставе *возможность* того, что Совета нельзя будет *даже и составить*, — явная нелогичность.

Обе мои коротенькие речи на съезде по этому вопросу и были посвящены разбору (стр. 267 и 269)^а *только двух этих* неправильных возражений, которыми защищали проект Мартова он сам и другие товарищи. Вопрос же о преобладании ЦО или ЦК в Совете *мною не был даже задет*. Вопрос этот затронул, *впервые* в смысле указания на опасность преобладания ЦО, т. Акимов еще в 14-ом заседании съезда (стр. 157), и *только* за Акимовым пошли *после съезда* гг. Мартов, Аксельрод и другие в создании нелепой и демагогической сказки о желании “большинства” превратить ЦК в орудие редакции. Касаясь этого вопроса в своем “Осадном положении”, т. Мартов скромно обошел его настоящего инициатора!

Кто захочет познакомиться со *всей* постановкой вопроса о преобладании ЦО над ЦК на съезде партии, а не ограничиваться отдельными вырванными из связи цитатами, тот легко увидит извращение дела т. Мартовым. Еще в 14-ом заседании *не кто иной, как т. Попов* начинает с полемики *против взглядов т. Акимова*, желающего “на вершине партии защищать “самую строгую централизацию”, *чтобы ослабить влияние ЦО*” (стр. 154, курсив мой), “в чем собственно и заключается весь смысл такой (акимовской) системы”. “Такой централизации, — добавляет т. Попов, — я не только не защищаю, но я готов всячески с ней бороться, потому что она — *знамя оппортунизма*”. Вот где *корень* пресловутого вопроса о преобладании ЦО над ЦК, и неудивительно, что т. Мартову *приходится* теперь замалчивать истинное происхождение вопроса. *Даже* т. Попов не мог не видеть *оппортунистического*

характера этих акимовских толков о преобладании ЦО^b и, чтобы хорошенько отделить себя от т. Акимова, товарищ Попов *категорически* заявлял: “пусть в этом центре (Совете) три члена будут от редакции и два члена от ЦК. *Это вопрос второстепенный* (курсив мой), важно же то, чтобы руководство, высшее руководство партией, шло из

---

^a См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 292. Ред.

^b Тов. Акимова ни т. Попов, ни т. Мартов не стеснялись называть оппортунистом, они стали обижаться и возмущаться лишь тогда, когда к *ним нашим* применили это название и применили справедливо за “равноправие языков” или на § 1. Тов. Акимов, по стопам которого пошел т. Мартов, умел, однако, держать себя с большим достоинством и мужеством на партийном съезде, чем т. Мартов и К” па съезде Лиги. “Меня здесь, — говорил т. Акимов на съезде партии, — называют оппортунистом; я лично считаю что слово бранным, оскорбительным, и думаю, что я его совершенно не заслужил; однако я против этого не протестую” (стр. 296). Может быть, тт. Мартов и Старовер предлагали т. Акимову подписаться под их протестом против ложного обвинения в оппортунизме, но т. Акимов отказался?

одного источника” (стр. 155). Тов. Акимов возражает: “по проекту, ЦО обеспечено превалирование в Совете уже потому, что состав редакции постоянный, а ЦК переменный” (стр. 157) — довод, относящийся лишь к “постоянству” *принципиального* руководства (явление нормальное и желательное), отнюдь не к “превалированию” в смысле вмешательства или посягательства на самостоятельность. И т. Попов, который еще тогда не принадлежал к “меньшинству”, прикрывающему недовольство составом центров сплетничаньем о несамостоятельности ЦК, отвечает товарищу Акимову совершенно резонно: “Я предлагаю считать его (Совет) руководящим центром партии, и тогда *совершенно не важен вопрос, будет ли в Совете большее число представителей от ЦО или от ЦК*” (стр. 157—158. Курсив мой).

Когда обсуждение вопроса о составе Совета возобновилось в 25-ом заседании, тов. Павлович, продолжая старые прения, высказывается за преобладание ЦО над ЦК “ввиду устойчивости первого” (264), имея в виду именно *принципиальную* устойчивость, как и понял это тов. Мартов, который говорил сейчас же после тов. Павловича, находил ненужным “фиксировать перевес одного учреждения над другим” и указывал на возможность пребывания одного из членов ЦК за границей: “этим сохранится до известной степени принципиальная устойчивость ЦК” (264). Тут нет еще и тени демагогического *смещения* вопроса о *принципиальной* устойчивости и ее охране с охраной самостоятельности и независимости ЦК. Это смещение, *после съезда* ставшее едва ли не главным козырем тов. Мартова, *на съезде* упорно проводил *только тов. Акимов*, который и говорил *тогда еще* об “аракчеевском духе устава” (268), о том, что “*если в Совете партии окажутся три члена ЦО, то ЦК превратится в простого исполнителя воли редакции* (курсив мой). Три лица, живущие за границей, получают право безгранично (!!) распоряжаться работой всей (!!) партии. Они обеспечены в смысле безопасности, и потому их власть пожизненна” (268). Вот против этих-то, совершенно вздорных и демагогических фраз, которые подменяют *идейное руководство — вмешательством в работу всей партии* (и которые после съезда доставили дешевенький лозунг тов. Аксельроду с его речами о “теократии”¹⁴), — *против них* возражал опять товарищ Павлович, подчеркнувший, что он стоит “за прочность и чистоту тех принципов, представителем которых является “Искра”. Давая перевес редакции Центрального Органа, я этим укрепляю эти принципы” (268).

Вот как стоит на самом деле вопрос о пресловутом преобладании ЦО над ЦК. Это знаменитое “принципиальное разногласие” тт. Аксельрода и Мартова есть не что иное, как *повторение оппортунистических и демагогических фраз товарища Акимова, фраз,*

истинный характер которых ясно видел даже товарищ Попов, видел тогда, когда еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров!

* * *

Итог вопроса о составе Совета: вопреки попыткам тов. Мартова доказать в “Осадном положении” противоречивость и неправильность моего изложения в “Письме в редакцию”, протоколы съезда ясно показывают, что вопрос этот *по сравнению* с § 1 действительно лишь *деталь*, что *полным извращением* было заявление статьи “Наш съезд” (№ 53 “Искры”), будто “почти исключительно” мы спорили об организации центральных учреждений партии. Извращение это тем более вопиющее, что автор статьи *вовсе обошел споры о § 1*. Далее, что определенной группировки искровцев по вопросу о составе Совета не было, это тоже подтверждают протоколы: именных голосований нет. Мартов расходится с Паниным, я схожусь с Поповым, Егоров и Гусев стоят особо и т. д. Наконец, последнее мое утверждение (на съезде “Заграничной лиги русской революционной социал-демократии”), что коалиция мартовцев с антиискровцами крепла, *тоже подтверждается* видным теперь для всех поворотом товарищей Мартова и Аксельрода к т. Акимову и в этом вопросе.

л) КОНЕЦ ПРЕНИЙ ОБ УСТАВЕ. КООПТАЦИЯ В ЦЕНТРЫ.

УХОД ДЕЛЕГАТОВ “РАБОЧЕГО ДЕЛА”

Из дальнейших прений об уставе (26-ое заседание съезда) стоит отметить лишь вопрос об ограничении власти Центрального Комитета, проливающий свет на характер *теперешних* нападков мартовцев на гиперцентрализм. Тт. Егоров и Попов стремились к ограничению централизма с несколько большей убежденностью, независимо от их собственной или проводимой ими кандидатуры. Они предложили еще в уставной комиссии ограничить право ЦК на распущенно местных комитетов согласием Совета и, кроме того, случаями, особо перечисленными (стр. 272, прим. 1). Трое членов уставной комиссии (Глебов, Мартов и я) высказались против, и на съезде тов. Мартов защищал наше мнение (стр. 273), возражая Егорову и Попову, что “ЦК и без того будет обсуждать, прежде чем решится сделать такой серьезный шаг, как распустить организацию”. Как видите, *тогда* еще тов. Мартов оставался глух ко *всяким* антицентралистическим поползновениям, и съезд отклонил предложение Егорова и Попова, — к сожалению, мы не узнаем только из протоколов, каким числом голосов.

На съезде партии тов. Мартов был также “против замены слова организует (ЦК организует комитеты и т. д. в § 6 устава партии) словом утверждает. Нужно дать право и организовать”, говорил *тогда* тов. Мартов, не додумавшийся еще до замечательной, открытой лишь на съезде Лиги идеи, что утверждение не входит в понятие “организовать”.

Кроме этих двух пунктов, вряд ли представляют интерес остальные, совершенно уже мелочные дебаты по частностям §§ 5—11 устава (стр. 273—276 протоколов). Параграф 12 — вопрос о кооптации во все партийные коллегии вообще и в центры в частности. Комиссия предлагает повысить квалифицированное большинство, необходимое для кооптации, с 2/3 до 4/5. Докладчик (Глебов) предлагает *единогласную* кооптацию в ЦК. Тов. Егоров, признавая нежелательным *шероховатости*, стоит за простое большинство при отсутствии мотивированного veto. Тов. Попов не согласен ни с комиссией, ни с тов. Егоровым и требует либо простого большинства (без права veto), либо единогласия. Тов. Мартов не согласен ни с комиссией, ни с Глебовым, ни с Егоровым, ни с Поповым, высказываясь против единогласия, против 4/5 (за 2/3), *против “взаимной кооптации”, т. е. права редакции ЦО опротестовывать кооптацию в ЦК и обратно* (“права взаимного контроля над кооптацией”).

Как видит читатель, группировка получается самая пестрая, и разногласия дробятся чуть ли не на “единогласные” особенности во взглядах каждого делегата!

Тов. Мартов говорит: “Психологическую невозможность работать с лицами неприятными я признаю. Но нам важно также, чтобы наша организация была жизне- и дееспособна... Право взаимного контроля ЦК и редакции ЦО при кооптации не нужно. Я не потому против этого, что думаю, что они не компетентны один в области другого. Нет! Редакция ЦО, например, могла бы дать ЦК хороший совет, следует ли господина Надеждина, напр., принять в ЦК. Я восстаю потому, что не хочу создавать взаимно раздражающей волокиты”.

Я возражаю ему: “Здесь два вопроса. Первый о квалифицированном большинстве, и я против предложения понизить с 4/5 до 2/3. Вводить мотивированный протест не расчетливо, и я против него. Неизмеримо важнее второй вопрос о праве взаимного контроля ЦК и ЦО над кооптацией. Взаимное согласие двух центров есть необходимое условие гармонии. Здесь вопрос идет о разрыве двух центров. Кто не хочет раскола, должен заботиться о том, чтобы была гармония. Из жизни партии известно, что бывали люди, вносявшие раскол. Вопрос этот принципиальный, вопрос важный, от него может зависеть вся будущая судьба партии” (276—277)^a. Таков полный текст записанного на съезде конспекта моей речи, которой придает особенно серьезное значение т. Мартов. К сожалению, придавая ей серьезное значение, он не потрудился поставить ее в связь со всеми прениями и со всем политическим моментом съезда, когда эта речь была произнесена.

Прежде всего, является вопрос: почему я в первоначальном своем проекте (см. страницу 394, § 11)^b ограничивался 2/3 и не требовал взаимного контроля над кооптацией в центры? Тов. Троцкий, говоривший после меня (с. 277), сейчас же и поднял этот вопрос.

---

^a См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 293. *Ред.*

^b Там же. Стр. 257. *Ред.*

Ответ на этот вопрос дает моя речь на съезде Лиги и письмо т. Павловича о II съезде. § 1 устава “разбил посудину”, и ей надо было связать “двойным узлом” — говорил я на съезде Лиги. Это значило, во-1-х, то, что в чисто теоретическом вопросе Мартов оказался оппортунистом, и его ошибку *отстояли* Либер и Акимов. Это значило, во-2-х, то, что коалиция мартовцев (т. е. ничтожного меньшинства искровцев) с антиискровцами давала им *большинство на съезде* при проведении личного состава центров. А я именно говорил здесь о *личном составе* центров, подчеркивая необходимость гармонии и *предупреждая от “людей, вносявших раскол”*. Предупреждение это получало действительно важное принципиальное значение, ибо организация “Искры” (несомненно, более компетентная в вопросе о личном составе центров, как наиболее близко знакомая со всеми делами на практике и со всеми кандидатами), организация “Искры” вынесла уже свой совещательный голос по этому вопросу, приняла известное нам решение относительно возбуждавших ее опасение кандидатур. И морально и по существу дела (т. е. по компетентности выносящего решение) организация “Искры” должна была иметь решающее значение в этом деликатном вопросе. Но *формально* т. Мартов имел, разумеется, полнейшее право апеллировать *против* большинства организации “Искры” к Либерам и Акимовым. А т. Акимов в своей блестящей речи о § 1 сказал замечательно ясно и умно, что когда он видит среди искровцев разногласие о способах достижения их общей, искровской, цели, то он сознательно и намеренно *вотирует за худший способ*, ибо его, Акимова, цели диаметрально противоположны искровским. Не могло подлежать, таким образом, *никакому сомнению*, что, независимо даже от воли и сознания т. Мартова, *именно худший состав центров* получит поддержку Либеров и Акимовых. Они *могут вотировать*, они должны вотировать (судя не по их словам, а по их делам, по их воту в § 1) именно за тот список, который может обещать присутствие “людей, вносявших раскол”, вотировать именно *для того*, чтобы “внести раскол”. Удивительно ли, что при такой ситуации я говорил о важном принципиальном вопросе (гармония двух

центров), от которого может зависеть вся будущая судьба партии?

Ни один социал-демократ, сколько-нибудь знакомый с искровскими идеями, планами и историей движения, сколько-нибудь искренно разделявший эти идеи, не мог ни на минуту усомниться в том, что решение Либерами и Акимовыми спора внутри организации “Искры” о составе центров было формально правильно, но обеспечивало *наихудшие* возможные результаты. С этими наихудшими возможными результатами обязательно надо было *бороться*.

Спрашивается: как бороться? Мы боролись не истерикой и не скандальчиком, конечно, а такими средствами, которые *вполне лояльны и вполне законны*: чувствуя, что мы в меньшинстве (как и по § 1), *мы стали ходатайствовать перед съездом об ограждении прав меньшинства*. И большая строгость квалификации при приеме членов (4/5 вместо 2/3), и единогласие при кооптации, и взаимный контроль над кооптацией в центры, — все это мы стали отстаивать, *когда мы оказались в меньшинстве по вопросу о личном составе центров*. Этот факт постоянно игнорируют Иваны и Петры, охочие судить и рязить о съезде с кондачка, после пары приятельских бесед, без серьезного изучения *всех* протоколов и всех “показаний” заинтересованных лиц. И всякий, кто захочет добросовестно изучить эти протоколы и эти показания, неизбежно придет к указанному мною факту: *корень* спора лежит в *данный момент съезда* именно в вопросе о *личном составе центров*, и более строгих условий контроля мы добивались именно потому, что были в меньшинстве, что хотели “двойным узлом связать посудину”, разбитую Мартовым при ликовании и при ликующем участии Либеров и Акимовых.

“Если бы дело было не так, — говорит об этом моменте съезда т. Павлович, — то остается предположить, что, выставляя пункт об единогласии при кооптации, мы заботились о своих противниках, ибо для преобладающей партии в том или ином учреждении единогласие не только не нужно, но даже невыгодно” (с. 14 “Письма о! съезде”). Но в настоящее время слишком и слишком часто забывают хронологию событий, забывают, что в *течение целого периода съезда* теперешнее меньшинство было большинством (благодаря участию Либеров и Акимовых) и что именно к этому периоду относится спор о кооптации в центры, подоплекой которого было расхождение в организации “Искры” из-за личного состава центров. Кто уяснит себе это обстоятельство, тот поймет и страстность наших дебатов, тот не будет удивляться и тому *кажущемуся* противоречию, что какие-то мелкие, детальные разногласия вызывают действительно важные, принципиальные вопросы.

Тов. Дейч, говоривший в том же заседании (с. 277), был в значительной степени прав, когда заявил: “Несомненно, что это предложение рассчитано на *данный момент*”. Действительно, только поняв *данный момент* во всей его сложности, можно понять истинное значение спора. И в высшей степени важно иметь в виду, что, когда *мы* были в меньшинстве, мы отстаивали права меньшинства *такими приемами*, которые признает законными и допустимыми любой европейский социал-демократ: именно, ходатайством перед съездом о более строгом контроле за личным составом центров. Точно так же в значительной степени прав и т. Егоров, когда он говорил на съезде же, но в другом заседании:

“Меня крайне удивляет, что я опять слышу в дебатах ссылку на принципы”... (Это говорится по поводу выборов в ЦК, в 31-ом заседании съезда, т. е., если я не ошибаюсь, утром в четверг, а 26-ое заседание, о котором сейчас идет речь, было вечером в понедельник)... “Кажется, для всех ясно, что в последние дни все дебаты вертелись не вокруг той или иной принципиальной постановки дела, а исключительно вокруг того, как обеспечить или воспрепятствовать доступ в центральные учреждения тому или иному лицу. Признаем, что принципы давно растеряны на этом съезде и будем называть вещи их настоящими именами. (Общий смех. Муравьев: “Прошу занести в протокол, что т. Мартов улыбался”.)” (Стр. 337.) Неудивительно, что и т. Мартов и все мы хохотали над жалобами т.

Егорова, которые действительно смешны. Да, “в *последние дни*” очень и очень многое *вертелось* вокруг вопроса о личном составе центров. Это правда. Это действительно на съезде было *для всех ясно* (и только *теперь* меньшинство старается *затемнить* это ясное обстоятельство). Правда, наконец, и то, что следует называть вещи их настоящими именами. Но, ради бога, при чем же *тут* “растерянность принципов”? Ведь мы и сошлись на съезд *для того* (см. с. 10, порядок дня съезда), чтобы *в первые дни* поговорить о программе, тактике, уставе и вырешить соответствующие вопросы и чтобы *в последние дни* (пункты 18—19 порядка дня) поговорить о личном составе центров и вырешить *эти* вопросы. Когда люди употребляют на борьбу из-за дирижерской палочки *последние дни* съездов, это явление естественное и вполне, вполне законное. (Вот когда из-за дирижерской палочки дерутся *после съездов*, тогда это есть дразга.) Если кто на *съезде* потерпел поражение в вопросе о личном составе центров (как товарищ Егоров), то говорить *после этого* о “растерянности принципов” *просто смешно*. Понятно поэтому, что над т. Егоровым все смеялись. Понятно также, почему т. Муравьев просил занести в протокол участие в этом смехе т. Мартова: *т. Мартов, смеясь над т. Егоровым, смеялся над самим собой...*

В дополнение к иронии т. Муравьева, не лишне, может быть, сообщить такой факт. *После съезда* т. Мартов, как известно, уверял направо и налево, что кардинальную роль в нашем расхождении играл именно вопрос о кооптации в центры, что “большинство старой редакции” было сугубо против взаимного контроля над кооптацией в центры. *До съезда*, принимая мой проект выбора двух троек, с обоюдной кооптацией в 2/3, т. Мартов писал мне об этом: “Принимая такую форму взаимокооптации, следует подчеркнуть, что после съезда пополнение каждой коллегии будет совершаться на иных несколько началах (я бы советовал так: каждая коллегия кооптирует новых членов, заявляя о своем намерении другой коллегии: *последняя может заявить протест, и тогда спор решает совет*. Дабы не было волокиты, эта процедура проделывается по отношению к *заранее намеченным кандидатам, по крайней мере для ЦК*, из которых уже пополнение может совершаться более скорым путем). Чтобы оттенить, что дальнейшая кооптация совершается в порядке, который будет предусмотрен уставом партии, надо прибавить в § 22^А: “...который

---

^А Речь идет о моем первоначальном проекте TAGESORDNUNG'A съезда и комментарии к нему, известном всем делегатам. § 22 этого проекта говорил именно о выборе двух троек в ЦО и ЦК, о “взаимокооптации” этой шестеркой по большинству 2/3, об утверждении этой взаимокооптации съездом и о самостоятельной дальнейшей кооптации в ЦО и ЦК.

и утверждает состоявшиеся решения”” (курсив мой). Комментарии излишни.

Объяснив значение момента, когда шел спор о кооптации в центры, мы должны несколько остановиться на относящихся сюда *голосованиях* — на *прениях* не приходится останавливаться, ибо после приведенных мною речей тов. Мартова и моей следуют только краткие реплики, в которых принимает участие ничтожное число делегатов (смотри стр. 277—280 протоколов). По поводу голосований тов. Мартов утверждал на съезде Лиги, что я сделал в своем изложении “величайшее извращение” (стр. 60 протоколов Лиги), “когда представил борьбу около устава”... (тов. Мартов нечаянно сказал большую правду: после § 1 горячие споры шли именно *около устава*)... “как борьбу “Искры” с мартовцами, вступившими в коалицию с Бундом”.

Присмотримся к этому интересному вопросу о “величайшем извращении”. Тов. Мартов соединяет голосования по вопросу о составе Совета с голосованиями по вопросу о кооптации и приводит *восемь* голосований: 1) выбор в Совет по два от ЦО и ЦК — за 27 (М), против 16

(Л), возд. — 7^а. (Заметим в скобках, что в протоколах, стр. 270, число воздержавшихся показано 8, но это мелочь.) — 2) избрание пятого члена Совета съездом: — за 23 (Л), против 18 (М), возд. 7. — 3) замещение выбывших членов Совета самим Советом — против 23 (М), за 16 (Л), возд. 12. — 4) единогласие в ЦК — за 25 (Л), против 19 (М), возд. 7. — 5) требование *одного* мотивированного протеста для непринятия члена — за 21 (Л), против 19 (М), возд. 11. — 6) единогласие при кооптации в ЦО — за 23 (Л), против 21 (М), возд. 7. — 7) допустимость вота о праве Совета кассировать решения ЦО и ЦК о непринятии нового члена — за 25 (М), против 19 (Л), возд. 7. — 8) само предложение об этом — за 24 (М), против 23 (Л), возд. 4. “Тут, очевидно, — заключает тов. Мартов (стр. 61 протоколов Лиги), — один делегат Бунда вотировал за предложение, остальные воздержались”. (Курсив мой.)

Спрашивается, почему считает тов. Мартов *очевидным*, что бундовец вотировал за него, Мартова, когда нет именных голосований?

Потому что он берет во внимание *число вотировавших* и, когда это число указывает на участие Бунда в голосовании, то он, тов. Мартов, не сомневается, что *это участие* было в его, Мартова, пользу.

Где же тут “величайшее извращение” с моей стороны?

Всего голосов 51, а без бундовских 46, без рабочедельских 43. В *семи* голосованиях из восьми, приведенных тов. Мартовым, участвовало 43, 41, 39, 44, 40, 44 и 44 делегата, в *одном* участвовало 47 делегатов (вернее, голосов), и здесь сам тов. Мартов признает, что его поддерживал бундовец. Оказывается таким образом, что картина, нарисованная Мартовым (и нарисованная неполно, как мы сейчас увидим), *только подтверждает и усиливает мое изображение борьбы!* Оказывается, что в очень многих случаях число воздерживавшихся было *весьма велико*: это именно указывает на малый *сравнительно* интерес всего съезда к известным *деталям*, на отсутствие вполне определенной группировки искровцев по этим вопросам. Слова Мартова, что бундовцы “своим воздержанием явно содействуют Ленину” (стр. 62 прот. Лиги), *как раз и говорят против Мартова*: значит, *только* при отсутствии бундовцев, или при воздержании их, я мог иногда рассчитывать на победу. Но всякий раз, когда бундовцы *считают стоящим* вмешиваться в борьбу, они поддерживают тов. Мартова, а такое вмешательство было *не только* в вышеприведенном случае участия 47 делегатов. Кто захочет справиться с протоколами съезда, тот увидит *весьма странную неполноту* картины тов. Мартова. Тов. Мартов *просто опустил еще целых три случая*, когда Бунд участвовал в голосованиях, причем *во всех этих случаях* тов. Мартов, *разумеется*, оказался победителем. Вот эти случаи: 1) Принимается поправка тов. Фомина, понижающая квалифицированное большинство с 4/5 до 2/3. За 27, против 21 (стр. 278), значит, участвовало 48 голосов. 2) Принято предложение тов. Мартова об устранении взаимной кооптации. За 26, против 24 (стр. 279), значит, участвовало в голосовании 50 голосов. Наконец, 3) отклонено мое предложение о допустимости кооптации в ЦО и ЦК лишь с

---

^а Буквы М и Л в скобках указывают, на какой стороне стояли я (Л) и Мартов (М).

согласия всех членов Совета (стр. 280). Против 27, за 22 (было даже поименное голосование, к сожалению, не сохранившееся в протоколах), значит, число голосовавших — 49.

ИТОГ: ПО ВОПРОСАМ О КООПТАЦИИ В ЦЕНТРЫ БУНДОВЦЫ УЧАСТВОВАЛИ *ТОЛЬКО В ЧЕТЫРЕХ ГОЛОСОВАНИЯХ* (ТРИ ПРИВЕДЕННЫХ СЕЙЧАС МНОЙ, С 48, 50 И 49 УЧАСТНИКАМИ, И *ОДНО*, ПРИВЕДЕННОЕ ТОВ. МАРТОВЫМ, С 47 УЧАСТНИКАМИ). *ВО ВСЕХ ЭТИХ ГОЛОСОВАНИЯХ* ПОБЕДИТЕЛЕМ ОКАЗАЛСЯ ТОВ. МАРТОВ. *МОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ ПРАВИЛЬНЫМ ВО ВСЕХ ПУНКТАХ*, И В УКАЗАНИИ НА КОАЛИЦИЮ С БУНДОМ, И В КОНСТАТИРОВАНИИ ДЕТАЛЬНОГО СРАВНИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРА ВОПРОСОВ (МАССА СЛУЧАЕВ С БОЛЬШИМ ЧИСЛОМ

ВОЗДЕРЖАВШИХСЯ), И В УКАЗАНИИ НА ОТСУТСТВИЕ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ГРУППИРОВКИ ИСКРОВЦЕВ (НЕТ ИМЕННЫХ ГОЛОСОВАНИЙ; КРАЙНЕ МАЛО ВЫСКАЗАВШИХСЯ В ПРЕНИЯХ).

Покушение тов. Мартова найти в моем изложении противоречие оказывается покушением с негодными средствами, ибо тов. Мартов вырвал отдельные словечки, не потрудившись восстановить картины в целом.

Последний параграф устава, посвященный вопросу о заграничной организации, вызвал опять-таки прения и голосования, замечательно характерные с точки зрения съездовских группировок. Дело шло о признании Лиги заграничной организацией партии. Тов. Акимов, разумеется, тотчас же восстал, напоминая о заграничном Союзе, утвержденном первым съездом, указывая на принципиальное значение вопроса. “Оговорюсь прежде всего, — заявил он, — что я не придаю особенного практического значения тому или иному решению этого вопроса. Идеиная борьба, которая до сих пор велась в нашей партии, несомненно не закончена; но она будет продолжаться в иных плоскостях и при иной группировке сил... На § 13 устава отразилась еще раз и очень резко тенденция превратить наш съезд из партийного в фракционный. Вместо того, чтобы заставить всех социал-демократов в России преклониться пред решениями партийного съезда во имя партийного единства, соединив все партийные организации, съезду предлагается уничтожить организацию меньшинства, заставить меньшинство исчезнуть” (281). Как видит читатель, “преемственность”, которая стала так дорога тов. Мартову после его поражения в вопросе о составе центров, была не менее дорога и тов. Акимову. Но на съезде люди, прилагающие разные мерки к себе и к другим, восстали горячо против тов. Акимова. Несмотря на принятие программы, признание “Искры” и принятие почти всего устава, на сцену выдвигается именно тот “принцип”, который “принципиально” отделял Лигу от Союза. “Если т. Акимов хочет ставить вопрос на принципиальную почву, — восклицает т. Мартов, — мы не имеем ничего против; особенно ввиду того, что т. Акимов говорил о возможных комбинациях в борьбе с двумя течениями. Не в том смысле надо *санкционировать победу одного направления* (заметьте, что это говорится на 27-м заседании съезда!), чтобы раскланяться лишней раз по адресу “Искры”, а в том, чтобы *раскланяться окончательно со всякими возможными комбинациями, о которых заговорил тов. Акимов*” (282. Курс. мой).

Картина: тов. Мартов, после завершения всех программных споров на съезде, продолжает еще *окончательно раскланиваться* со всякими возможными комбинациями... пока он еще не потерпел поражения по вопросу о составе центров! Тов. Мартов “окончательно раскланивается” на съезде с той *возможной* “комбинацией”, которую он преблагополучно осуществляет *на другой день после съезда*. Но тов. Акимов оказался *уже тогда* гораздо прозорливее тов. Мартова; тов. Акимов сослался на пятилетнюю работу “старой партийной организации, носящей по воле первого съезда имя комитета”, и закончил преедовитым *провиденциальным* уколом: “Что же касается мнения тов. Мартова, что напрасны мои надежды на возникновение иного течения в нашей партии, то я должен сказать, что *даже он сам подает мне надежды*” (стр. 283. Курс. мой).

Да, надо сознаться, т. Мартов блестяще оправдал надежды т. Акимова!

Тов. Мартов пошел за т. Акимовым, убедившись в его правоте после того, как была нарушена “преемственность” старой партийной коллегии, которая числилась работающей три года. Не дорого же досталась т. Акимову его победа.

На съезде, однако, за т. Акимова встали — и последовательно встали — только тт. Мартынов, Брукэр и Бундовцы (8 голосов). Тов. Егоров, как настоящий вождь “центра”, занимает золотую середину: он согласен, видите ли, с искровцами,

“сочувствует” им (стр. 282) и *ДОКАЗЫВАЕТ* ЭТО СОЧУВСТВИЕ *ПРЕДЛОЖЕНИЕМ* (стр. 283) ОБОЙТИ ВО ВСЕ ПОДНЯТЫЙ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ВОПРОС, *УМОЛЧАТЬ* И О ЛИГЕ И О СОЮЗЕ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТКЛОНЯЕТСЯ 27 ГОЛОСАМИ ПРОТИВ 15. ОЧЕВИДНО, КРОМЕ АНТИИСКРОВЦЕВ (8) ПОЧТИ ВСЬ “ЦЕНТР” (10) ВОТИРУЕТ С Т. ЕГОРОВЫМ (ВСЕ ЧИСЛО ГОЛОСОВАВШИХ 42, ТАК ЧТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО ВОЗДЕРЖИВАЛОСЬ ИЛИ *ОТСУТСТВОВАЛО*, КАК ЭТО ЧАСТО БЫВАЛО ПРИ ГОЛОСОВАНИЯХ, НЕИНТЕРЕСНЫХ И *НЕСОМНЕННЫХ* С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТА). *КАК ТОЛЬКО ЗАХОДИТ РЕЧЬ О ПРОВЕДЕНИИ ИСКРОВСКИХ ПРИНЦИПОВ НА ДЕЛЕ*, СЕЙЧАС ЖЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО “СОЧУВСТВИЕ” “ЦЕНТРА” ЧИСТО *СЛОВЕСНОЕ*, И ЗА НАМИ ИДЕТ НЕ БОЛЬШЕ ТРИДЦАТИ ИЛИ ТРИДЦАТИ С НЕБОЛЬШИМ ГОЛОСОВ. ДЕБАТЫ И ГОЛОСОВАНИЯ ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ РУСОВА (ПРИЗНАТЬ ЛИГУ *ЕДИНСТВЕННОЙ* ЗАГРАНИЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ) ЕЩЕ НАГЛЯДНЕЕ ПОКАЗЫВАЮТ ЭТО. АНТИИСКРОВЦЫ И “БОЛОТО” СТАНОВЯТСЯ ПРЯМО УЖЕ НА *ПРИНЦИПИАЛЬНУЮ* ТОЧКУ ЗРЕНИЯ, ПРИЧЕМ ЗАЩИЩАЮТ ЕЕ ТТ. ЛИБЕР И ЕГОРОВ, ОБЪЯВЛЯЮЩИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ Т, РУСОВА НЕДОПУСТИМЫМ К ГОЛОСОВАНИЮ, НЕЗАКОННЫМ: “ИМ УМЕРЩВЛЯЮТСЯ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ЗАГРАНИЧНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ” (ЕГОРОВ). И ОРАТОР, НЕ ЖЕЛАЮЩИЙ УЧАСТВОВАТЬ В “УМЕРЩВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЙ”, НЕ ТОЛЬКО ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ГОЛОСОВАНИЯ, НО ДАЖЕ ОСТАВЛЯЕТ ЗАЛ. НАДО ОТДАТЬ, ОДНАКО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЛИДЕРУ “ЦЕНТРА”: ОН ПРОЯВИЛ ВДЕСЯТЕРО БОЛЬШЕ УБЕЖДЕННОСТИ (В СВОИХ ОШИБОЧНЫХ ПРИНЦИПАХ) И ПОЛИТИЧЕСКОГО МУЖЕСТВА, ЧЕМ Т. МАРТОВ И К”, ОН ЗАСТУПАЛСЯ ЗА “УМЕРЩВЛЯЕМУЮ” ОРГАНИЗАЦИЮ *НЕ ТОЛЬКО ТОГДА, КОГДА ДЕЛО ШЛО О СОБСТВЕННОМ КРУЖКЕ*, ПОТЕРПЕВШЕМ ПОРАЖЕНИЕ В ОТКРЫТОЙ БОРЬБЕ.

Предложение т. Русова признается допустимым к голосованию 27 голосами против 15, и затем принимается 25 против 17. Прибавляя к этим 17 отсутствующего тов. Егорова, получаем *полный комплект (18) антиискровцев и “центра”*.

Весь § 13 устава о заграничной организации принимается только *31 голосом* против 12 при шести воздержавшихся. Это число, 31, показывающее нам приблизительную численность на съезде искровцев, т. е. людей, последовательно отстаивающих и *на деле* проводящих взгляды “Искры”, мы встречаем уже не менее как *шестой раз* в анализе голосований съезда (место вопроса о Бунде, инцидент с ОК, распускание группы “Южного рабочего” и два голосования об аграрной программе). А т. Мартов хочет серьезно уверить нас, что нет никаких оснований выделять такую “узкую” группу искровцев!

Нельзя не отметить также, что принятие § 13 устава вызвало крайне характерные прения по поводу заявления тт. Акимова и Мартынова об “отказе от участия в голосовании” (стр. 288). Бюро съезда обсудило это заявление и признало — совершенно резонно, — что даже прямое закрытие Союза не давало бы никакого права делегатам Союза отказываться от участия в работах съезда. Отказ от голосований — вещь безусловно ненормальная и недопустимая, вот та точка зрения, на которую встал вместе с бюро весь съезд, в том числе и те искровцы меньшинства, которые в 28-ом заседании *горячо осуждали то, что сами проделывали в 31-м!* Когда т. Мартынов стал защищать свое заявление (стр. 291), против него восстали и Павлович, и Троцкий, и Карский, и Мартов. Тов. Мартов особенно ясно сознавал обязанности недовольного меньшинства (покуда сам он не остался в меньшинстве!) и особенно назидательно ораторствовал насчет них. “Или вы члены съезда, — восклицал он по адресу тт. Акимова и Мартынова, — тогда вы *должны* участвовать во *всех* его работах” (курсив мой; тогда еще тов. Мартов не замечал формализма и бюрократизма в подчинении меньшинства большинству!), “или вы не члены, и тогда не можете оставаться на заседании... Своим заявлением делегаты Союза принуждают меня поставить два вопроса: члены ли они партии и члены ли они съезда?” (стр. 292).

Тов. Мартов поучает т. Акимова обязанностям членов партии! Но т. Акимов не даром уже сказал, что возлагает некоторые надежды на т. Мартова... Этим надеждам суждено было осуществиться, однако, лишь *после* поражения Мартова на выборах. Когда дело шло не о нем самом, а о других, т. Мартов оставался даже глух к страшному словечку “исключительный закон”, *пущенному в ход впервые* (если я не ошибаюсь) *т. Мартыновым*. “Данные нам

разъяснения, — отвечает т. Мартынов тем, кто убеждал его взять назад свое заявление, — не выяснили, было ли решение принципиальное или это была *исключительная мера* против Союза. В таком случае мы считаем, что Союзу нанесено оскорбление. Товарищ Егоров так же, как и мы, вынес впечатление, что это *исключительный закон* (курсив мой) против Союза, и потому даже удалился из залы заседания” (295). И т. Мартов, и т. Троцкий энергично восстают, вместе с Плехановым, против нелепой, *действительно нелепой*, идеи усматривать *оскорбление* в вотуме съезда, и т. Троцкий, защищая принятую съездом, по его предложению, резолюцию (что тт. Акимов и Мартынов могут счесть себя вполне удовлетворенными), уверяет, что “резолюция имеет принципиальный, а не обывательский характер, и *нам нет дела до того, что кто-нибудь ею обиделся*” (стр. 296). Очень скоро оказалось, однако, что кружковщина и обывательщина слишком еще сильны в нашей партии, и подчеркнутые мной гордые слова оказались пустой звонкой фразой.

Тт. Акимов и Мартынов отказались взять свое заявление назад и удалились со съезда, при общих восклицаниях делегатов: “совершенно напрасно!”.

м) ВЫБОРЫ. КОНЕЦ СЪЕЗДА

После принятия устава съезд принял резолюцию о районных организациях, ряд резолюций об отдельных организациях партии и, после крайне поучительных прений о группе “Южного рабочего”, анализированных мною выше, перешел к вопросу о выборах в центральные учреждения партии.

Мы уже знаем, что организация “Искры”, от которой весь съезд ждал авторитетной рекомендации, раскололась по этому вопросу, ибо *меньшинство* организации пожелало испытать на съезде в открытой и свободной борьбе, не удастся ли ему завоевать себе *большинства*. Мы знаем также, что задолго до съезда и на съезде всем делегатам был известен план *обновления* редакции путем выбора двух троек в ЦО и в ЦК. Остановимся на этом плане подробнее для уяснения прений на съезде.

Вот точный текст моего комментария к проекту Tagesordnung съезда, где был изложен этот план^а: “Съезд выбирает трех лиц в редакцию ЦО и трех в ЦК. Эти шесть лиц *вместе*, по большинству 2/3, дополняют, если это необходимо, состав редакции ЦО и ЦК кооптацией и делают соответствующий доклад съезду. После утверждения съездом этого доклада дальнейшая кооптация производится редакцией ЦО и ЦК отдельно”.

Из этого текста план выясняется с полнейшей определенностью и недвусмысленностью: он означает *обновление* редакции *при участии* самых влиятельных руководителей практической работы. Обе отмеченные мной черты этого плана сразу выступают для каждого, кто даст себе труд хоть сколько-нибудь внимательно прочитать приведенный текст. Но по нынешним временам приходится останавливаться на разъяснении даже самых азбучных вещей. План означает именно *обновление* редакции, не обязательное расширение и не обязательное сокращение числа ее членов, а именно обновление, ибо вопрос о возможном расширении или сокращении оставлен *открытым*: кооптация предусматривается лишь на тот случай, *если это необходимо*. Из числа предположений, высказывавшихся разными лицами по вопросу об этом обновлении, были и планы возможного сокращения и увеличения числа членов редакции до семи (семерку я лично всегда считал несравненно более целесообразной, чем шестерку) и даже увеличения этого числа до одиннадцати (я считал это возможным в случае мирного соединения со всеми социал-демократическими организациями вообще, в особенности с Бундом и с польской социал-демократией). Но самое главное, что обыкновенно упускают из виду люди, говорящие о “тройке”, это *требование участия членов ЦК в решении вопроса о дальнейшей кооптации в ЦО*. Ни единый товарищ из всей массы членов организации и делегатов съезда из “меньшинства”, знавших этот план и одобрявших его (одобрявших либо специальным выражением своего согласия, либо своим молчанием), не потрудился объяснить значения

этого требования. Во-первых, почему за исходный пункт для обновления редакции взята была именно тройка и только тройка? Очевидно, что это было бы *совершенно*

---

^А СМОТРИ МОЕ “ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ “ИСКРЫ””, СТР. 5, И ПРОТОКОЛЫ ЛИГИ, СТР. 53.

бессмысленно, если бы имелось в виду *исключительно*, или, хотя бы, главным образом, *расширение* коллегии, если бы эта коллегия признавалась действительно “гармонической”. Странно было бы для расширения “гармонической” коллегии *исходить* не из всей этой коллегии, а только от *ее части*. Очевидно, что *не все* члены коллегии признавались вполне пригодными для обсуждения и *решения* вопроса об обновлении ее состава, о превращении старого редакторского кружка в *партийное учреждение*. Очевидно, что даже тот, кто сам лично желал обновления в виде расширения, признавал старый состав негармоничным, несоответствующим идеалу партийного учреждения, ибо иначе незачем было бы для расширения шестерки *сначала* понижать ее до *тройки*. Повторяю: это ясно само собою, и только временное засорение вопроса “личностями” могло заставить забыть об этом.

Во-вторых, из текста, приведенного выше, видно, что даже *согласия всех трех членов ЦО* недостаточно было бы еще для расширения тройки. Это тоже всегда упускается из виду. Для кооптации нужно $2/3$ от *шести*, т. е. *четыре* голоса; значит, стоило бы только трем выбранным членам ЦК сказать “veto”, и *никакое расширение тройки не было бы возможно*. Наоборот, если бы даже двое из трех членов редакции ЦО были против дальнейшей кооптации, — кооптация все же могла бы состояться, при согласии на нее всех трех членов ЦК. Очевидно, таким образом, что имелось в виду, при превращении старого кружка в партийное учреждение, дать *решающий* голос руководителям практической работы, выбираемым съездом. Какие товарищи приблизительно намечались нами при этом, видно из того, что редакция до съезда единогласно выбрала седьмым в свой состав т. Павловича, на случай, если придется на съезде выступать от имени коллегии; кроме товарища Павловича на место седьмого был предлагаем один старый член организации “Искры” и член ОК, *выбранный впоследствии в члены ЦК*¹⁵.

Таким образом, план выбора двух троек был рассчитан явным образом: 1) на обновление редакции, 2) на устранение из нее некоторых черт старой кружковщины, неуместной в партийном учреждении (если бы нечего было устранять, то незачем бы и придумывать первоначальной тройки!), наконец, 3) на устранение “теократических” черт литературской коллегии (устранение посредством привлечения выдающихся практиков в *решению* вопроса о расширении тройки). Этот план, с которым ознакомлены были все редакторы, основывался, очевидно, на *трехлетнем опыте* работы и соответствовал *вполне* последовательно проводимым нами принципам революционной организации: в эпоху *разброда*, когда выступила “Искра”, отдельные группы складывались часто случайно и стихийно, неизбежно страдая от некоторых вредных проявлений кружковщины. Создание партии предполагало устранение таких черт и требовало их устранения; участие выдающихся практиков в этом устранении было *необходимо*, ибо некоторые члены редакции *всегда* ведали организационные дела, и в систему партийных учреждений должна была войти не литературская только коллегия, а коллегия политических руководителей. Предоставление съезду выбора первоначальной тройки было равным образом естественно, с точки зрения всегдашней политики “Искры”: мы до последней степени *осторожно* готовили съезд, выжидая *полного* выяснения спорных принципиальных вопросов программы, тактики и организации; мы *не сомневались*, что съезд будет *искровским* в смысле солидарности громадного большинства в этих основных вопросах (об этом свидетельствовали отчасти и резолюции о признании “Искры” руководящим органом); мы *должны были* поэтому предоставить товарищам, которые вынесли на своих плечах всю работу распространения идей “Искры” и приготовления ее превращения в партию, предоставить *им самим* решить вопрос о наиболее пригодных кандидатах в новое партийное учреждение. *Только* этой

естественностью плана “двух троек”, *только* его *полным соответствием* со всей политикой “Искры” и со всем тем, что знали про “Искру” сколько-нибудь близко стоящие к делу лица, *и можно объяснить* общее одобрение этого плана, отсутствие какого бы то ни было конкурирующего плана.

И вот на съезде тов. Русов прежде всего и предложил выбрать *две тройки*. Сторонники Мартова, который *письменно уведомлял нас о связи этого плана с ложным обвинением в оппортунизме, и не подумали*, однако, свести спор о шестерке и тройке на вопрос о правильности или неправильности этого обвинения. *Ни один из них и не заикнулся об этом! Ни один из них не решился сказать ни слова о принципиальном отличии оттенков, связанных с шестеркой и тройкой.* Они предпочли более ходкий и дешевый прием — апеллировать к жалости, сослаться на *возможную обиду*, притворяться, что *вопрос о редакции решен уже* назначением “Искры” Центральным Органом. Этот последний довод, выдвинутый тов. Кольцовым против товарища Русова, представляет из себя *прямую фальшь*. В порядок дня съезда были, — конечно, не случайно, — поставлены два особые пункта (см. стр. 10 протоколов): п. 4 — “ЦО партии” и п. 18 — “Выборы ЦК и редакции ЦО”. Это во-первых. Во-вторых, при назначении ЦО *все* делегаты категорически заявляли, что этим *не* утверждается редакция, а лишь направление^а, *ни одного протеста* против этих заявлений не последовало.

Таким образом, заявление, что, утвердив определенный орган, съезд уже в сущности тем самым утвердил и редакцию, — заявление, повторявшееся много раз сторонниками меньшинства (Кольцовым, с. 321, Посадовским, там же, Поповым, с. 322 и мн. др.), — было *прямо фактически неверно*. Это был явный для всех *маневр*, прикрывающий *отступление* от позиции, запятой тогда, когда к вопросу о составе центров *все* могли еще относиться *действительно беспристрастно*. Отступление невозможно было оправдать ни принципиальными мотивами (ибо *на съезде* поднимать вопрос о “ложном обвинении в оппортунизме” было слишком *невыгодно* для меньшинства, которое *и не заикнулось* об этом), ни ссылкой на *фактические* данные относительно действительной работоспособности шестерки или тройки (ибо одно прикосновение к этим данным дало бы гору указаний против меньшинства). Пришлось отделяться *фразой* о “стройном целом”, о “гармоническом коллективе”, о “стройном и кристаллически-цельном целом” и т. п. Неудивительно, что такие доводы сейчас же и были названы настоящим именем: “*жалкие слова*” (с. 328). Самый план тройки ясно уже свидетельствовал о недостатке “гармоничности”, а впечатления, собранные делегатами в течение более чем месячных совместных работ, очевидно, дали массу материала для *самостоятельного* суждения делегатов. Когда тов. Посадовский намекнул (неосторожно и необдуманно с его точки зрения: см. стр. 321 и 325 об “условном” употреблении им слова “шероховатости”) на этот материал, то тов. Муравьев прямо заявил: “По моему мнению, для большинства съезда в настоящий момент вполне ясно видно, что такие^б шероховатости несомненно существуют” (321). Меньшинство пожелало понять слово “шероховатости” (пущенное в ход Посадовским, а не Муравьевым) исключительно в смысле чего-то личного, не решившись поднять брошенной тов. Муравьевым перчатки, не решившись выдвинуть *ни единого* довода по *существу дела* в защиту шестерки. Получился прекомичный, по своей бесплодности, спор: большинство (устаи тов. Муравьева) заявляет, что ему *вполне ясно видно* настоящее значение шестерки и тройки, а меньшинство упорно не слышит этого и уверяет, что “мы *не имеем возможности* входить в разбор”. Большинство не только считает возможным входить в разбор, но уже “вошло в разбор” и говорит о *вполне ясных* для него результатах этого разбора, а меньшинство, видимо, *боится разбора*, прикрываясь одними “жалкими словами”. Большинство

---

^а См. стр. 140 протоколов, речь Акимова: ... “мне говорят, что о выборах в ЦО мы будем говорить в конце”, речь Муравьева против Акимова, “очень близко к сердцу

принимającego вопрос о будущей редакции ЦО” (стр. 141), речь Павловича о том, что, назначив орган, мы получили “конкретный материал, над которым мы можем производить те операции, о которых так заботится тов. Акимов”, и о том, что насчет “подчинения” “Искры” “решениям партии” не может быть и тени сомнения (стр. 142); речь Троцкого: “раз мы не утверждаем редакции, что утверждаем мы в “Искре”?.. Не имя, а направление... не имя, а знамя” (страница 142); речь Мартынова: ...“Я полагаю, как и многие другие товарищи, что, обсуждая вопрос о признании “Искры”, как газеты известного направления, нашим Центральным Органом, мы сейчас не должны касаться способа выбора или утверждения ее редакции, об этом будет речь впоследствии, в соответственном месте порядка дня”... (стр. 143).

^b Какие именно “шероховатости” имел в виду тов. Посадовский, мы так и не узнали на съезде. Тов. же Муравьев в том же заседании (с. 322) оспаривал верность передачи его мысли, а во время утверждения протоколов прямо заявил, что он “говорил о тех шероховатостях, которые проявлялись в прениях съезда по разным вопросам, шероховатостях принципиального характера, существование которых в настоящий момент представляет уже, к сожалению, факт, которого никто не будет отрицать” (с. 353).

советует “иметь в виду, что наш ЦО не есть только литературная группа”, большинство “хочет, чтобы во главе ЦО стояли лица, вполне определенные, известные съезду, лица, удовлетворяющие требованиям, о которых я говорил” (т. е. именно требованиям не только литературным, стр. 327, речь тов. Ланге). Меньшинство опять-таки не решается поднять перчатки и ни слова не говорит о том, кто пригоден, по его мнению, для коллегии не только литературной, кто является “вполне определенной и известной съезду” величиной. Меньшинство по-прежнему прячется за пресловутую “гармоничность”. Мало того. Меньшинство вносит даже в аргументацию такие доводы, которые абсолютно неверны принципиально и потому вызывают по справедливости резкий отпор. “Съезд, — видите ли, — не имеет ни нравственного, ни политического права перекраивать редакцию” (Троцкий, стр. 326), “это слишком щекотливый (sic!) вопрос” (он же), “как должны отнестись неизбранные члены редакции к тому, что съезд не желает более их видеть в составе редакции?” (Царев, страница 324)^a.

Такие доводы всецело уже переносили вопрос на почву жалости и обиды, будучи прямым признанием банкротства в области аргументов действительно принципиальных, действительно политических. И большинство сейчас же характеризовало эту постановку вопроса настоящим словом: *обывательщина* (тов. Русов). “На устах революционеров, — справедливо сказал тов. Русов, — раздаются такие странные речи, которые находятся в резкой дисгармонии с понятием партийной работы, партийной этики. Основной довод, на который стали противники выбора троек, сводится на *чисто обывательский взгляд на партийные дела*” (курсив везде мой)... “Становясь на эту не партийную, а *обывательскую* точку зрения, мы при каждом выборе будем стоять перед вопросом: а не обидится ли Петров, что не его, а Иванова выбрали, не обидится ли такой-то член ОК, что не его, а другого выбрали в ЦК. Куда же, товарищи, нас это приведет? Если мы собрались сюда *не для взаимно приятных речей, не для обывательских нежностей, а для создания партии, то мы не можем никак согласиться на такой взгляд. Мы стоим перед вопросом выбора должностных лиц, и тут не может быть вопроса о недоверии к тому или иному невыбранному, а только вопрос о пользе дела и соответствии выбранного лица с той должностью, на которую он выбирается*” (стр. 325).

Мы бы посоветовали всем, кто хочет самостоятельно разобраться в причинах партийного раскола и доискаться *корней* его на съезде, *читать и перечитывать* речь тов. Русова, доводы которого меньшинство не только не опровергло, но и не оспорило даже. Да и нельзя оспорить таких элементарных, азбучных истин, забвение которых уже сам тов. Русов справедливо объяснял одним лишь “*нервным возбуждением*”. И это действительно наименее

неприятное для меньшинства объяснение того, как могли они с партийной точки зрения сойти на точку зрения обывательщины и кружковщины^b.

---

^a Ср. речь тов. Посадовского: ...”Выбирая из шести лиц старой редакции трех, вы этим самым трех других признаете ненужными, лишними. А вы для этого не имеете ни права, ни основания”.

^b Тов. Мартов в своем “Осадном положении” отнесся и к этому вопросу так же, как к остальным затронутым им вопросам. Он не потрудился дать цельной картины спора. Он скромненько обошел единственный действительно *принципиальный* вопрос, всплывший в этом споре: обывательские нежности или выбор должностных лиц? Партийная точка зрения или обида Иванов Иванычей? Тов. Мартов и здесь ограничился вырыванием отдельных и бессвязных кусочков происшествия с добавлением всяческих ругательств по моему адресу. Маловато этого, тов. Мартов!

Особенно пристает ко *мне* тов. Мартов с вопросом, *почему* не выбирали на съезде гг. Аксельрода, Засулич и Старовера. Обывательская точка зрения, на которую он встал, мешает ему видеть *неприличие* этих вопросов (почему не спросит он своего коллегу по редакции, тов. Плеханова?). Он видит противоречие в том, что я считаю “бестактным” поведение меньшинства на съезде в вопросе о шестерке, и что я в то же время требую партийной гласности. Противоречия тут нет, как легко увидел бы и сам Мартов, если бы потрудился дать связное изложение *всех* перипетий вопроса, а не обрывков его. Бестактно было ставить вопрос на обывательскую точку зрения, апеллировать к жалости и обиде, интересы партийной огласки требовали бы оценки по *существу* преимуществ шестерки над тройкой, оценки кандидатов на должность, оценки оттенков: *меньшинство и не заикнулось об этом на съезде*.

Внимательно изучая протоколы, тов. Мартов увидел бы в речах делегатов *целый ряд* доводов против шестерки. Вот выборка из этих речей, во-первых, в старой шестерке ясно видны шероховатости в смысле принципиальных оттенков, во-вторых, желательно техническое упрощение редакционной работы, в-третьих, польза дела стоит выше обывательских нежностей, только выбор обеспечит соответствие выбранных лиц с их должностями, в-четвертых, нельзя ограничивать свободы выбора съездом; в-пятых, партии нужна теперь не только литературная группа в ЦО, в ЦО необходимы не только литераторы, но и администраторы, в-шестых, в ЦО должны быть лица вполне определенные, известные *съезду*, в-седьмых, коллегия из шести часто недееспособна, и ее работа осуществлена *не благодаря* ненормальному уставу, *а несмотря* на это, в-восьмых, ведение газеты — партийное (а не кружковое) дело, и т. д. — Пусть попробует тов. Мартов, если он так интересуется вопросом о причинах невыбора, вникнуть в каждое из этих соображений и опровергнуть *хоть одно* из них.

Но меньшинство до такой степени лишено было возможности подыскать разумные и деловые доводы против выборов, что, кроме внесения в партийное дело обывательщины, оно дошло до *приемов* прямо *скандального* характера. В самом деле, как не назвать таким именем прием тов. Попова, посоветовавшего тов. Муравьеву “не брать на себя деликатных *поручений*” (стр. 322)? Что это, как не “залезание в чужую душу”, по справедливому выражению тов. Сорокина (стр. 328)? Что это, как не спекуляция на “*личности*”, при отсутствии доводов *политических*? Правду или неправду сказал тов. Сорокин, что “против таких приемов мы всегда протестовали”? “*Позволительно ли поведение тов. Дейча, когда он демонстративно пытался пригвоздить к позорному столбу товарищей, несогласных с ним?*”^a (стр. 328).

Подведем итог прениям по вопросу о редакции. Меньшинство не опровергло (и не

опровергало) многочисленных указаний большинства на то, что проект тройки был известен *делегатам* в самом начале съезда и до съезда, что, следовательно, проект этот исходил из *соображений и данных, независимых от происшествий и споров на съезде*. Меньшинство заняло, при отстаивании шестерки, *принципиально неправильную и недопустимую* позицию *обывательских* соображений. Меньшинство проявило полное забвение *партийной* точки зрения на выбор *должностных лиц*, не прикоснувшись даже к *оценке* каждого кандидата на должность и его соответствия или несоответствия с функциями данной должности. Меньшинство *уклонялось* от обсуждения вопроса по существу, ссылаясь на пресловутую гармоничность, “проливая слезы” и “впадая в пафос” (стр. 327, речь Ланге), - как будто кого-то “хотели убить”. Меньшинство дошло даже до “залезания в чужую душу”, воплей о “преступности” выбора и тому подобных *непозволительных* приемов, дошло под влиянием “*нервного возбуждения*” (стр. 325).

Борьба *обывательщины с партийностью*, худшего сорта “личностей” с *политическими соображениями, жалких слов с элементарными понятиями революционного долга* — вот чем была борьба из-за шестерки и тройки на тридцатом заседании нашего съезда.

И на 31-ом заседании, когда съезд большинством 19 голосов против 17 при трех воздержавшихся *отверг* предложение об утверждении всей старой редакции (см. 330 стр. и *опечатки*) и когда *бывшие редакторы* вернулись в зал заседания, тов. Мартов в своем “заявлении от имени большинства бывшей редакции” (стр. 330—331) проявил в еще больших размерах ту же шаткость и неустойчивость политической позиции и *политических понятий*. Разберем подробнее каждый пункт коллективного *заявления* и моего ответа (стр. 332-333) на него.

“Отныне, — говорит тов. Мартов после неутверждения старой редакции, — старой “Искры” не существует, и было бы последовательнее переменить ее

---

^a Так понял слова тов. Дейча (ср. стр. 324 — “резкий диалог с Орловым”) тов. Сорокин ” том же заседании. Тов. Дейч объясняет (стр. 351), что он “ничего подобного не говорил”, по сам же признает *тут же*, что сказал нечто *весьма и весьма* ” подобное” “Я не говорил” кто решится, — объясняет тов. Дейч, — а сказал мне интересно посмотреть, кто эти лица, которые решатся (sic! Тов. Дейч поправляется из кулька в рогожку!) поддерживать такое преступное (sic!) предложение, как избрание трех” (стр. 351). Тов. Дейч не опроверг, о *подтвердил* слова тов. Сорокина. Тов. Дейч подтвердил упрек тов. Сорокина, что “все понятия здесь перепутались” (в доводах меньшинства за шестерку) Тов. Дейч подтвердил уместность напоминания со стороны тов. Сорокина такой *азбучной* истины, что “мы члены партии и должны поступать, руководствуясь исключительно политически ми соображениями” Кричать о *преступности* выборов значит унижаться не только до обывательщины, но прямо до *скандальчика!*

название. Во всяком случае в новом постановлении съезда мы видим существенное ограничение того вотума доверия “Искре”, который был принят в одном из первых заседаний съезда”.

Тов. Мартов с коллегами поднимает действительно интересный и поучительный во многих отношениях вопрос о *политической последовательности*. Я ответил уже на это ссылкой на то, что *все* говорили при утверждении “Искры” (стр. 349 прот. ср. выше, стр. 82)^A. Несомненно, что перед нами один из самых вопиющих случаев политической непоследовательности; с чьей стороны, — со стороны ли большинства съезда или со стороны большинства старой редакции, предоставим судить читателю. Читателю же мы предоставим решение и двух других, очень кстати поставленных тов. Мартовым и коллегами его вопросов: 1) *обывательская* или *партийная* точка зрения проявляется в

ЖЕЛАНИИ ВИДЕТЬ “ОГРАНИЧЕНИЕ ВОТУМА ДОВЕРИЯ “ИСКРЕ”” В РЕШЕНИИ СЪЕЗДА ПРОИЗВЕСТИ ВЫБОР ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В РЕДАКЦИЮ ЦО? 2) С КАКОГО МОМЕНТА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ СУЩЕСТВУЕТ СТАРОЙ “ИСКРЫ”: С НОМЕРА ЛИ 46-ГО, КОГДА МЫ СТАЛИ ВЕСТИ ЕЕ ВДВОЕМ С ПЛЕХАНОВЫМ, ИЛИ С НОМЕРА 53-ГО, КОГДА ЕЕ ПОВЕЛО БОЛЬШИНСТВО СТАРОЙ РЕДАКЦИИ? ЕСЛИ ПЕРВЫЙ ВОПРОС ЕСТЬ ИНТЕРЕСНЕЙШИЙ ВОПРОС ПРИНЦИПА, ТО ВТОРОЙ — ИНТЕРЕСНЕЙШИЙ ВОПРОС ФАКТА.

“Так как теперь решено, — продолжал тов. Мартов, — выбрать редакцию из трех лиц, то я от имени своего и трех других товарищей заявляю, что ни один из нас не примет участия в такой новой редакции. Лично о себе прибавляю, что, если верно, что некоторые товарищи хотели вписать мое имя, как одного из кандидатов в эту “тройку”, то я должен усмотреть в этом оскорбление, мною не заслуженное (sic!). Говорю это ввиду обстоятельств, при которых было решено изменить редакцию. Решено это было ввиду каких-то “трений”^b, неработоспособности бывшей редакции, причем съезд решил этот вопрос в определенном смысле, не спросив редакцию об этих трениях и не назначив хотя бы комиссии для внесения вопроса об ее неработоспособности”... (Странно, что никто из меньшинства не догадался предложить съезду “спросить редакцию” или назначить комиссию! Не произошло ли это оттого, что после раскола организации “Искры” и неудачи переговоров, о которых писали тов. Мартов и Старовер, это было бы бесполезно?)... “При таких обстоятельствах предположение некоторых товарищей, что я соглашусь работать в реформированной таким образом редакции, я должен считать пятном на моей политической репутации”...^c

Я нарочно выписал целиком это рассуждение, чтобы показать читателю образчик и начало того, что так пышно расцвело *после съезда* и что нельзя назвать иначе как *дрязгой*. Я употребил уже это выражение в моем

---

^a См. настоящий том, стр. 296—297. *Ред.*

^b Тов. Мартов, вероятно, имеет в виду выражение тов. Посадовского: “шероховатости”. Повторяю, что тов. Посадовский так и не объяснил съезду, что он хотел сказать, а тов. Муравьев, употребивший то же выражение, объяснил, что говорил о принципиальных шероховатостях, *проявившихся в прениях съезда*. Читатели припомнят, что *единственный* случаи действительно принципиальных прений, в которых участвовало четыре редактора (Плеханов, Мартов, Аксельрод и я), касался § 1 устава и что тов. Мартов и Старовер письменно жаловались на “ложное обвинение в оппортунизме”, как один из доводов “изменения” редакции. Тов. Мартов в этом *письме* усматривал *ясную* связь “оппортунизма” с планом изменения редакции, а на *съезде* ограничился туманным намеком на “какие-то трения”. “Ложное обвинение в оппортунизме” уже забыто!

^c Тов. Мартов добавил еще “На такую роль согласится разве Рязанов, а не тот Мартов, которого, как я думаю, вы знаете по его работе” Поскольку что есть *личное* нападение на Рязанова, постольку тов. Мартов взял это назад Но Рязанов фигурировал на съезде в качестве нарицательного имени вовсе не за те или иные его личные свойства (касаться коих было бы неуместно), а за *политическую физиономию* группы “Борьба”, за ее *политические ошибки*. Тов. Мартов очень хорошо делает, если берет назад предполагаемые или действительно нанесенные личные оскорбления, но не следует забывать из-за этого политических ошибок, которые должны служить уроком партии. Группа “Борьба” обвинялась у нас на съезде в внесении “организационного хаоса” и “дробления, не вызываемого никакими принципиальными соображениями” (стр. 38, речь тов. Мартова) Такое политическое поведение безусловно заслуживает порицания не только тогда, когда мы видим его у маленькой группы до съезда партии в период *общего* хаоса, но и тогда, когда мы видим его после съезда партии, в период устранения хаоса, видим со стороны хотя бы и “большинства

редакции “Искры” и большинства группы “Освобождение труда””.

“Письме в редакцию “Искры”” и, несмотря на недовольство редакции, вынужден повторить его, ибо правильность его неоспорима. Ошибочно думают, что дрызга предполагает “низменные мотивы” (как умозаключила редакция новой “Искры”): всякий революционер, сколько-нибудь знакомый с нашими ссыльными и эмигрантскими колониями, видал, наверное, десятки случаев дрызг, когда выдвигались и пережевывались самые нелепые обвинения, подозрения, самообвинения, “личности” и т. п. на почве “нервного возбуждения” и ненормальных, затхлых условий жизни. Низменных *мотивов* ни один разумный человек не станет непременно искать в этих дрызгах, *как бы низменны ни были их проявления*. И именно только “нервным возбуждением” можно объяснить этот запутанный клубок нелепостей, личностей, фантастических ужасов, залезания в душу, вымученных оскорблений и пятнаний, каковым является выписанный мною абзац из речи тов. Мартова. Затхлые условия жизни сотнями порождают у нас такие дрызги, и политическая партия не заслуживала бы уважения, если бы она не смела называть свою болезнь настоящим именем, ставить беспощадный диагноз и отыскивать средства лечения.

Поскольку можно выделить из этого клубка нечто принципиальное, постольку *НЕИЗБЕЖНО* прийти к выводу, что “ВЫБОРЫ НЕ ИМЕЮТ НИЧЕГО ОБЩЕГО С ОСКОРБЛЕНИЕМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕПУТАЦИИ”, что “ОТРИЦАТЬ ПРАВО СЪЕЗДА НА НОВЫЕ ВЫБОРЫ, НА ВСЯЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ СОСТАВА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, НА ПЕРЕБОРКУ УПОЛНОМОЧАВАЕМЫХ ИМ КОЛЛЕГИЙ” ЗНАЧИТ ВНОСИТЬ *ПУТАНИЦУ* В ВОПРОС И ЧТО “В ВОЗЗРЕНИЯХ ТОВ. МАРТОВА НА ДОПУСТИМОСТЬ ВЫБОРОВ ЧАСТИ ПРЕЖНЕЙ КОЛЛЕГИИ ПРОЯВЛЯЕТСЯ *ВЕЛИЧАЙШЕЕ СМЕШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ*” (КАК Я ВЫРАЗИЛСЯ НА СЪЕЗДЕ, СТР. 332)^A.

Опускаю “личное” замечание тов. Мартова к вопросу о том, от кого исходит план тройки, и перехожу к его “политической” характеристике того значения, какое имеет неутверждение старой редакции: ...“Происшедшее теперь есть последний акт борьбы, имевшей место в течение второй половины съезда”... (Правильно! и эта вторая половина начинается с того момента, когда Мартов в вопросе о § 1 устава попал в цепкие объятия тов. Акимова.)... “Для всех не тайна, что дело при этой реформе идет не о “работоспособности”, а о борьбе за влияние на ЦК”... (Во-первых, для всех не тайна, что дело шло тут *и о работоспособности и о расхождении из-за состава ЦК*, ибо план “реформы” выдвинут был тогда, когда еще о втором расхождении *не могло быть и речи*, тогда, когда мы вместе с тов. Мартовым выбирали седьмым участником редакционной коллегии тов. Павловича! Во-вторых, мы уже показали на основании *документальных* данных, что дело шло о *личном составе ЦК*, что дело свелось *a la fin des fins*^b к различию списков: Глебов—Травинский — Попов и Глебов — Троцкий — Попов.)... “Большинство редакции показало, что оно не желает превращения ЦК в орудие редакции”... (Начинается акимовская песня: вопрос о влиянии, за которое борется всякое большинство на всяком партийном съезде всегда и везде, чтобы *закрепить* это влияние *большинством* в центральных учреждениях, переносится в область *оппортунистической сплетни* об “орудии” редакции, о “простом придатке” редакции, как сказал тот же тов. Мартов немного позже, стр. 334.)... “Вот почему понадобилось сократить число членов редакции (!). А потому я и не могу вступить в такую редакцию”... (Посмотрите-ка внимательнее на это “потому”, как *могла бы* редакция превратить ЦК в придаток или в орудие *только* так и в том случае, если бы она имела три голоса в Совете и *злоупотребляла* этим перевесом? не ясно ли это? И не ясно ли также, что выбранный третьим тов. Мартов всегда мог бы помешать всякому -злоупотреблению и уничтожить *одним своим голосом* всякий перевес редакции в Совете? Дело сводится, следовательно, именно к личному составу ЦК, а речи об орудии и придатке сразу оказываются *сплетней*.)... “Вместе с большинством старой редакции я думал, что съезд положит конец “осадному положению” внутри партии и введет в ней нормальный порядок. В действительности осадное положение с исключительными законами против отдельных групп продолжено и даже обострено. Только в составе всей старой редакции мы можем ручаться,

что права, предоставленные редакции уставом, не послужат ко вреду для партии”...

Вот целиком то место из речи тов. Мартова, в котором *он впервые*

---

^А См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 305. *РЕД.*

^б — в конце концов. *Ред.*

бросил пресловутый лозунг “осадного положения”. И теперь взгляните на мой ответ ему:

...“Исправляя заявление Мартова о частном характере плана двух троек, я и не думаю, однако, затрагивать этим утверждения того же Мартова о “политическом значении” того шага, который мы сделали, не утвердив старой редакции. Напротив, я вполне и безусловно согласен с тов. Мартовым в том, что этот шаг имеет крупное политическое значение, — только не то, какое приписывает ему Мартов. Он говорил, что это есть акт борьбы за влияние на ЦК в России. Я пойду дальше Мартова. Борьбой за влияние была до сих пор вся деятельность “Искры”, как частной группы, а теперь речь идет уже о большем, об организационном закреплении влияния, а не только о борьбе за него. До какой степени глубоко мы расходимся здесь политически с тов. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в вину это желание влиять на ЦК, а я ставлю себе в заслугу то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем. Оказывается, что мы говорим даже на разных языках. К чему была бы вся наша работа, все наши усилия, если бы венцом их была все та же старая борьба за влияние, а не полное приобретение и упрочение влияния? Да, тов. Мартов совершенно прав: сделанный шаг есть несомненно крупный политический шаг, свидетельствующий о выборе одного из наметившихся теперь направлений в дальнейшей работе нашей партии. *И меня несколько не пугают страшные слова об “осадном положении в партии”, об “исключительных законах против отдельных лиц и групп и т. п.* По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создать “осадное положение”, и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как “осадное положение” для столь многочисленных источников политической расплывчатости. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер”^а.

Я подчеркнул в этом конспекте моей речи на съезде *фразу, которую тов. Мартов в своем “Осадном положении” (стр. 16) предпочел опустить.* Неудивительно, что эта фраза ему не понравилась и что он не захотел понять ее ясного смысла.

Что значит выражение: “страшные слова”, тов. Мартов?

ОНО ОЗНАЧАЕТ *НАСМЕШКУ*, НАСМЕШКУ НАД ТЕМ, КТО К МАЛЕНЬКИМ ВЕЩАМ ПРИЛАГАЕТ БОЛЬШИЕ НАЗВАНИЯ, КТО ЗАПУТЫВАЕТ ПРОСТОЙ ВОПРОС ПРЕТЕНЦИОЗНЫМ ФРАЗЕРСТВОМ.

Маленький и простой факт, который *один только* мог подать и подал повод к “нервному возбуждению” тов. Мартова, состоял *исключительно* в том, что тов. Мартов *потерпел поражение на съезде* в вопросе о *личном составе центров.* Политическое значение этого простого факта состояло в том, что большинство партийного съезда, победив, закрепляло свое влияние проведением большинства и в партийное правление, созданием организационного базиса для борьбы при помощи устава с тем, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью и расплывчатостью^б. Говорить по этому поводу о “борьбе за влияние” с каким-то ужасом в глазах и жаловаться на “осадное положение” было не чем иным, как *претенциозным фразерством*, страшными словами.

Тов. Мартов не согласен с этим? Не попробует ли он показать нам, что был на свете такой партийный съезд, что мыслим вообще такой партийный съезд, в котором бы

большинство не закрепляло завоеванного влияния: 1) проведением большинства же в центры, 2) вручением ему власти для парализования шаткости, неустойчивости и расплывчатости?

ПЕРЕД ВЫБОРАМИ НАШЕМОУ СЪЕЗДУ ПРЕДСТОЯЛО РЕШИТЬ ВОПРОС: ПРЕДОСТАВИТЬ ЛИ *ОДНУ ТРЕТЬ* ГОЛОСОВ В ЦО И В ЦК ПАРТИЙНОМУ БОЛЬШИНСТВУ ИЛИ ПАРТИЙНОМУ МЕНЬШИНСТВУ? ШЕСТЕРКА И СПИСОК ТОВ. МАРТОВА ОЗНАЧАЛИ

---

^a См. Сочинения, 5 изд., том 7, стр. 307—308. *Ред.*

^b В чем проявилась на съезде неустойчивость, шаткость и расплывчатость искровского меньшинства? Во-первых, в оппортунистических фразах о § 1 устава; во-вторых, в коалиции с тов. Акимовым и Либером, которая быстро росла во вторую половину съезда, в-третьих, в способности принимать вопрос о выборе должностных лиц в ЦО до обывательщины, жалких слов и даже до залезания в чужую душу. После же съезда все эти милые качества созрели из бутончиков в цветочки в ягодки.

предоставление одной трети нам, двух третей его сторонникам. Тройка в ЦО и список наш означали предоставление двух третей нам, одной трети — сторонникам тов. Мартова. Тов. Мартов отказался войти в сделку с нами или уступить *и письменно* вызвал нас на бой перед съездом; потерпев же поражение перед съездом, он расплакался и стал жаловаться на “осадное положение”! Ну, разве же это не дрызга? Разве это не новое проявление интеллигентской хлюпкости?

Нельзя не припомнить по этому поводу блестящей социально-психологической характеристики этого последнего качества, которую дал недавно К. Каутский. Социал-демократическим партиям разных стран нередко приходится теперь переживать одинаковые болезни, и нам очень, очень полезно поучиться правильному диагнозу и правильному лечению у более опытных товарищей. Характеристика некоторых интеллигентов К. Каутским будет поэтому только кажущимся отступлением от нашей темы.

...“В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НАС ОПЯТЬ ЖИВО ИНТЕРЕСУЕТ ВОПРОС ОБ *АНТАГОНИЗМЕ МЕЖДУ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ^A И ПРОЛЕТАРИАТОМ*. Мои коллеги” (КАУТСКИЙ САМ ИНТЕЛЛИГЕНТ, ЛИТЕРАТОР И РЕДАКТОР) “БУДУТ СПЛОШЬ ДА РЯДОМ ВОЗМУЩАТЬСЯ ТЕМ, ЧТО Я ПРИЗНАЮ ЭТОТ АНТАГОНИЗМ. Но ведь он фактически существует, и было бы самой нецелесообразной тактикой (и здесь, как и в других случаях) пытаться отделаться от него отрицанием факта. АНТАГОНИЗМ ЭТОТ ЕСТЬ СОЦИАЛЬНЫЙ АНТАГОНИЗМ, ПРОЯВЛЯЮЩИЙСЯ НА КЛАССАХ, А НЕ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЧНОСТЯХ. Как отдельный капиталист, так и отдельный интеллигент может всецело войти в классовую борьбу пролетариата. В тех случаях, когда это имеет место, интеллигент изменяет и свой характер. И в дальнейшем изложении речь будет идти, главным образом, не об *ЭТОГО ТИПА* ИНТЕЛЛИГЕНТАХ, КОТОРЫЕ И ПОНЬНЕ ЯВЛЯЮТСЯ ЕЩЕ ИСКЛЮЧЕНИЕМ СРЕДИ СВОЕГО КЛАССА. В дальнейшем изложении, если нет особых оговорок, *ПОД ИНТЕЛЛИГЕНТОМ РАЗУМЕЮ Я ЛИШЬ ОБЫКНОВЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА, СТОЯЩЕГО НА ПОЧВЕ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА* и являющегося характерным представителем *КЛАССА* ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. ЭТОТ *КЛАСС* НАХОДИТСЯ В ИЗВЕСТНОМ *АНТАГОНИЗМЕ* К ПРОЛЕТАРИАТУ.

Антагонизм этот — иного рода, чем антагонизм между трудом и капиталом. Интеллигент — не капиталист. Правда, его уровень жизни буржуазный, и он вынужден поддерживать этот уровень, пока не превращается в босяка, но в то же время он вынужден продавать продукт своего труда, а часто и свою рабочую силу, он терпит нередко эксплуатацию со стороны капиталиста и известное социальное принижение. Таким образом, интеллигент не находится ни в каком экономическом антагонизме к пролетариату. Но его жизненное положение, его условия труда — не пролетарские, и отсюда вытекает известный антагонизм в настроении и в мышлении.

ПРОЛЕТАРИЙ — НИЧТО, ПОКА ОН ОСТАЕТСЯ ИЗОЛИРОВАННЫМ ИНДИВИДУУМОМ. ВСЮ СВОЮ СИЛУ, ВСЮ СВОЮ СПОСОБНОСТЬ К ПРОГРЕССУ, ВСЕ СВОИ НАДЕЖДЫ И ЧАЯНИЯ ЧЕРПАЕТ ОН ИЗ *ОРГАНИЗАЦИИ*, ИЗ ПЛАНОМЕРНОЙ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ТОВАРИЩАМИ. ОН ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ВЕЛИКИМ И СИЛЬНЫМ, КОГДА ОН СОСТАВЛЯЕТ ЧАСТЬ ВЕЛИКОГО И СИЛЬНОГО ОРГАНИЗМА. ЭТОТ ОРГАНИЗМ ДЛЯ НЕГО — ВСЕ, ОТДЕЛЬНЫЙ ЖЕ ИНДИВИДУУМ ЗНАЧИТ, ПО СРАВНЕНИЮ С НИМ, ОЧЕНЬ МАЛО. ПРОЛЕТАРИЙ ВЕДЕТ СВОЮ БОРЬБУ С ВЕЛИЧАЙШИМ САМОПОЖЕРТВОВАНИЕМ, КАК ЧАСТИЧКА АНОНИМНОЙ МАССЫ, БЕЗ ВИДОВ НА ЛИЧНУЮ ВЫГОДУ, НА ЛИЧНУЮ СЛАВУ, ИСПОЛНЯЯ СВОЙ ДОЛГ НА ВСЯКОМ ПОСТУ, КУДА ЕГО ПОСТАВЯТ, ДОБРОВОЛЬНО ПОДЧИНЯЯСЬ ДИСЦИПЛИНЕ, ПРОНИКАЮЩЕЙ ВСЕ ЕГО ЧУВСТВО, ВСЕ ЕГО МЫШЛЕНИЕ.

Совсем иначе обстоит дело с интеллигентом. Он борется не тем или иным применением силы, а при помощи аргументов. Его оружие — это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы. Лишь с трудом подчиняется он известному целому в качестве служебной части этого целого, подчиняется по необходимости, а не по собственному побуждению. Необходимость дисциплины признает он лишь для массы, а не для избранных душ. Себя же самого он, разумеется, причисляет к избранным душам...

.. Философия Ницше, с ее культом сверхчеловека, для которого все дело в том, чтобы обеспечить полное развитие своей собственной личности, которому всякое подчинение его персоны какой-либо великой общественной цели кажется пошлым и презренным, эта философия есть настоящее мирозерцание интеллигента, она делает его совершенно негодным к участию в классовой борьбе пролетариата.

Наряду с Ницше, выдающимся представителем мирозерцания интеллигенции, соответствующего ее настроению, является Ибсен. Его доктор Штокман (в драме “Враг народа”) — не социалист, как думали многие, а тип интеллигента, который неизбежно должен прийти в столкновение с пролетарским движением, вообще со всяким народным движением, раз он попытается действовать в нем. Это —

---

^а Я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие выражения *Literal*, *Literatentum*, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (*brain worker*, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда.

потому, что основой пролетарского, как и всякого демократического^а, движения является уважение к большинству товарищей. Типичный интеллигент а 1а Штокман видит в “компактном большинстве” чудище, которое должно быть ниспровергнуто.

...Идеальным образчиком интеллигента, который всецело проникся пролетарским настроением, который, будучи блестящим писателем, утратил специфически интеллигентские черты психики, который без воркотни шел в ряду и шеренге, работал на всяком посту, на который его назначали, подчинял себя всецело нашему великому делу и презирал то дряблкое хныканье (*weichliches Gewinsel*) по поводу подавления своей личности, какое мы слышим часто от интеллигентов, воспитавшихся на Ибсене и Ницше, когда им случается остаться в меньшинстве, — идеальным образчиком такого интеллигента, какие нужны социалистическому движению, был Либкнехт. Можно назвать здесь также и Маркса, который никогда не протискивался на первое место и образцовым образом подчинялся партийной дисциплине в Интернационале, где он не раз оставался в меньшинстве”^с.

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигента, оставшегося в меньшинстве, и ничем больше — был отказ Мартова с коллегами от должности после одного только

неутверждения старого кружка, были жалобы на осадное положение и исключительные законы “против отдельных групп”, которые не были дороги Мартову при распусчении “Южного рабочего” и “Рабочего Дела”, а стали дороги при распусчении *его* коллегии.

Вот именно таким дряблым хныканьем интеллигентов, оставшихся в меньшинстве, были все эти бесконечные жалобы, упреки, намеки, попреки, сплетни и инсинуации насчет “компактного большинства”, которые рекой полились на нашем партийном съезде^с (и еще более после него) с легкой руки Мартова.

Горько сетовало меньшинство на то, что компактное большинство имело свои частные собрания: надо же было, в самом деле, меньшинству прикрыть чем-нибудь тот неприятный для него факт, что те делегаты, кого оно приглашало на свои частные собрания, отказывались идти на них, а те, кто охотно пошел бы (Егоровы, Маховы, Брукэры), не могли быть приглашены меньшинством после всей съездовской борьбы между теми и другими.

Горько сетовали на “ложное обвинение в оппортунизме”: надо же было, в самом деле, прикрыть чем-нибудь тот неприятный факт, что *именно оппортунисты*, гораздо чаще шедшие за антиискровцами, а отчасти и сами эти антиискровцы, составили компактное меньшинство, уцепились обеими руками за поддержку кружковщины в учреждениях, оппортунизма в рассуждениях, обывательщины в партийном деле, интеллигентской шаткости и хлюпкости.

Мы покажем в следующем параграфе, в чем заключается объяснение того интереснейшего *политического факта*, что в конце съезда образовалось “компактное большинство”, и почему меньшинство так тщательно-тщательно, несмотря на все вызовы, *обходит* вопрос о *причинах и истории* его образования. Но сначала закончим анализ прений на съезде.

При выборах в ЦК т. Мартов внес чрезвычайно характерную резолюцию (стр. 336), три основные черты которой я, бывало, называл “матом в три хода”. Вот эти черты: 1) баллотируются *списки* кандидатов в ЦК, а не отдельные кандидаты; 2) после прочтения списков пропускается два заседания (на обсуждение, очевидно); 3) при отсутствии абсолютного большинства, вторая баллотировка признается окончательной. Эта резолюция — прекрасно обдуманная стратегия (надо отдать справедливость и противнику!), с которой не соглашается т. Егоров (стр. 337), но которая *наверняка* обеспечила бы полную победу Мартову, *если бы семерка бундовцев и рабочедельцев не ушла со съезда*. Объясняется стратегия именно тем, что у искровского меньшинства *не было и не могло быть* “прямого соглашения” (которое было у искровского большинства) не только с Бундом и с Брукэром, но и с *т.т. Егоровыми и Маховыми*.

Вспомните, что т. Мартов плакался на съезде Лиги, будто “ложное

А ПРЕХАРАКТЕРНО ДЛЯ ТОЙ ПУТАНИЦЫ, КОТОРУЮ ВНЕСЛИ ВО ВСЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ ВАШИ МАРТОВЦЫ, ЧТО, ПОВЕРНУВ К АКИМОВУ И К *НЕУМЕСТНОМУ* ДЕМОКРАТИЗМУ, ОНИ В ТО ЖЕ ВРЕМЯ *ОЗЛОБЛЕНЫ* *НО ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РЕДАКЦИИ*, ВЫБОР НА *СЪЕЗДЕ*, ЗАРАНЕЕ НАМЕЧЕННЫЙ ВСЕМИ! И ЭТО, МОЖЕТ БЫТЬ, ВАШ ПРИНЦИП, ГОСПОДА?

^b *Karl Kautsky*: “Franz Mehring”, “Neue Zeit”, XXII, I. S. 99—101, 1903, № 4 (*Карл Каутский*; “Франц Меринг”, “Новое Время”, XXII, I, стр. 98—101. 1903, № 4. *Ред.*).

^с См. стр. 337, 338, 340, 352 и др. протоколов съезда.

обвинение в оппортунизме” предполагало его прямое соглашение с Бундом. Повторяю, это т. Мартову со страху показалось, и *именно несогласие т. Егорова на баллотирование списков* (т. Егоров “не растерял еще своих принципов”, должно быть тех принципов, которые

заставляли его слиться с Гольдблатом в оценке абсолютного значения демократических гарантий) показывает *наглядно* тот громадной важности факт, что *даже с Егоровым не могло быть и речи о “прямом соглашении”*. Но *коалиция* могла быть и была и с Егоровым и с Брукэром, коалиция в том смысле, что мартовцам *была обеспечена* поддержка их всякий раз, когда мартовцы приходили в серьезный конфликт с нами и когда Акимову и его друзьям предстояло выбирать *меньшее из зол*. Не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что в качестве *меньшего из зол*, в качестве того, что *хуже достигает искровских целей* (см. речь Акимова о § 1 и его “надежды” на Мартова), *тт. Акимов и Либер непременно выбрали бы и шестерку в ЦО и мартовский, список в ЦК*. Баллотирование списков, пропуск двух заседаний и перебаллотировка были предназначены именно для того, чтобы достигнуть этого результата с почти механической правильностью без всякого прямого соглашения.

Но поскольку наше компактное большинство оставалось компактным большинством, — обходный путь т. Мартова был только проволочкой, и мы не могли не отклонить его. Меньшинство письменно (в заявлении, с. 341) излило свои жалобы на это, *отказавшись, по примеру Мартынова и Акимова, от голосований* и выборов в ЦК “ввиду тех условий, при которых они производились”. После съезда эти жалобы на ненормальность условий выбора (см. “Ос. пол.”, стр. 31) изливались направо и налево перед сотнями партийных кумушек. Но в чем же была тут *ненормальность*? В тайном голосовании, которое было предусмотрено еще заранее регламентом съезда (§ 6, стр. 11 прот.) и в котором смешно было видеть “лицемерие” или “несправедливость”? В образовании компактного большинства, этого “чудища” для хлюпких интеллигентов? Или в *ненормальном* желании сих почтенных интеллигентов *нарушать то слово*, которое они дали перед съездом о признании всех его выборов (стр. 380, § 18 устава съезда)?

Товарищ Попов *тонко* намекнул на это желание, выступив на съезде в день выборов с прямым вопросом: “Уверено ли бюро, что решение съезда действительно и законно, если половина участвующих отказалась от голосования?”^а. Бюро ответило, конечно, что уверено, и напомнило инцидент с товарищами Акимовым и Мартыновым. Тов. Мартов присоединился к бюро и прямо заявил, что т. Попов ошибается, что “*решения съезда законны*” (стр. 343). Пусть читатель уже сам судит об этой, — в высокой степени, должно быть, нормальной, — политической последовательности, которая обнаруживается при сопоставлении *этого заявления перед партией* с поведением после съезда и с фразой “Осадного положения” о “*начавшемся еще на съезде восстании половины партии*” (стр. 20). Надежды, которые возлагал на тов. Мартова т. Акимов, перевесили мимолетные добрые намерения самого Мартова.

“*Ты победил*”, товарищ Акимов!

***

К характеристике того, до какой степени “СТРАШНЫМ СЛОВОМ” БЫЛА ПРЕСЛОВУТАЯ ФРАЗА ОБ “ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ”, КОТОРОЙ ПРИДАН ТЕПЕРЬ НАВЕКИ ТРАГИКОМИЧЕСКИЙ СМЫСЛ, — МОГУТ СЛУЖИТЬ НЕКОТОРЫЕ МЕЛКИЕ ПО ВИДУ, НО ОЧЕНЬ ВАЖНЫЕ ПО СУЩНОСТИ ЧЕРТОЧКИ *КОНЦА* СЪЕЗДА, ТОГО КОНЦА, КОТОРЫЙ ИМЕЛ МЕСТО *ПОСЛЕ* ВЫБОРОВ. Тов. Мартов носит теперь с этим трагикомическим “ОСАДНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ”, ВСЕРЬЕЗ УВЕРЯЯ И СЕБЯ И ЧИТАТЕЛЕЙ, ЧТО ЭТО ВЫДУМАННОЕ ИМ ПУГАЛО ОЗНАЧАЛО КАКОЕ-ТО НЕНОРМАЛЬНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ, ЗАТРАВЛИВАНИЕ, ЗАЕЗЖАНИЕ “МЕНЬШИНСТВА” “БОЛЬШИНСТВОМ”. МЫ ПОКАЖЕМ СЕЙЧАС, КАК БЫЛО ДЕЛО *ПОСЛЕ* СЪЕЗДА. Но возьмите даже КОНЕЦ СЪЕЗДА, и вы увидите, что *ПОСЛЕ ВЫБОРОВ* “КОМПАКТНОЕ БОЛЬШИНСТВО” НЕ ТОЛЬКО НЕ ПРЕСЛЕДУЕТ НЕСЧАСТНЕНЬКИХ, ЗАЕЗЖАЕМЫХ, ОБИЖАЕМЫХ И ВЕДОМЫХ НА КАЗНЬ МАРТОВЦЕВ, А НАПРОТИВ *САМО ПРЕДЛАГАЕТ* ИМ (УСТАМИ ЛЯДОВА) *ДВА МЕСТА ИЗ ТРЕХ* В ПРОТОКОЛЬНОЙ КОМИССИИ (СТР. 354). Возьмите РЕЗОЛЮЦИИ ПО

^А Стр. 342. Речь идет о выборе пятого члена в Совет, Подано 24 записки (всего 44 голоса), из них две пустых.

тактическим и другим вопросам (стр. 355 и след.) и вы увидите чисто деловое обсуждение по существу, когда подписи товарищей, вносящих резолюции, зачастую показывают попеременно и представителей чудовищного компактного “большинства”, и сторонников “униженного и оскорбленного” “меньшинства” (стр. 355, 357, 363, 365, 367 прот.). Не правда ли, как это похоже на “отстранение от работы” и иное всякое “заезжание”?

Единственный интересный, но, к сожалению, слишком краткий спор по существу возник по поводу староверовской резолюции о либералах. Она была принята съездом, как можно судить по подписям под ней (стр. 357 и 358), потому, что трое сторонников “большинства” (Браун, Орлов, Осипов) вотировали и *за нее* и за плехановскую резолюцию, не усматривая непримиримого противоречия между обеими. Непримиримого противоречия, на первый взгляд, между ними нет, ибо плехановская устанавливает общий принцип, выражает определенное принципиальное и тактическое отношение к *буржуазному либерализму в России*, а староверовская пытается определить *конкретные условия допустимости “временных соглашений”* с “либеральными или либерально-демократическими течениями”. Темы обеих резолюций разные. Но староверовская страдает именно *политической расплывчатостью*, будучи в силу этого мелкой и мелочной. Она *не определяет классового содержания русского либерализма*, она не указывает *определенных* политических течений, выражающих его, она не разъясняет пролетариату его *основных* задач пропаганды и агитации в отношении к этим определенным течениям, она смешивает (в силу своей расплывчатости) такие различные вещи, как студенческое движение и “Освобождение”, она слишком мелко, казуистически предписывает *три* конкретных условия, при которых допустимы “временные соглашения”. Политическая расплывчатость и в этом случае, как и во многих других, ведет к казуистичности. Отсутствие общего принципа и попытка перечислить “условия” ведет к мелочному и, строго говоря, *неправильному* указанию этих условий. В самом деле, посмотрите на эти три староверовских условия: 1) “либеральные или либерально-демократические течения” должны “ясно и недвусмысленно заявить, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону российской социал-демократии”. В чем состоит отличие либеральных и либерально-демократических течений? Резолюция не дает никакого материала для ответа на этот вопрос. Не в том ли, что либеральные течения выражают позицию наименее прогрессивных политически слоев буржуазии, а либерально-демократические — позицию наиболее прогрессивных слоев буржуазии и мелкой буржуазии? Если да, то неужели т. Старовер считает возможным, что наименее прогрессивные (но все же прогрессивные, ибо иначе нельзя было бы говорить о либерализме) слои буржуазии “встанут решительно на сторону социал-демократии”? Это абсурд, и если представители такого течения даже и “заявили бы это ясно и недвусмысленно” (предположение совершенно невозможное), то мы, партия пролетариата, *обязаны были бы не верить* их заявлениям. Быть либералом и становиться решительно на сторону социал-демократии, — одно исключает другое.

Далее. Допустим такой случай, что “либеральные или либерально-демократические течения” ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавием они становятся решительно на сторону *социалистов-революционеров*. Предположение это гораздо менее невероятно (в силу буржуазно-демократической сущности направления социалистов-революционеров), чем предположение тов. Старовера. По смыслу его резолюции, в силу ее расплывчатости и казуистичности, выходит, что *в таком случае временные соглашения с подобными либералами недопустимы*. Между тем, этот неизбежный вывод из резолюции т. Старовера приводит к положению *прямо неверному*. Временные соглашения допустимы и с социалистами-революционерами (см. резолюцию съезда о них), а *следовательно*, и с либералами, которые встали бы на сторону

социалистов-революционеров.

Второе условие: если эти течения “не выставят в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание”. И тут та же ошибка: не бывало и быть не может таких либерально-демократических течений, которые бы не выставляли в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и не затемняли его (пролетариата) сознание. Даже одна из самых демократических фракций нашего либерально-демократического течения, фракция социалистов-революционеров, выставляет в своей программе, запутанной, как и все либеральные программы, требования, идущие вразрез с интересами рабочего класса и затемняющие его сознание. Из этого факта следует выводить *необходимость* “разоблачать ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии”, но отнюдь не недопустимость временных соглашений.

Наконец, и третье “условие” тов. Старовера (чтобы лозунгом своей борьбы либералы-демократы сделали всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право) *неправильно* в той общей постановке, которая ему придана: временные и частные соглашения *неразумно было бы* объявлять ни в каком случае недопустимыми с такими либерально-демократическими течениями, которые выставляли бы лозунг цензовой конституции, “куцой” конституции вообще. В сущности, именно сюда подошло бы “течение” гг. “освобожденцев”, но связывать себе руки, запрещая наперед “временные соглашения”, хотя бы и с самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовместимой с принципами марксизма.

Итог: резолюция тов. Старовера, подписанная также гг. Мартовым и Аксельродом, *ошибочна*, и третий съезд поступит разумно, если отменит ее. Она страдает *политической расплывчатостью* теоретической и тактической позиции, казуистичностью — практических “условий”, требуемых ею. Она *смешивает два вопроса*: 1) разоблачение “антиреволюционных и противпролетарских” черт *всякого* либерально-демократического течения и обязательность *борьбы* с этими чертами и 2) *условие* временных и частных соглашений с любым из таких течений. Она не дает того, что надо (анализа классового содержания либерализма), и дает то, чего не надо (предписание “условий”). На партийном съезде вообще нелепо вырабатывать конкретные “условия” временных соглашений, когда нет налицо даже определенного контрагента, — субъекта таких возможных соглашений; да если бы и был таковой “субъект” налицо, то во сто раз рациональнее было бы предоставить определение “условий” временного соглашения центральным учреждениям партии, как это и сделано съездом по отношению к “течению” гг. социалистов-революционеров (см. плехановское видоизменение конца резолюции тов. Аксельрода, стр. 362 и 15 протоколов).

Что касается до возражений “меньшинства” против резолюции Плеханова, то единственный довод т. Мартова гласил: резолюция Плеханова “кончает мизерным выводом: надо разоблачать одного литератора. Не будет ли это — идти “на муху с обухом”?” (стр. 358). Довод этот, в котором отсутствие мысли прикрывается хлестким словечком — “мизерный вывод”, — дает нам новый образчик претенциозной фразы. Во-первых, резолюция Плеханова говорит о “разоблачении перед пролетариатом ограниченности и недостаточности освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявилась эта ограниченность и недостаточность”. Поэтому чистейшими пустяками является утверждение тов. Мартова (на съезде Лиги, стр. 88 протоколов), что “все внимание должно быть обращено на одного Струве, одного либерала”. Во-вторых, сравнивать господина Струве с “мухой”, когда речь идет о возможности временных соглашений с русскими либералами, значит приносить в жертву хлесткости элементарную политическую очевидность. Нет, г. Струве не муха, а политическая величина, и он является таковой не потому, чтобы он лично был очень крупной фигурой. Значение политической величины дает ему его позиция, позиция единственного представителя русского либерализма, хоть сколько-нибудь дееспособного и организованного либерализма, в нелегальном мире. Поэтому говорить о русских либералах и

об отношении к ним нашей партии и не иметь в виду именно г. Струве, именно “Освобождения” — значит говорить, чтобы ничего не сказать. Или, может быть, тов. Мартов попробует указать нам *хоть одно единственное* “либеральное или либерально-демократическое течение” в России, которое хоть отдаленно могло бы сравниться в настоящее время с “освобожденским” течением? Интересно было бы посмотреть на такую попытку!^a

---

^A НА СЪЕЗДЕ ЛИГИ тов. МАРТОВ ПРИВЕЛ ЕЩЕ ТАКОЙ ДОВОД ПРОТИВ РЕЗОЛЮЦИИ тов. ПЛЕХАНОВА “ГЛАВНОЕ СООБРАЖЕНИЕ ПРОТИВ НЕЕ, ГЛАВНЫЙ НЕДОСТАТОК ЭТОЙ РЕЗОЛЮЦИИ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ОНА СОВЕРШЕННО ИГНОРИРУЕТ ТО, ЧТО ВАША ОБЯЗАННОСТЬ — НЕ УКЛОНЯТЬСЯ В БОРЬБЕ С САМОДЕРЖАВИЕМ ОТ СОЮЗА С ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ. Тов. Ленин назвал бы подобную тенденцию МАРТЫНОВСКОЙ. В НОВОЙ “ИСКРЕ” ТЕНДЕНЦИЯ ЭТА УЖЕ ПРОЯВЛЯЕТСЯ” (СТР. 88).

Этот пассаж — редкое, по своему богатству, собрание “перлов”. 1) Сугубой путаницей являются слова о союзе с либералами. Никто и не говорил о союзе, тов. Мартов, а лишь о временных или частных соглашениях. Это большая разница. 2) Если Плеханов в резолюции игнорирует невероятный “союз” и говорит лишь вообще о “поддержке”, то это не недостаток, а достоинство его резолюции. 3) Не потрудится ли тов. Мартов объяснить нам, чем характеризуются вообще “мартыновские тенденции”? Не расскажет ли он нам об отношении этих тенденций к оппортунизму? Не проследит ли он отношение этих тенденций к параграфу первому устава? 4) Я положительно сгораю от нетерпения услышать от тов. Мартова, в чем проявились “мартыновские тенденции” в “новой” “Искре”? Пожалуйста, избавьте меня скорее от муки ожидания, тов. Мартов!

“Имя Струве ничего не говорит рабочим”, — поддерживал т. Костров тов. Мартова. Это уже довод, не во гнев будь сказано т. Кострову и т. Мартову, — акимовский. Это уже вроде пролетариата в родительном падеже¹⁶.

КАКИМ РАБОЧИМ “НИЧЕГО НЕ ГОВОРИТ ИМЯ СТРУВЕ” (И ИМЯ “ОСВОБОЖДЕНИЯ”, НАЗВАННОГО В РЕЗОЛЮЦИИ т. ПЛЕХАНОВА РЯДОМ С ИМЕНЕМ г. СТРУВЕ)? ТАКИМ, КОТОРЫЕ ДО ПОСЛЕДНЕЙ СТЕПЕНИ МАЛО ЗНАКОМЫ ИЛИ ВО ВСЕ НЕЗНАКОМЫ С “ЛИБЕРАЛЬНЫМИ И ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ТЕЧЕНИЯМИ” В РОССИИ. СПРАШИВАЕТСЯ, В ЧЕМ ДОЛЖНО СОСТОЯТЬ ОТНОШЕНИЕ НАШЕГО ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА К ТАКИМ РАБОЧИМ: В ТОМ ЛИ, ЧТОБЫ ПОРУЧИТЬ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ ЗНАКОМИТЬ ЭТИХ РАБОЧИХ С ЕДИНСТВЕННЫМ ОПРЕДЕЛЕННЫМ ЛИБЕРАЛЬНЫМ ТЕЧЕНИЕМ В РОССИИ? ИЛИ В ТОМ, ЧТОБЫ *УМАЛЧИВАТЬ* ОБ МАЛО ЗНАКОМОМ ДЛЯ РАБОЧИХ ИМЕНИ ПО СЛУЧАЮ СОБСТВЕННО ИХ МАЛОГО ЗНАКОМСТВА С ПОЛИТИКОЙ? ЕСЛИ т. КОСТРОВ, СДЕЛАВ ПЕРВЫЙ ШАГ ЗА т. АКИМОВЫМ, НЕ ЗАХОЧЕТ СДЕЛАТЬ И ВТОРОГО ШАГА ЗА НИМ, ТО ОН НАВЕРНОЕ РЕШИТ ЭТОТ ВОПРОС В ПЕРВОМ СМЫСЛЕ. А РЕШИВ ЕГО В ПЕРВОМ СМЫСЛЕ, ОН УВИДИТ, КАК НЕСОСТОЯТЕЛЕН БЫЛ ЕГО ДОВОД. *ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ* СЛОВА: “СТРУВЕ” И “ОСВОБОЖДЕНИЕ” В ПЛЕХАНОВСКОЙ РЕЗОЛЮЦИИ ВО МНОГО РАЗ БОЛЬШЕ *МОГУТ ДАТЬ* РАБОЧИМ, ЧЕМ СЛОВА: “ЛИБЕРАЛЬНОЕ И ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ТЕЧЕНИЕ” В РЕЗОЛЮЦИИ СТАРОВОРА.

Русский рабочий не может в настоящее время ознакомиться на практике с сколько-нибудь откровенными политическими тенденциями нашего либерализма иначе, как по “Освобождению”. Легальная либеральная литература негодна тут именно в силу ее туманности. И мы должны как можно усерднее (и перед возможно более широкими массами рабочих) направлять оружие своей критики против освобожденцев, чтобы в момент грядущей революции русский пролетариат мог настоящей критикой оружия парализовать неизбежные попытки гг. освобожденцев урезать демократический характер переворота.

Кроме отмеченного мною выше “недоумения” тов. Егорова по вопросу о “поддержке” нами оппозиционного и революционного движения, прения о резолюциях не дали интересного материала, да и прений почти не было.

Съезд закончился кратким напоминанием председателя об обязательности постановлений съезда для всех членов партии.

н) ОБЩАЯ КАРТИНА БОРЬБЫ НА СЪЕЗДЕ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ И ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ

КРЫЛО ПАРТИИ

Закончив анализ прений и голосований на съезде, мы должны теперь подвести итоги, чтобы на основании *всего* съездовского материала ответить на вопрос: из каких элементов, групп и оттенков сложилось то окончательное большинство и меньшинство, которое мы видели на выборах и которому суждено было на некоторое время стать основным нашим партийным делением? Необходимо подвести итоги всему тому материалу относительно принципиальных, теоретических и тактических, оттенков, который в таком богатстве представлен протоколами съезда. Без общей “сводки”, без общей картины всего съезда и всех главнейших группировок при голосованиях, этот материал остается слишком дробным, разбросанным, так что на первый взгляд те или иные отдельные группировки кажутся случайными, особенно тому, кто не дает себе труда самостоятельного и всестороннего изучения протоколов съезда (а много ли таких читателей, которые дали себе этот труд?).

В английских парламентских отчетах часто встречается характерное слово *division* — разделение. Палата “разделилась” на такое-то большинство и меньшинство, — говорят про голосование известного вопроса. “Разделение” нашей социал-демократической палаты по различным, обсуждавшимся на съезде, вопросам дает *единственную в своем роде, незаменимую по полноте и точности* картину внутренней борьбы в партии, картину ее оттенков и групп. Чтобы сделать эту картину наглядной, чтобы получить настоящую *картину*, а не грудку бессвязных, дробных, изолированных фактов и фактиков, чтобы положить конец бесконечным и бестолковым спорам об отдельных голосованиях (кто за кого голосовал и кто кого поддерживал?), я решил попытаться изобразить *все основные* типы “разделений” нашего съезда в виде *диаграммы*. Такой прием покажется, наверное, странным очень и очень многим, но я сомневаюсь, можно ли найти другой способ изложения, действительно обобщающего и подводящего итоги, возможно более полного и наиболее точного. Вотировал ли за или против известного предложения тот или иной делегат, — это можно установить при именных голосованиях с безусловной точностью, а по некоторым важным неименным голосованиям это можно определить, на основании протоколов, с громадной степенью вероятности, с достаточной степенью приближения к истине. Если принять при этом во внимание *все* именные голосования и все те неименные, в которых затрагивались сколько-нибудь важные (судя, например, по обстоятельности и страстности прений) вопросы, то получится изображение нашей внутрипартийной борьбы, отличающееся наиболее достижимой, при наличном материале, объективностью. При этом вместо фотографического изображения, т. е. изображения каждого голосования в отдельности, мы постараемся дать картину, т. е. привести все главные *типы* голосований, игнорируя неважные сравнительно отступления и разновидности, которые могли бы только запутать дело. Во всяком случае на основании протоколов всякий в состоянии будет проверить каждый штрих в нашей картине, дополнить ее каким угодно отдельным голосованием, одним словом, критиковать ее не только путем соображений, сомнений и указаний на единичные казусы, а путем составления *иной картины* на основании того же материала.

Нанося на диаграмму каждого принимавшего участие в голосовании делегата, мы будем отмечать особой штриховкой те четыре основные группы, которые мы подробно прослеживали в течение всего хода дебатов на съезде, именно: 1) искровцев большинства; 2) искровцев меньшинства; 3) “центр” и 4) антиискровцев. Различие принципиальных оттенков между этими группами мы видели *на массе примеров*, и если кому-либо не нравятся названия групп, слишком напоминающие любителям зигзагов об организации “Искры” и о направлении “Искры”, то мы заметим им, что дело не в названии, Теперь, когда оттенки прослежены нами на *всех* дебатах съезда, легко можно заменить установившиеся уже и привычные партийные клички (режущие кое-кому ухо) характеристикой *существа оттенков между группами*. При такой замене мы получили бы для тех же четырех групп следующие названия. 1) последовательные революционные социал-демократы; 2) оппортунисты маленькие; 3) оппортунисты средние и 4) оппортунисты большие (на наш русский масштаб большие). Будем надеяться, что эти названия меньше станут шокировать тех, кто с некоторого времени стал уверять себя и других, будто “искровец” — есть название, объемлющее лишь “кружок”, а не *направление*.

ПЕРЕЙДЕМ К ПОДРОБНОМУ ИЗЛОЖЕНИЮ ТОГО, КАКИЕ ТИПЫ ГОЛОСОВАНИЙ “СНЯТЫ” НА ПРИЛАГАЕМОЙ ДИАГРАММЕ (СМ. ДИАГРАММУ: “ОБЩАЯ КАРТИНА БОРЬБЫ НА СЪЕЗДЕ”).

ПЕРВЫЙ ТИП ГОЛОСОВАНИЙ (А) ОХВАТЫВАЕТ ТЕ СЛУЧАИ, КОГДА ВМЕСТЕ С ИСКРОВЦАМИ ШЕЛ “ЦЕНТР” ПРОТИВ АНТИИСКРОВЦЕВ ИЛИ ПРОТИВ ЧАСТИ ИХ. Сюда относятся ГОЛОСОВАНИЕ ПРОГРАММЫ В ЦЕЛОМ (ОДИН ТОЛЬКО Т. АКИМОВ ВОЗДЕРЖАЛСЯ, ОСТАЛЬНЫЕ ЗА), ГОЛОСОВАНИЕ ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ РЕЗОЛЮЦИИ ПРОТИВ ФЕДЕРАЦИИ (ВСЕ ЗА, КРОМЕ ПЯТИ БУНДОВЦЕВ), ГОЛОСОВАНИЕ § 2 УСТАВА БУНДА (ПРОТИВ НАС ПЯТЬ БУНДОВЦЕВ, ВОЗДЕРЖАЛИСЬ ПЯТЕРО. МАРТЫНОВ, АКИМОВ, БРУКЭР И МАХОВ С ДВУМЯ ГОЛОСАМИ, ОСТАЛЬНЫЕ С НАМИ); ЭТО ГОЛОСОВАНИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНО НА (ДИАГРАММЕ А. ДАЛЕЕ, ТОЮ ЖЕ ТИПА БЫЛИ ТРИ ГОЛОСОВАНИЯ ПО ВОПРОСУ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНЫМ ОРГАНОМ ПАРТИИ “ИСКРЫ”, РЕДАКЦИЯ (ПЯТЬ ГОЛОСОВ) ВОЗДЕРЖИВАЛАСЬ, ПРОТИВ БЫЛИ ВО ВСЕХ ТРЕХ ГОЛОСОВАНИЯХ ДВОЕ (АКИМОВ И БРУКЭР) И, КРОМЕ ТОГО, ПРИ ГОЛОСОВАНИИ *МОТИВОВ* УТВЕРЖДЕНИЯ “ИСКРЫ” ВОЗДЕРЖАЛИСЬ ПЯТЬ БУНДОВЦЕВ И ТОВ. МАРТЫНОВ^А.

Рассматриваемый тип голосований дает ответ на чрезвычайно интересный и важный вопрос, когда “центр” съезда шел вместе с искровцами? Либо тогда, когда и *антиискровцы были с нами*, за малыми исключениями {принятие программы, утверждение “Искры” независимо от мотивов}, либо тогда, когда дело шло о таких *заявлениях*, которые еще непосредственно к определенной политической позиции не обязывают (признание организационной работы “Искры” не обязывает еще проводить на деле ее организационную политику в отношении частных групп; отвержение федерации не мешает еще воздерживаться по вопросу о конкретном проекте федерации, как мы видели на примере т. Махова). Мы видели уже выше, говоря о значении группировок на съезде вообще, до какой степени неверно представляется этот вопрос в официальном изложении официальной “Искры”, которая (устаи т. Мартова) *затирает и затушевывает* разницу между искровцами и “центром”, между последовательными революционными социал-демократами и оппортунистами, посредством ссылки на *такие случаи, когда и антиискровцы шли с нами!* Даже наиболее “правые” из немецких и французских оппортунистов в социал-демократических партиях не вотируют против по таким пунктам, как *признание программы в целом*.

Второй тип голосований (Б) обнимает те случаи, когда искровцы последовательные и непоследовательные шли вместе против всех антиискровцев и всего “центра”. Эти случаи относятся, главным образом, к тем вопросам, когда дело шло о проведении в жизнь конкретно-определенных планов искровской политики, когда речь шла о признании “Искры” *на деле, а не на словах только*. Сюда относятся *инцидент с ОК^б*, постановка вопроса о положении Бунда в партии на первое место, распускание группы “Южный рабочий”, два

голосования об аграрной программе и, наконец, в-шестых, голосование *против* заграничного Союза русских социал-демократов (“Рабочего Дела”), т. е. признание Лиги единственной организацией партии за границей. Старая, допартийная кружковщина, интересы оппортунистических организаций или группок, узкое понимание марксизма боролись здесь с принципиально выдержанной и последовательной политикой революционной социал-демократии; искровцы меньшинства шли еще с нами в целом ряде случаев, в целом ряде крайне

---

^a Почему для изображения на диаграмме ваю именно голосование о § 2 устава Бунда? Потому что голосования о признании “Искры” менее полны, а голосования о программе и о федерации касаются менее определенных конкретно политических решений. Вообще выбор того или другого из ряда однородных голосований несколько не изменит основных черт картины, как в этом легко убедится каждый, сделав соответствующие изменения.

^b Именно это голосование изображено на диаграмме Б у искровцев было 32 голоса, за резолюцию бундовца 16. Заметим, что из голосований этого типа нет ни *одного* именно голосования. На распределение делегатов указывают лишь с громадной степенью вероятности двоякого рода данные 1) в прениях ораторы обеих групп искровцев высказываются за, ораторы антиискровцев и центра — против; 2) числа голосов “за” всегда очень близко подходят к цифре 33. Не надо забывать также, что, анализируя прения на съезде, мы отмечали, и помимо голосований, целый ряд случаев, когда “центр” шел с антиискровцами (с оппортунистами) против нас. Сюда относятся вопросы об абсолютной ценности демократических требований, о поддержке оппозиционных элементов, об ограничении централизма и т. д.

важных (с точки зрения ОК, “Южного рабочего”, “Рабочего Дела”) голосований,.. пока дело не коснулось *их собственной* кружковщины, их собственной непоследовательности. “Разделения” рассматриваемого типа наглядно показывают, что в ряде вопросов о проведении в жизнь наших принципов *центр шел с антиискровцами*, оказывался гораздо ближе к ним, чем к нам, гораздо более склонным *на деле* к *оппортунистическому*, чем к *революционному* крылу социал-демократии. “Искровцы” *по названию*, стыдившиеся *быть* искровцами, обнаруживали свою природу, и неизбежная борьба вносила немало раздражения, которое заслоняло от наименее вдумчивых и наиболее впечатлительных лиц значение вскрывающихся в этой борьбе принципиальных оттенков. Но теперь, когда улегся несколько пыл борьбы и протоколы остались объективным экстрактом ряда горячих сражений, теперь только люди, закрывающие глаза, могут не видеть, что соединение Маховых и Егоровых с Акимовыми и Либерами не было случайностью и не могло быть случайностью. Мартову и Аксельроду только и остается сторониться от всестороннего и точного анализа протоколов или пытаться задним числом *переделать* свое поведение на съезде, посредством всяческих выражений *сожаления*. Точно сожалением можно устранить различие взглядов и различие политики! точно теперешний союз Мартова и Аксельрода с Акимовым, Брукэром и Мартыновым может заставить нашу партию, восстановленную на втором съезде, забыть о борьбе, которую вели искровцы с антиискровцами в течение почти всего съезда!

Третий тип голосований на съезде, охватывающий три последние части диаграммы из пяти (именно В, Г и Д), характеризуется тем, что *небольшая часть искровцев отделяется и переходит на сторону антиискровцев*, которые поэтому и побеждают (пока остаются на съезде). Чтобы проследить с полной точностью развитие этой знаменитой *коалиции* искровского меньшинства с антиискровцами, одно упоминание о которой доводило Мартова до истерических посланий на съезде, приводятся все три основных типа *именных* голосований этого рода. В — это голосование по вопросу о равноправии языков (взято последнее из трех *именных* голосований по этому пункту, как самое полное). Все

антиискровцы и весь центр стеной стоят против нас, из искровцев же отделилась часть большинства и часть меньшинства. *Еще не видно, какие искровцы способны к окончательной и прочной коалиции с оппортунистической “правой” съезда.* Далее, голосование типа Г — о первом параграфе устава (из двух голосований взято более определенное, т. е. когда никто не воздерживался). *Коалиция обрисовывается рельефнее и складывается прочнее^а:* искровцы меньшинства *все* уже стоят на стороне Акимова и Либера, из искровцев большинства — очень небольшое число, возмещающее перешедших на нашу сторону трех из “центра” и одного из антиискровцев. Достаточно простого взгляда на диаграмму, чтобы убедиться в том, какие элементы случайно и временно переходили то на одну, то на другую сторону и какие *гили с неудержимой силой к прочной коалиции с Акимовыми.* На последнем голосовании (Д — выборы в ЦО, в ЦК и в Совет партии), *которое представляет именно окончательное деление на большинство и меньшинство,* ясно видно полное слияние искровского меньшинства со всем “центром” и с *остатками* антиискровцев. Из восьми антиискровцев к этому времени остался на съезде *один* тов. Брукэр (которому тов. Акимов разъяснил уже его ошибку и который занял принадлежащее ему по праву место в рядах *мартовцев*). Уход семерки наиболее “правых” оппортунистов решил судьбу выборов против Мартова^б.

И вот теперь подведем итоги съезду, опираясь на объективные

---

^а Судя по всему, того же типа было еще четыре *голосования по уставу*, стр. 278—27 за Фомина против 21 наших, стр. 279—26 за Мартова против 24 запас; стр. 280—27 против меня, 22 за; и там же — за Мартова 2 4 против 23 за вас. Это — затронутые уже мной раньше голосования по вопросам о кооптации в центры. Именных голосований нет (одно было, но затеряно). Бундовцы (все или часть), видимо, *спасают* Мартова. Ошибочные утверждения Мартова (в Лиге) относительно голосований этого типа исправлены выше.

^б Семь оппортунистов, ушедших с 2-го съезда, это пять бундовцев (Бунд вышел из партии на втором съезде после отклонения федеративного принципа) *а* два “рабочедельца”, т. Мартынов и т. Акимов. Эти последние ушли со съезда после того, как заграничной организацией партии была призвана *только* искровская Лига, то есть был распущен рабочедельческий заграничный “Союз русских социал-демократов”. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

данные о голосованиях *всякого типа.*

Много толковали о “случайном” характере большинства на нашем съезде. Тов. Мартов только этим доводом и утешал себя в своем “Еще раз в меньшинстве”. Из диаграммы ясно видно, что в *одном смысле*, но только в одном, можно назвать большинство случайным, именно в том смысле, что-де семерка наиболее оппортунистических элементов “правой” ушла *случайно*. Поскольку случаен этот уход, *постольку* (не более) случайно и наше большинство. Простой взгляд на диаграмму лучше длинных рассуждений показывает, на чьей стороне была бы, *должна бы была быть* эта семерка^а. Но, спрашивается, поскольку действительно можно считать случайным уход этой семерки? Вот вопрос, которого не любят задавать себе люди, охотно говорящие о “случайности” большинства. Неприятный это для них вопрос. Случайно ли то, что ушли наиболее ярые представители *правого*, а не *левого* крыла нашей партии? Случайно ли то, что ушли *оппортунисты*, а не последовательные *революционные социал-демократы*? Не стоит ли этот “случайный” уход в некоторой связи с той борьбой против оппортунистического крыла, которая велась в течение всего съезда и которая так наглядно выступает на нашей диаграмме?

Достаточно поставить эти неприятные для меньшинства вопросы, чтобы выяснить себе, какой факт *прикрывается* толками о случайности большинства. Это — тот несомненный и

неоспоримый факт, что *меньшинство составили наиболее тяготеющие к оппортунизму члены нашей партии*. Меньшинство составили *наименее устойчивые* теоретически, *наименее выдержанные принципиально* элементы партии. Меньшинство образовалось именно из *правого крыла* партии. Разделение на большинство и меньшинство есть прямое и неизбежное продолжение того разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую, на Гору и Жиронду¹⁷, которое не вчера только появилось не в одной только русской рабочей партии и которое, наверное, не завтра исчезнет.

Этот факт имеет кардинальное значение в деле выяснения причин и перипетий расхождений. Пытаться *обойти* этот факт посредством отрицания или затушевывания борьбы на съезде и сказавшихся в ней принципиальных оттенков, — значит выдавать себе полнейшее свидетельство об умственной и политической бедности. А чтобы *опровергнуть* этот факт, надо, *во-первых*, показать, что общая картина голосований и “разделений” на нашем партийном съезде была не такая, которая приведена мною; надо, *во-вторых*, показать, что *по существу* всех тех вопросов, из-за которых “разделялся” съезд, *неправы были* те наиболее последовательные революционные социал-демократы, которые связали себя в России с именем искровцев^b. Попробуйте-ка показать это, господа!

Факт составления меньшинства из наиболее оппортунистических, наименее устойчивых и наименее выдержанных элементов партии указывает, между прочим, ответ на многие недоумения и возражения, с которыми обращаются к большинству люди, плохо знакомые с делом или плохо продумавшие вопрос. Не мелко ли это, говорят нам, объяснять *расхождение* маленькой ошибкой тов. Мартова и тов. Аксельрода? Да, господа, ошибка тов. Мартова была невелика (и я еще на съезде, в пылу борьбы, отметил это), но из этой маленькой ошибки *могло* получиться (*и получилось*) много вреда в силу того, что тов. Мартова перетянули на свою сторону делегаты, сделавшие *целый ряд ошибок*, проявившие на целом ряде вопросов тяготение к оппортунизму и принципиальную невыдержанность. Индивидуальным и

---

^a Мы увидим ниже, что *после* съезда и т. Акимов и Воронежский комитет, наиболее *родственный* т. Акимову, прямо и выразили свое сочувствие “*меньшинству*”.

^b Примечание для тов. Мартова. Если тов. Мартов забыл теперь, что *искровец* означает *сторонник направления*, а не член *кружка*, то мы советуем ему прочесть в протоколах съезда разъяснение этого вопроса тов. Троцким тов. Акимову. Искровскими *кружками* были на съезде (по отношению к партии) три кружка, группа “Освобождение труда”, редакция “Искры”, организация “Искры”. Два кружка из этих трех были так разумны, что сами распустили себя, третий проявил недостаточно партийности, чтобы сделать это, и был распущен съездом. Самый широкий искровский кружок, организация “Искры” (включавшая в себя и редакцию и группу “Освобождение труда”), насчитывал на съезде всего 16 человек, из которых только *одиннадцать* имели решающий голос. Искровцев же по *направлению*, не принадлежавших ни к какому искровскому “кружку”, было на съезде, по моему счету, 27 с 33 *голосами*. Значит, из искровцев *меньше половины* принадлежали в искровским *кружкам*.

неважным фактом было проявление неустойчивости со стороны тов. Мартова и тов. Аксельрода, но не индивидуальным, а *партийным* и *не совсем неважным* фактом было образование весьма и весьма значительного меньшинства из *всех*, наименее устойчивых элементов, *из всех тех*, кто либо вовсе не признавал направления “Искры” и прямо боролся с ним, либо признавал на словах, а на деле сплошь да рядом шел с антиискровцами.

Не смешно ли *объяснять* расхождение господством заскоружлой кружковщины и революционной обывательщины в маленьком кружке старой редакции “Искры”? Нет, это не смешно, потому что на поддержку *этой индивидуальной* кружковщины *встало все то в*

нашей партии, что боролось в течение всего съезда за *всякую кружковщину*, все то, что вообще не могло подняться над революционной обывательщиной, все то, что ссылалось на “исторический” характер обывательского и кружковщинского зла для оправдания и сохранения этого зла. Случайностью можно бы еще, пожалуй, считать то, что узко-кружковые интересы одержали верх над партийностью в одном маленьком кружке редакции “Искры”. Но не случайностью было то, что на поддержку этой кружковщины горой встали гг. Акимовы и Брукэры, которым не менее (если не более) дорога была “историческая преемственность” знаменитого Воронежского комитета и пресловутой петербургской “Рабочей организации”¹⁸, встали гг. Егоровы, которые оплакивали “убийство” “Рабочего Дела” так же горько (если не еще более горько), как и “убийство” старой редакции, встали гг. Маховы и пр. и пр. Скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты такой, — гласит житейская мудрость. Скажи мне, кто твой политический союзник, кто за тебя голосует, — и я тебе скажу, какова твоя *политическая физиономия*.

Мелкая ошибка тов. Мартова и тов. Аксельрода оставалась и могла остаться *мелкой*, покуда она не послужила исходным пунктом для *прочного союза* их со всем оппортунистическим крылом нашей партии, покуда она не повела в силу этого союза к *отрыжке* оппортунизма, к *реванишу* всех тех, с кем боролась “Искра” и кто готов был с величайшей радостью *сорвать теперь сердце* на последовательных сторонниках революционной социал- демократии. Послесъездовские события как раз и привели к тому, что в новой “Искре” мы видим именно отрыжку оппортунизма, реванш Акимовых и Брукэров (см. листок Воронежского комитета^a), восторги Мартыновых, которым наконец-то (наконец-то!) позволили в ненавистной “Искре” лягнуть ненавистного “врага” за все и всяческие прошлые обиды. Это особенно наглядно показывает нам, до какой степени необходимо было “восстановление старой редакции “Искры”” (из ультиматума тов. Старовера от 3 ноября 1903 г.) для охранения искровской “преемственности”...

Сам по себе факт разделения съезда (и партии) на левое и правое, революционное и оппортунистическое крыло не представлял еще из себя не только ничего страшного и ничего критического, но даже и ровно ничего ненормального. Напротив, все последнее десятилетие в истории русской (и не только русской) социал-демократии неизбежно и неминуемо приводило к такому разделению. Что основанием для разделения был ряд весьма *мелких* ошибок правого крыла, весьма неважных (сравнительно) разногласий, — это обстоятельство (которое поверхностному наблюдателю и филистерскому уму кажется шокирующим) означало *большой шаг вперед всей нашей партии в целом*. Раньше мы расходились из-за крупных вопросов, которые могли иногда даже оправдать и раскол, теперь мы сошлись уже на всем крупном и важном, теперь нас разделяют лишь *оттенки*, из-за которых можно *и должно* спорить,) но нелепо и ребячески было бы расходиться (как и сказал уже совершенно справедливо товарищ Плеханов в интересной статье “Чего не делать”, к которой мы еще вернемся). *Теперь*, когда *анархическое поведение* меньшинства *после съезда* почти привело партию к расколу, часто можно встретить мудрецов, которые говорят: да стоило ли вообще бороться на съезде из-за таких мелочей, как инцидент с ОК, распускание группы “Южного рабочего”, или “Рабочего Дела”, § 1, распускание старой редакции и т. п.? Кто рассуждает так^b, тот вносит именно кружковую

---

^a См. настоящий том, стр. 396—398. *Ред.*

^b Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов “центра”. “Какая тяжелая атмосфера парит у нас на съезде!” — жаловался он мне. — “Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..” “Какая прекрасная вещь — наш съезд!” — отвечал я ему. — “Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы

наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...”

Товарищ из “центра” смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на равных языках.

ТОЧКУ ЗРЕНИЯ В ПАРТИЙНЫЕ ДЕЛА: БОРЬБА *ОТТЕНКОВ* В ПАРТИИ *НЕИЗБЕЖНА И НЕОБХОДИМА*, ПОКУДА БОРЬБА НЕ ВЕДЕТ К АНАРХИИ И К РАСКОЛУ, ПОКУДА БОРЬБА ИДЕТ В *РАМКАХ*, ОДОБРЕННЫХ СООБЩА ВСЕМИ ТОВАРИЩАМИ И ЧЛЕНАМИ ПАРТИИ. И *НАША БОРЬБА С ПРАВЫМ КРЫЛОМ ПАРТИИ* НО *СЪЕЗДЕ*, С АКИМОВЫМ И АКСЕЛЬ РОДОМ, С МАРТЫНОВЫМ И МАРТОВЫМ, *ОТНЮДЬ НЕ ВЫХОДИЛА ИЗ ЭТИХ РАМОК*.

Достаточно вспомнить два факта, свидетельствующих об этом самым бесспорным образом: 1) когда тт. Мартынов и Акимов уходили со съезда, мы *все готовы были* всячески отстранить мысль об “оскорблении”, мы *все принимали* (32 голосами) резолюцию тов. Троцкого, приглашающую этих товарищей удовлетвориться разъяснениями и взять назад свое заявление; 2) когда дело дошло до выбора центров, мы давали меньшинству (или оппортунистическому крылу) съезда *меньшинство в обоих центрах*: Мартову в ЦО, Попову в ЦК. Иначе мы *не могли* поступить с партийной точки зрения, раз было решено нами еще до съезда выбирать две тройки. *Если различие оттенков, обнаружившихся на съезде, было невелико, то невелик, ведь, был и практический вывод, сделанный нами из борьбы этих оттенков: этот вывод исключительно сводился к тому, что две трети в обеих тройках следует предоставить большинству* партийного съезда.

Только *несогласие* меньшинства на партийном съезде быть *меньшинством в центрах* привело сначала к “дряблему хныканью” потерпевших поражение интеллигентов, а потом к *анархической фразе* и к анархическим действиям.

В заключение, взглянем еще раз на диаграмму с точки зрения вопроса о составе центров. Совершенно естественно, что, *кроме* вопроса об оттенках, перед делегатами стоял также при выборах вопрос о *при годности*, работоспособности и т. п. того или другого лица. Теперь меньшинство очень охотно прибегает к смешению этих вопросов. А что это вопросы разные, — понятно само собой и видно хотя бы из того простого факта, что выбор *первоначальной* тройки в ЦО был намечен еще *до съезда*, когда союза Мартова и Аксельрода с Мартыновым и Акимовым не мог предвидеть ни единый человек. На разные вопросы и ответ должен быть получаем разными способами: на вопрос об оттенках надо искать ответа в *протоколах съезда*, в *открытом* обсуждении и голосовании всех и всяческих пунктов. Вопрос о пригодности *лиц* решено было всеми на съезде решать *тайными голосованиями*. Почему *весь съезд единогласно* принял такое решение? — это такой азбучный вопрос, на котором странно было бы останавливаться. Но меньшинство стало забывать (после своего поражения на выборах) даже азбуку. Мы слышали потоки горячих, страстных, возбужденных почти до невменяемости речей в защиту старой редакции, но мы не слышали *ровно ничего* о тех оттенках *на съезде*, которые связаны были с борьбой за шестерку и за тройку. Мы слышим изо всех углов толки и рассказы о недееспособности, непригодности, злонамеренности и пр. лиц, выбранных в ЦК, но мы не слышим *ровно ничего* о тех оттенках *на съезде*, которые боролись за преобладание в ЦК. Мне кажется, что *вне съезда* неприличны и недостойны рассказы и толки о качествах и действиях лиц (ибо эти действия составляют, в 99 случаях из 100, организационную тайну, раскрываемую лишь перед высшей инстанцией партии). Вести *вне съезда* борьбу посредством *таких рассказней* значило бы, по моему убеждению, действовать *сплетнически*. И единственный ответ, который я мог бы дать публике по поводу этих толков, состоял бы в указании на съездовскую борьбу: вы говорите, что ЦК выбран небольшим большинством. Это верно. Но это небольшое большинство составилось из всех тех, кто самым последовательным образом, не на словах, а на деле, боролся за проведение искровских планов. *Моральный* авторитет этого большинства должен

быть поэтому еще несравненно выше его *формального* авторитета, — выше для всех, Кто ценит преемственность *направления* “Искры” выше преемственности того или иного *кружка* “Искры”. Кто *компетентнее мог бы судить* о пригодности тех или иных лиц для проведения политики “Искры”? те ли, кто проводил эту политику на съезде, или те, кто в целом ряде случаев боролся с этой политикой и отстаивал всякую отсталость, всякий хлам, всякую кружковщину?

о) ПОСЛЕ СЪЕЗДА. ДВА ПРИЕМА БОРЬБЫ

АНАЛИЗ ПРЕНИЙ И ГОЛОСОВАНИЙ НА СЪЕЗДЕ, С КОТОРЫМ МЫ ПОКОНЧИЛИ, ОБЪЯСНЯЕТ СОБСТВЕННО IN MISE (В ЗАРОДЫШЕ) *ВСЕ, ЧТО БЫЛО ПОСЛЕ СЪЕЗДА*, И МЫ МОЖЕМ БЫТЬ КРАТКИМИ, ОТМЕЧАЯ ДАЛЬНЕЙШИЕ ЭТАПЫ НАШЕГО ПАРТИЙНОГО КРИЗИСА.

Отказ Мартова и Попова от выборов внес сразу атмосферу *дрязги* в партийную борьбу партийных оттенков. Тов. Глебов, считая невероятным, что невыбранные редакторы серьезно решили *повернуть* к Акимову и Мартынову, и объясняя дело прежде всего раздражением, предложил мне и Плеханову на другой же день после съезда покончить миром, “кооптировать” всех четырех под условием обеспечения представительства в Совете от редакции (т. е. чтобы из двух представителей один обязательно принадлежал к *партийному* большинству). Условие это показалось Плеханову и мне рациональным, ибо согласие на него означало *молчаливое признание ошибки на съезде*, желание мира, а не войны, желание быть ближе к нам с Плехановым, чем к Акимову с Мартыновым, к Егорову с Маховым. Уступка по части “кооптации” принимала, таким образом, *личный* характер, а отказываться от личной уступки, которая должна устранить раздражение и восстановить мир, не стоило. Поэтому мы дали с Плехановым свое согласие. Редакционное большинство отвергло условие. *Глебов уехал*. Мы стали выжидать последствий: удержится ли Мартов на лояльной почве, на которую он встал (*против* представителя центра, тов. Попова) на съезде, или неустойчивые и склонные к расколу элементы, за которыми он пошел, возьмут верх. Мы стояли перед дилеммой: пожелает ли тов. Мартов считать свою съездовскую “коалицию” единичным политическим фактом (вроде того, как была единичным случаем коалиция Бебеля с Фольмаром в 1895 г., — *si licet parva componere magnis*^a), или он — пожелает *закрепить* эту коалицию, направит все усилия, чтобы доказать *нашу с Плехановым* ошибку на съезде, станет настоящим вожаком оппортунистического крыла нашей партии. Иными словами эта дилемма формулировалась так: дрязга или политическая партийная борьба? Из нас троих, которые были на другой день после съезда единственными наличными членами центральных учреждений, Глебов наиболее склонялся к первому решению дилеммы и наиболее старался помирить поссорившихся детей. Ко второму решению наиболее склонялся тов. Плеханов, к которому, что называется, приступить не было. Я изображал из себя на этот раз “центр” или “болото” и попробовал обратиться с убеждениями. В настоящее время пытаться восстанавливать словесные убеждения было бы предприятием безнадежно-путаным, и я не последую дурному примеру тов. Мартова и тов. Плеханова. Но некоторые места из одного письменного убеждения, адресованного мною к одному из искряков “меньшинства”, считаю необходимым воспроизвести:

...“Отказ от редакции Мартова, отказ от сотрудничества его и др. литераторов партии, отказ работать на ЦК целого ряда лиц, пропаганда идеи бойкота или пассивного сопротивления, — все это неминуемо приведет, даже против воли Мартова и его друзей, приведет к расколу партии. Если даже Мартов будет удерживаться на лояльной почве (на которую он так решительно встал на съезде), то другие не удержатся, — и указанный мною исход будет неизбежен...”

И вот я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся?.. Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, “бешено”, я охотно готов признать пред кем угодно эту свою вину, если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой,

борьбой etc. Но, смотря без всякого бешенства теперь на достигнутые результаты, на осуществленное посредством бешеной борьбы, я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства.

---

^a если позволительно сравнивать малое с большим. *Ред.*

Конечно, обидным не могло не быть уже то, что пришлось остаться в меньшинстве, но я категорически протестую против мысли о том, чтобы мы “пятнали” кого-либо, чтобы мы *хотели* оскорбить или унижить кого-либо. Ничего подобного. И не след допускать, чтобы политическое расхождение вело к истолкованию событий посредством обвинения другой стороны в недобросовестности, прохвостничестве, интриганстве и прочих милых вещах, о которых все чаще и чаще слышишь в атмосфере надвигающегося раскола. Не след допускать этого, ибо это, по меньшей мере, до пес plus ultra^a неразумно.

Мы политически (и организационно) разошлись с Мартовым, как расходились с ним десятки раз. Будучи побежден на вопросе о § 1 устава, я не мог не стремиться со всей энергией к реваншу на том, что у меня (и у съезда) оставалось. Я не мог не стремиться, с одной стороны, к строго искровскому ЦК, — с другой, к редакционной тройке... Я считаю эту тройку *единственно* способной быть должностным учреждением, а не коллегией, основанной на семейственности и халатности, единственным настоящим центром, в котором каждый и всегда вносил бы и отстаивал свою партийную точку зрения, ни на волос больше и irrespective^b от всего личного, от всяких соображений об обиде, об уходе и пр.

Эта тройка, после событий на съезде, несомненно узаконяла политическую и организационную линию, в одном отношении направленную против Мартова. Несомненно. Из-за этого рвать? Из-за этого ломать партию?? А разве по вопросу о демонстрациях не были Мартов и Плеханов против меня? А разве по вопросу о программе не был я и Мартов против Плеханова? Разве всякая тройка не обращается всегда одной своей стороной против каждого участника? Если большинство искровцев и в организации “Искры”, и на съезде нашло ошибочным вот этот специальный оттенок мартовской линии в организационном и политическом отношении, неужели не безумны, в самом деле, попытки объяснять это каким-то “подстраиваньем”, да “натравливаньем” и т. п.? Неужели не безумно было бы отговариваться от этого факта, *ОБРУГАВШИ* это большинство “шпаной”?

Повторяю: я, как и большинство искровцев съезда, глубоко убежден, что Мартов взял неверную линию и что его надо было поправить. Строить обиду из-за этой поправки, выводить отсюда оскорбление etc. — неразумно. Никого и ни в чем мы не “пятнали”, не “пятнаем” и не устраним *от работы*. А из-за устранения *от центра* поднимать раскол было бы непостижимым для меня безумием”^c.

Эти письменные мои заявления я считал необходимым восстановить теперь, ибо они *точно* показывают стремление большинства *сразу* провести определенную грань между возможными (и неизбежными при горячей борьбе) личными обидами и личным раздражением в силу резкости и “бешенства” нападков и т. п., с одной стороны, — и известной политической ошибкой, политической линией (коалиция с правым крылом), с другой стороны.

Эти заявления доказывают, что *пассивное сопротивление* меньшинства *началось сейчас же после съезда* и сразу вызвало с нашей стороны предостережение, что это есть *шаг к расколу партии*; — что это прямо противоречит *лояльным заявлениям на съезде*; — что это будет расколом исключительно *из-за отстранения от центральных учреждений* (сиречь из-за невыбора), ибо *от работы* никого из членов партии никто никогда не думал

отстранять; — что политическое расхождение между нами (неизбежное, поскольку не выяснен и не решен еще вопрос, Мартов или мы ошиблись в своей линии на съезде) начинает *все более извращаться в дрызгу* с руготней, заподозриваниями и пр. и пр. Предостережения не помогли. Поведение меньшинства показывало, что наименее устойчивые и *наименее ценящие партию* элементы среди него берут верх. Это заставило нас с Плехановым взять назад свое согласие на предложение Глебова: в самом деле, если меньшинство *делами* своими доказывало политическую неустойчивость свою не только в области принципов, но и в области *элементарной партийной лояльности*, то какое значение могли иметь слова _____

a — до последней степени. *Ред.*

b — независимо. *Ред.*

c Это письмо писано еще в *сентябре* (н. ст.). (См. Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 137—139. *Ред.*) Опущено из него то, что мне кажется не относящимся к делу. Если адресат письма считает именно опущенное важным, то ему легко будет пополнить пробел. Кстати. Пользуюсь этим случаем, чтобы раз навсегда предоставить всем моим оппонентам публикацию всех коих частных писем, буде они считают это полезным для дела.

о пресловутой “преемственности”? Никто не осмеивал так остроумно, как Плеханов, всей нелепости требования “кооптировать” в партийную редакцию большинство таких людей, которые прямо заявляют о своих новых и растущих несогласиях! Да где же это видано на свете, чтобы *до выяснения* в печати, перед партией, *новых* разногласий партийное большинство в центральных учреждениях само превращало себя в меньшинство? Пусть сначала изложены будут разногласия, пусть партия обсудит их глубину и значение, пусть партия сама исправит свою ошибку, сделанную ею на втором съезде, если доказана будет та или иная ошибка! Одно уже выставление подобного требования *во имя* неведомых еще разногласий показывало полную неустойчивость требующих, полное подавление политических расхождений дрызгой, полное неуважение и ко всей партии и к своим собственным убеждениям. Не бывало еще на свете и не будет никогда таких *принципиально убежденных* людей, которые бы отказывались *убеждать* раньше, чем они получают (*приватным образом*) большинство в том учреждении, которое они собираются переубедить.

Наконец, 4 октября тов. Плеханов объявляет, что сделает *последнюю* попытку покончить с этой нелепостью. Собирается собрание всех шести членов старой редакции в присутствии нового члена ЦК^a. Битых три часа доказывает т. Плеханов неразумность требования “кооптировать” четырех из “меньшинства” на двух из “большинства”. Он предлагает *кооптировать* двоих, чтобы, с одной стороны, устранить всякие опасения, что мы хотим кого-то “заезжать”, задавить, осадить, казнить и похоронить, а с другой стороны, чтобы охранять права и позицию партийного “большинства”. *Кооптация* *двоих* *тоже отвергается*.

6-го октября мы пишем с Плехановым официальное письмо всем старым редакторам “Искры” и сотруднику, тов. Троцкому, следующего содержания:

“УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ! Редакция ЦО считает долгом официально выразить свое сожаление по поводу Вашего отстранения от участия в “Искре” и “Заре”. Несмотря на многократные приглашения сотрудничать, которые мы делали и тотчас после второго съезда партии и повторяли неоднократно после того, мы не получили от Вас ни одного литературного произведения. Редакция ЦО заявляет, что она считает Ваше отстранение от сотрудничества ничем с ее стороны не вызванным. Какое-либо личное раздражение не должно, конечно, служить препятствием к работе в Центральном Органе партии. Если же Ваше отстранение вызвано тем или иным расхождением во

ВЗГЛЯДАХ МЕЖДУ ВАМИ И НАМИ, ТО МЫ СЧИТАЛИ БЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ПОЛЕЗНЫМ В ИНТЕРЕСАХ ПАРТИИ ОБСТОЯТЕЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ТАКИХ РАЗНОГЛАСИЙ. БОЛЕЕ ТОГО. МЫ СЧИТАЛИ БЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ЖЕЛАТЕЛЬНЫМ, ЧТОБЫ ХАРАКТЕР И ГЛУБИНА ЭТИХ РАЗНОГЛАСИЙ БЫЛИ КАК МОЖНО СКОРЕЕ ВЫЯСНЕНЫ ПЕРЕД ВСЕЙ ПАРТИЕЙ НА СТРАНИЦАХ РЕДАКТИРУЕМЫХ НАМИ ИЗДАНИЙ”^В.

Как видит читатель, нам все еще оставалось совершенно неясным, преобладает ли личное раздражение в действиях “меньшинства” или желание дать органу (и партии) *новый курс*, какой именно, в чем именно. Я думаю, что и сейчас, если посадить 70 толковников за работу выяснения этого вопроса на основании какой угодно литературы и каких угодно свидетельских показаний, то и они никогда бы не разобрались в этой путанице. Дрязгу вряд ли когда можно распутать: ее надо либо разрубить, либо отстраниться от нее^С.

На письмо от 6 октября Аксельрод, Засулич, Старовер, Троцкий и Кольцов ответили нам парой строк о том, что нижеподписавшиеся никакого участия в “Искре” со времени ее перехода в руки новой редакции не принимают. Тов. Мартов был более разговорчив и почтил нас таким ответом:

“В РЕДАКЦИЮ ЦО РСДРП. УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ! В ОТВЕТ НА ВАШЕ ПИСЬМО

---

^А ЭТОТ ЧЛЕН ЦК¹⁹, КРОМЕ ТОГО, СПЕЦИАЛЬНО УСТРАИВАЛ РЯД ЧАСТНЫХ И КОЛЛЕКТИВНЫХ БЕСЕД С МЕНЬШИНСТВОМ, ОПРОВЕРГАЯ НЕЛЕПЫЕ РОССКАЗНИ И ВЗЫВАЯ К ПАРТИЙНОМУ ДОЛГУ.

^В В письме к тов. Мартову было добавлено еще одно место с вопросом об одной брошюре и следующая фраза: “Наконец, в интересах дела мы еще раз ставим Вам на вид, что мы и в настоящее время готовы кооптировать Вас в члены редакции ПО для того, чтобы дать Вам полную возможность официально заявлять и отстаивать все свои взгляды в высшем партийном учреждении”. (См. Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 146. *Ред.*)

^С Тов. Плеханов, вероятно, добавил бы здесь: либо удовлетворить “*се и всякие претензии*” инициаторов дрязги. Мы увидим, почему это было невозможно.

от 6 октября я заявляю следующее: Я считаю все наши объяснения по вопросу о совместной работе в одном органе законченными после совещания, имевшего место в присутствии члена ЦК 4 октября, на котором Вы отказались ответить на вопрос о причинах, побудивших Вас взять назад предложение, сделанное нам о вступлении Аксельрода, Засулич, Старовера и меня в редакцию под условием, что мы дадим обязательство избрать своим “представителем” в Совет тов. Ленина. После того, как на упомянутом совещании Вы неоднократно уклонялись от формулировки Ваших же собственных, при свидетелях сделанных, заявлений, я не считаю нужным в письме к Вам объяснять мотивы моего отказа работать в “Искре” при нынешних обстоятельствах. Если понадобится, я выскажусь об этом подробно перед лицом всей партии, которая уже из протоколов второго съезда узнает, почему я отказался от ныне повторяемого Вами предложения занять место в редакции и в Совете...^а

Л. МАРТОВ”

ЭТО ПИСЬМО, ВМЕСТЕ С ПРЕДЫДУЩИМИ ДОКУМЕНТАМИ, ДАЕТ НЕОПРОВЕРЖИМОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ ПО ТОМУ ВОПРОСУ О БОЙКОТЕ, ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ, АНАРХИИ И ПОДГОТОВЛЕНИИ РАСКОЛА, КОТОРЫЙ ТАК УСЕРДНО ОБХОДИТ (ПОСРЕДСТВОМ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ЗНАКОВ И МНОГОТОЧИЙ) Т. МАРТОВ В СВОЕМ “ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ”, — ВОПРОСУ О ЛОЯЛЬНЫХ И НЕЛОЯЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ БОРЬБЫ.

ТОВ. МАРТОВУ И ДРУГИМ *ПРЕДЛАГАЮТ* ИЗЛОЖИТЬ РАЗНОГЛАСИЯ, *ПРОСЯТ* СКАЗАТЬ ПРЯМО, В ЧЕМ ЖЕ ДЕЛО И КАКОВЫ ИХ НАМЕРЕНИЯ, *УГОВАРИВАЮТ* ПЕРЕСТАТЬ КАПРИЗНИЧАТЬ И РАЗОБРАТЬ

СПОКОЙНО ОШИБКУ ПО § 1 (НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАННУЮ С ОШИБКОЙ В ПОВОРОТЕ ВПРАВО), — А Т. МАРТОВ С К° ОТКАЗЫВАЕТСЯ РАЗГОВАРИВАТЬ И КРИЧИТ: МЕНЯ ОСАЖДАЮТ, МЕНЯ ЗАЕЗЖАЮТ! НАСМЕШКА НАД “СТРАШНЫМ СЛОВОМ” НЕ ОХЛАДИЛА ПЫЛ ЭТИХ КОМИЧНЫХ ВОПЛЕЙ.

Да как же можно *осаждать* того, кто *отказывается совместно работать*? — спрашивали мы т. Мартова. Как можно обидеть, “заезжать” и притеснить меньшинство, когда оно *отказывается быть в меньшинстве*?? Ведь всякое пребывание в меньшинстве означает обязательно и непременно известные невыгоды для того, кто в меньшинстве остался. Невыгоды эти состоят либо в том, что придется войти в коллегию, которая будет майоризировать по известным вопросам, либо придется встать вне коллегии, нападая на нее и подвергаясь, следовательно, огню хорошо укрепленных батарей.

Криками об “осадном положении” тов. Мартов хотел сказать, что с ними, оставшимися в меньшинстве, борются или ими управляют несправедливо и нелояльно? *Только* такой тезис имел бы (в глазах Мартова) хоть тень разумности, ибо, повторяю, известные невыгоды пребывания в меньшинстве влечет за собой обязательно и непременно. Но в том-то и комизм, что с т. Мартовым нельзя было *никак бороться*, пока он отказывался разговаривать! меньшинством нельзя было *никак управлять*, пока оно отказывалось быть в меньшинстве!

Ни единого факта превышения власти или злоупотребления властью не доказал т. Мартов по отношению к редакции ЦО, когда мы с Плехановым были в редакции. *Ни единого факта* не доказали и практики меньшинства со стороны Центрального Комитета. Как ни вертится теперь тов. Мартов в своем “Осадном положении”, — остается совершенно неопровержимым, что *ровно ничего, кроме “дряблого хныканья”*, в воплях об осадном положении не было.

Полнейшее отсутствие *разумных* доводов против редакции, назначенной съездом, у т. Мартова и К° всего лучше иллюстрируется их же словечком: “мы не крепостные!” (“Осадное положение”, стр. 34). Психология буржуазного интеллигента, который причисляет себя к “избранным душам”, стоящим выше массовой организации и массовой дисциплины, выступает здесь замечательно отчетливо. *Объяснить* отказ от работы в партии тем, что “мы не крепостные”, значит с *головой выдать себя*, признать полное отсутствие доводов, полную неспособность мотивировки, полное отсутствие разумных причин недовольства. Мы с Плехановым заявляем, что считаем отказ ничем с нашей стороны не вызванным, просим изложить разногласия, а нам отвечают: “мы не крепостные” (с добавлением: мы еще насчет кооптации не сторговались).

Интеллигентскому индивидуализму, который выказал себя уже в спорах о § 1, обнаружив свою склонность к оппортунистическому рассуждению и к анархической фразе, *всякая* пролетарская организация и дисциплина кажутся *крепостным правом*. Читающая публика скоро узнает, что и новый *партийный съезд* кажется этим “членам партии” и “должностным лицам” партии — крепостным учреждением, страшным и невыносимым для

---

^a Опускаю ответ насчет брошюры Мартова, переиздававшейся в то время.

“избранных душ”... Это “учреждение” и в самом деле страшно для тех, кто охоч попользоваться титулом партийности, но чувствует *несоответствие* этого титула с интересами партии и волей партии.

Резолюции комитетов, перечисленные мной в письме в редакцию новой “Искры” и напечатанные т. Мартовым в “Осадном положении”, доказывают фактически, что поведение меньшинства было сплошным *неподчинением* постановлениям съезда, *дезорганизацией* положительной практической работы. Составившееся из оппортунистов и ненавистников “Искры” меньшинство *рвало партию*, портило, дезорганизовало работу, желая отомстить за поражение на съезде и чувствуя, что *честными и лояльными* средствами (разъяснением дела

в печати или на съезде) оно *никогда* не сумеет опровергнуть выдвинутого против них на втором съезде обвинения в оппортунизме и в интеллигентской неустойчивости. Сознавая свое бессилие *убедить* партию, они воздействовали тем, что *дезорганизовывали* партию и *мешали всякой работе*. Их упрекали в том, что они (напутав на съезде) сделали щель в нашей посудине; они отвечали на упрек тем, что *всеми силами* старались *совершенно разбить* треснувшую посудину.

Понятия запутывались до того, что бойкот и отстранение от работы объявлялись “честным^А средством” борьбы. Тов. Мартов всячески вертится теперь около этого щекотливого пункта. Тов. Мартов так “принципиален”, что защищает бойкот, когда он ведется меньшинством, и осуждает бойкот, когда он грозит самому Мартову, попавшему в большинство!

Я думаю, можно оставить без разбора вопрос о том, дрызга ли это или “принципиальное разногласие” относительно честных средств борьбы в соц.-дем. рабочей партии.

После неудачных попыток (4 и 6 октября) добиться объяснения от начавших историю из-за “кооптации” товарищей, центральным учреждениям оставалось только посмотреть, какова будет на деле обещанная ими на словах лояльность борьбы. 10 октября ЦК обращается с циркуляром к Лиге (см. прот. Лиги, стр. 3—5), заявляя о вырабатываемом им уставе и приглашая членов Лиги к содействию. Съезд Лиги в то время был отклонен администрацией ее (двумя голосами против одного, см. стр. 20 там же). Ответы сторонников меньшинства на этот циркуляр сразу показали, что пресловутая лояльность и признание решений съезда были лишь фразой, что на деле меньшинство решило безусловно не *подчиниться* центральным учреждениям партии, отвечая на их призывы к объединенной работе *отписками*, полными софизмов и *анархических* фраз. На пресловутое открытое письмо члена администрации, Дейча (с. 10), мы ответили вместе с Плехановым и другими сторонниками большинства решительным выражением “протеста против тех грубых нарушений партийной дисциплины, при помощи которых должностное лицо Лиги позволяет себе тормозить организационную деятельность партийного учреждения и призывает к такому же нарушению дисциплины и устава других товарищей. Фразы вроде того, что “а такой работе по приглашению ЦК я считаю себя не вправе принять участие”, или “товарищи! мы ни в коем случае не должны предоставить ему (ЦК) выработку нового устава для Лиги” и т. п., принадлежат к такого сорта агитационным приемам, что могут вызвать только негодование у всякого человека, мало-мальски разбирающегося в том, что значат понятия: партия, организация, партийная дисциплина. Приемы такого сорта тем более возмутительны, что они употребляются по отношению к только что созданному партийному учреждению, являются, таким образом, несомненной попыткой подорвать к нему доверие в среде партийных товарищей и притом пускаются в ход под фирмой члена администрации Лиги и за спиной ЦК” (стр. 17).

Съезд Лиги, при таких условиях, обещал быть только скандалом.

Тов. Мартов с самого начала продолжил свою съездовскую тактику “залезания в душу”, на этот раз тов. Плеханову, посредством извращения частных разговоров. Тов. Плеханов протестует, и т. Мартову приходится брать назад (с. 39 и 134 прот. Лиги) легкомысленные или раздраженные попреки.

Доходит очередь до доклада. Делегатом от Лиги на партийном съезде

---

^А Горнозаводская резолюция (стр. 38 “Осадное положение”).

был я. Простая справка с конспектом моего доклада (с. 43 и след.)^А покажет читателю, что я дал черновой набросок того самого анализа голосований на съезде, который в разработанном виде составляет содержание и настоящей брошюры. Весь центр тяжести доклада лежал именно в доказательстве того, что Мартов и К°, в силу сделанных ими ошибок, оказались в оппортунистическом крыле нашей партии. Несмотря на то, что доклад делался перед большинством самых озлобленных противников, они не могли открыть в нем ровно ничего, отступающего от лояльных приемов партийной борьбы и полемики.

Доклад Мартова, помимо мелких и частных “поправок” к моему изложению (неверность этих поправок мы показали выше), представлял из себя, наоборот,.. некоторый продукт больных нервов.

Неудивительно, что большинство отказалось вести борьбу в такой атмосфере. Тов. Плеханов заявил протест против “сцены” (с. 68) — это была, действительно, настоящая “сцена”! — и удалился со съезда, не желая излагать приготовленных им уже возражений по существу доклада. Ушли со съезда и почти все остальные сторонники большинства, подав письменный протест против “недостойного поведения” т. Мартова (с. 75 прот. Лиги).

Приемы борьбы меньшинства выступили перед всеми с полной наглядностью. Меньшинство мы обвиняли в политической ошибке на съезде, в повороте к оппортунизму, в коалиции с бундовцами, Акимовыми, Брукэрами, Егоровыми и Маховыми. Меньшинство потерпело поражение на съезде и “выработало” теперь два приема борьбы, обнимающие все бесконечное разнообразие отдельных вылазок, атак, нападений и т.д.

Первый прием — дезорганизация всей партийной работы, порча дела, стремление тормозить все и вся “без объяснения причин”.

ВТОРОЙ ПРИЕМ — УСТРОЙСТВО “СЦЕН” и ПР. и ПР.^В

Этот “второй прием борьбы” сказывается и на пресловутых “принципиальных” резолюциях Лиги, в обсуждении которых “большинство”, разумеется, не участвовало. Присмотримся к этим резолюциям, которые тов. Мартов перепечатал теперь в своем “Осадном положении”.

Первая резолюция, подписанная товарищами Троцким, Фоминым, Дейчем и друг., содержит два тезиса, направленных против “большинства” партийного съезда: 1) “Лига выражает свое глубокое сожаление по поводу того, что, благодаря проявившимся на съезде тенденциям, по существу идущим вразрез с прежней политикой “Искры”, при выработке партийного устава не было обращено должного внимания на создание достаточных гарантий для ограждения независимости и авторитета ЦК” (стр. 83 прот. Лиги).

Этот “принципиальный” тезис сводится, как мы уже видели, к *акимовской* фразе, *оппортунистический* характер которой разоблачал на съезде партии *даже* тов. Попов! По существу дела, уверения в том, что “большинство” не думает ограждать независимость и авторитет ЦК, всегда оставались не более как *сплетней*. Достаточно указать, что, когда мы с Плехановым были в редакции, у нас *не было* в Совете перевеса ЦО над ЦК, а когда мартовцы вошли в редакцию, в Совете *получилось* преобладание ЦО над ЦК! Когда мы были в редакции, в Совете *преобладали русские практики* над иностранными литераторами; у мартовцев оказалось обратное. Когда мы были в редакции, Совет *ни разу* не покушался вмешиваться ни в один *практический* вопрос; со времени единогласной кооптации *началось* такое *вмешательство*, как узнает досконально читающая публика в непродолжительном времени.

Следующий тезис разбираемой резолюции: “...съезд при учреждении официальных центров партии игнорировал преемственную связь с фактически сложившимися центрами...”

Этот тезис сводится целиком к вопросу о *личном* составе центров. “Меньшинство”

предпочитало обходить то, что старые центры на съезде

---

^А См. НАСТОЯЩИЙ ТОМ, СТР. 41—52. *Ред.*

^б Я уже указывал, что самые низменные формы проявления этих обычных в эмигрантской и ссыльной атмосфере дрызг неразумно было бы сводить к низменным мотивам. Это — своего рода болезнь, эпидемически распространяющаяся при известных ненормальных условиях жизни, при известной расшатанности нервов и т. д. Мне пришлось здесь восстановить истинный характер этой системы борьбы, ибо тов. Мартов *целиком повторил ее в своем “Особом” положении*”.

доказали свою непригодность и наделали ряд ошибок. Но всего комичнее ссылка на “преемственность” по отношению к Организационному комитету. На съезде, как мы видели, ни один человек не заикнулся об утверждении всего состава ОК. На съезде Мартов кричал даже в исступлении, что его позорит список с тремя членами ОК. На съезде “меньшинство” предлагало свой *последний* список с *одним* членом ОК {Попов, Глебов или Фомин и Троцкий}, а “большинство” провело список с *двумя* членами ОК из трех {Травинский, Васильев и Глебов). Спрашивается, неужели эта ссылка на “преемственность” может быть названа “принципиальным разногласием”?

Перейдем к другой резолюции, подписанной четырьмя членами старой редакции с товарищем Аксельродом во главе. Здесь мы встречаем все главные обвинения против “большинства”, не раз повторенные потом в печати. Рассмотреть их всего удобнее именно в формулировке членов редакторского кружка. Обвинения направлены против “системы самодержавно-бюрократического управления партией”, против “централизма бюрократического”, который, в отличие от “централизма истинно социал-демократического”, определяется следующим образом: он “ставит на первый план не внутреннее объединение, а внешнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто механическими средствами, путем систематического подавления индивидуальной инициативы и общественной самодеятельности”; он, поэтому, “по самой своей сущности неспособен органически объединить составные элементы общества”.

О КАКОМ ЭТО “ОБЩЕСТВЕ” ГОВОРИТ ЗДЕСЬ Т. АКСЕЛЬРОД С К^о, ОДИН АЛЛАХ ВЕДАЕТ. ТОВ. АКСЕЛЬРОД, ВИДИМО, И САМ ХОРОШЕНЬКО НЕ ЗНАЛ, ПИШЕТ ЛИ ОН ЗЕМСКИЙ АДРЕС О ЖЕЛАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМАХ В УПРАВЛЕНИИ, ИЛИ ИЗЛИВАЕТ ЖАЛОБЫ “МЕНЬШИНСТВА”. ЧТО *МОЖЕТ ОЗНАЧАТЬ* “САМОДЕРЖАВИЕ” В ПАРТИИ, О КОТОРОМ КРИЧАТ НЕДОВОЛЬНЫЕ “РЕДАКТОРЫ”? САМОДЕРЖАВИЕ ЕСТЬ ВЕРХОВНАЯ, БЕСКОНТРОЛЬНАЯ, БЕЗОТВЕТСТВЕННАЯ, НЕВЫБОРНАЯ ВЛАСТЬ ОДНОГО ЛИЦА. ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ “МЕНЬШИНСТВА” ОЧЕНЬ ХОРОШО ИЗВЕСТНО, ЧТО ТАКОВЫМ САМОДЕРЖЦЕМ СЧИТАЮТ *МЕНЯ*, А НИКОГО ДРУГОГО. КОГДА ПИСАЛАСЬ И ПРИНИМАЛАСЬ РАЗБИРАЕМАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ, Я БЫЛ В ЦО ВМЕСТЕ С ПЛЕХАНОВЫМ. СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ТОВ. АКСЕЛЬРОД С К^о ВЫРАЖАЕТ СВОЕ УБЕЖДЕНИЕ В ТОМ, ЧТО И ПЛЕХАНОВ И ВСЕ ЧЛЕНЫ ЦК “УПРАВЛЯЛИ ПАРТИЕЙ” НЕ СОГЛАСНО ИХ ВЗГЛЯДАМ НА ПОЛЬЗУ ДЕЛА, А СОГЛАСНО *ВОЛЕ* САМОДЕРЖЦА ЛЕНИНА. ОБВИНЕНИЕ В САМОДЕРЖАВНОМ УПРАВЛЕНИИ НЕОБХОДИМО И НЕИЗБЕЖНО ВЕДЕТ К ПРИЗНАНИЮ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УПРАВЛЕНИЯ, КРОМЕ САМОДЕРЖЦА, ПРОСТЫМИ ОРУДИЯМИ В ЧУЖИХ РУКАХ, ПЕШКАМИ, ИСПОЛНИТЕЛЯМИ ЧУЖОЙ ВОЛИ. И МЫ СПРАШИВАЕМ ЕЩЕ И ЕЩЕ РАЗ: НЕУЖЕЛИ ЭТО В САМОМ ДЕЛЕ “ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ РАЗНОГЛАСИЕ” ПОЧТЕННЕЙШЕГО ТОВ. АКСЕЛЬРОДА?

Далее. О каком внешнем, формальном единстве говорят здесь наши “члены партии”, только что вернувшиеся с партийного съезда, решения которого они торжественно признали законными? Уж не знают ли они другого способа достигать единства в партии, организованной на сколько-нибудь прочных началах, кроме партийного съезда? Если да, то почему же они не имеют мужества прямо сказать, что второй съезд они уже не признают законным съездом? Почему они не попробуют изложить нам их новые мысли и новые

способы достижения единства в якобы организованной якобы партии?

Далее. О каком “подавлении индивидуальной инициативы” говорят наши интеллигенты-индивидуалисты, которых ЦО партии только что перед этим *упрашивал* изложить свои разногласия и которые *вместо этого* торговались о “кооптации”? Как могли, вообще, мы с Плехановым или ЦК подавить инициативу и самостоятельность людей, которые отказывались от *всякой* “деятельности” вместе с нами! Как можно “подавить” кого-либо в таком учреждении или в такой коллегии, где подавляемый *отказался участвовать*? Как могут невыбранные редакторы жаловаться на “систему управления”, когда они отказались “*быть управляемыми?*”? Мы *не могли* совершить *никаких* ошибок при руководстве нашими товарищами по той простой причине, что эти товарищи *вовсе и не работали* под нашим руководством.

Кажется, ясно, что крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров, есть фиговый листок, скрашивающий нарушение слова, торжественно данного на съезде. Ты бюрократ, потому что ты назначен съездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты формалист, потому что ты опираешься на формальные решения съезда, а не на мое согласие; ты действуешь грубо-механически, ибо ссылаешься на “механическое” большинство партийного съезда и не считаешься с моим желанием быть кооптированным; ты — самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой, теплой компании, которая тем энергичнее отстаивает свою кружковщинскую “преемственность”, чем неприятнее ей прямое неодобрение съездом этой кружковщины.

НИКАКОГО *РЕАЛЬНОГО* СОДЕРЖАНИЯ, КРОМЕ УКАЗАННОГО, НЕ БЫЛО И НЕТ В ЭТИХ КРИКАХ О БЮРОКРАТИЗМЕ^А. И ИМЕННО ТАКОЙ СПОСОБ БОРЬБЫ ДОКАЗЫВАЕТ ТОЛЬКО ЛИШНИЙ РАЗ ИНТЕЛЛИГЕНТСКУЮ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ МЕНЬШИНСТВА. Оно хотело убедить партию в неудачном выборе центров. Убедить чем? Критикой той “Искры”, которую вели мы с Плехановым? Нет, этого они не в силах были дать. Они хотели убедить посредством отказа части партии работать под руководством ненавистных центров. Но ни одно центральное учреждение ни одной партии в мире не в состоянии будет доказать свою способность руководить теми, кто не хочет подчиняться руководству. Отказ от подчинения руководству центров равняется отказу быть в партии, равняется разрушению партии, это не мера убеждения, а мера *СОКРУШЕНИЯ*. И ИМЕННО ЭТА ЗАМЕНА УБЕЖДЕНИЯ СОКРУШЕНИЕМ ПОКАЗЫВАЕТ ОТСУТСТВИЕ ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ ВЫДЕРЖАННОСТИ, ОТСУТСТВИЕ ВЕРЫ В СВОИ ИДЕИ.

Толкуют о бюрократизме. Бюрократизм можно перевести на русский язык словом: местничество. Бюрократизм означает подчинение интересов *дела* интересам *карьер*, обращение сугубого внимания на *местечки* и игнорирование работы, свалку за *кооптацию* вместо борьбы за *идеи*. Такой бюрократизм, действительно, безусловно нежелателен и вреден для партии, и я спокойно предоставлю читателю судить, которая из двух борющихся теперь в нашей партии сторон повинна в таком бюрократизме... Говорят о грубо-механических приемах объединения. Разумеется, грубо-механические приемы вредны, но я опять-таки предоставлю судить читателю, можно ли представить себе более грубый и более механический способ борьбы нового направления со старым, как введение лиц в партийные учреждения, раньше чем партию убедили в правильности новых воззрений, раньше чем партии изложили эти воззрения?

Но, может быть, излюбленные меньшинством словечки имеют и некоторое принципиальное значение, выражают некоторый особый круг идей, независимо от того мелкого и частного повода, который послужил, несомненно, исходным пунктом “поворота” в данном случае? Может быть, если отвлечься от свалки из-за “кооптации”, эти словечки окажутся все же отражением иной системы воззрений?

Рассмотрим вопрос с этой стороны. Нам придется при этом прежде всего отметить, что

первый сделал приступ к такому рассмотрению тов. Плеханов в Лиге, указавший на поворот меньшинства к *анархизму* и *оппортунизму*, и что именно тов. Мартов (очень обижающийся ныне, что не все хотят признать его позицию принципиальной^b позицией) предпочел *совершенно обойти* этот инцидент в своем “Осадном положении”.

На съезде Лиги был поднят общий вопрос о том, действителен ли устав, вырабатываемый для себя Лигой или комитетом, без утверждения этого устава ЦК? вопреки утверждению ЦК? Казалось бы, вопрос яснее ясного: устав есть формальное выражение организованности, а право организовать комитеты категорически предоставлено § шестым нашего устава партии именно ЦК; устав определяет границы автономии комитета, а решающий голос в определении этих границ имеет центральное, а не местное учреждение партии. *Это — азбука*, и чистым ребячеством было глубокомысленное рассуждение, что “организовать” не всегда предполагает “утвердить устав” (как будто бы сама Лига не выразила самостоятельно

---

^a Достаточно указать, что тов. Плеханов перестал, в глазах меньшинства, быть сторонником “бюрократического централизма” после того, как он произвел благотворительную кооптацию.

^b Нет ничего комичнее, как эта *обида* новой “Искры” по поводу того, что Ленин-де не хочет видеть принципиальных разногласий или отрицает их. Чем принципиальнее относились бы вы к делу, тем скорее рассмотрели бы вы мои повторные указания на поворот к оппортунизму Чем принципиальнее была бы ваша позиция, тем менее могли бы вы принижать идейную борьбу до местнических счетов Пеняйте на себя, если вы сами сделали все, чтобы помешать рассматривать вас как принципиальных людей. Вот, напр., тов. Мартов, говоря в “Осадном положении” о съезде Лиги, замалчивает спор с Плехановым об анархизме, но зато рассказывает о том, что Ленин — это сверхцентр, что Ленину достаточно мигнуть, чтобы центр распорядился, что ЦК въехал в Лигу на белом коне и т. п. Я далек от сомнения в том, что именно этим выбором темы тов. Мартов доказал свою глубокую идейность и принципиальность.

своего желания быть организованной именно на основании формального устава). Но тов. Мартов позабыл даже (па время, надо надеяться) азбуку социал-демократии. По его мнению, требование утверждения устава выражает лишь то, что “прежний революционный искровский централизм замещается бюрократическим” (стр. 95 прот. Лиги), причем т. Мартов в той же речи заявляет, что именно здесь он видит “принципиальную сторону” дела (стр. 96), каковую принципиальную сторону он предпочел обойти в своем “Осадном положении”!

Тов. Плеханов отвечает Мартову тотчас же, прося воздерживаться от таких, “нарушающих достоинство съезда”, выражений, как бюрократизм, помпадурство и пр. (стр. 96). Происходит обмен замечаний с тов. Мартовым, усматривающим в этих выражениях “принципиальную характеристику известного направления”. Тов. Плеханов, как и все сторонники большинства, рассматривал *тогда* эти выражения в их конкретном значении, ясно понимая их не принципиальный, а исключительно “кооптационный”, если можно так выразиться, смысл. Он делает, однако, уступку настояниям Мартовых и Дейчей (стр. 96—97) и переходит к *принципиальному* рассмотрению якобы принципиальных взглядов. “Если бы это было так, — говорит он (т. е., если бы комитеты были автономны в создании своей организации, в выработке своего устава), то они были бы автономны по отношению к целому, к партии. Это уже не бундистская точка зрения, а прямо анархическая. В самом деле, анархисты рассуждают так: права индивидуумов не ограничены; они могут прийти в столкновение; каждый индивидуум сам определяет пределы своих прав. Пределы автономии должны быть определены не самой группой, а тем целым, частью которого она является.

Наглядным примером нарушения этого принципа может служить Бунд. Значит, пределы автономии определяет или съезд, или та высшая инстанция, которую создал съезд. Власть центрального учреждения должна основываться на нравственном и умственном авторитете. С этим я, конечно, согласен. Всякий представитель организации должен позаботиться, чтобы учреждение имело нравственный авторитет. Но из этого не следует, что если нужен авторитет, то не нужно власти... Противопоставлять авторитету идей авторитет власти, это — анархическая фраза, которой не должно быть здесь места” (98). Эти положения донельзя элементарны, это поистине аксиомы, которые странно даже было ставить на голосование (стр. 102) и которые подвергались сомнению только потому, что “в настоящее время понятия спутались” (там же). Но интеллигентский индивидуализм неизбежно довел меньшинство до желания сорвать съезд, не подчиниться большинству; оправдать же это желание нельзя было иначе как *анархической фразой*. Прекурьезно, что Плеханову меньшинство ничего не могло выразить кроме *жалобы* на употребление чрезмерно сильных выражений вроде оппортунизма, анархизма и проч. Плеханов справедливо высмеял эти жалобы, спросивши, почему это “жоресизм и анархизм употреблять неудобно, а *lese-majeste* (оскорбление величества) и помпадурство — удобно”? Ответа на эти вопросы дано не было. Это оригинальное *qui pro quo*^А постоянно случается с гг. Мартовым, Аксельродом и К^о: их новые словечки носят на себе явный отпечаток “сердца”; указание на это их обижает — мы-де принципиальные люди; но если вы *по принципу* отвергаете подчинение части целому, то вы — анархисты, говорят им. Новая обида за сильное выражение! Другими словами: они хотят сражаться с Плехановым, но под тем условием, чтобы он не нападал на них всерьез!

Сколько раз тов. Мартов и всякие другие “меньшевики” занимались не менее детским изобличением меня в следующем “противоречии”. Берется цитата из “Что делать?” или из “Письма к товарищу”, где говорится об идейном воздействии, о борьбе за влияние и т. п., и противопоставляется “бюрократическое” воздействие посредством устава, “самодержавное” стремление опереться на власть и проч. Наивные люди! Они уже забыли что *прежде* наша партия не была организованным формально целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. *Теперь* мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших. Право, даже как-то неловко разжевывать старым своим товарищам такую азбуку, особенно когда чувствуешь, что

А — НЕДОРАЗУМЕНИЕ. Ред.

дело сводится просто к нежеланию меньшинства подчиниться большинству насчет выборов! Но *принципиально* все эти бесконечные изобличения меня в противоречии сводятся *целиком* к анархической фразе. Новая “Искра” не прочь пользоваться титулом и правом партийного учреждения, но подчиниться большинству партии ей не хочется.

Если есть принцип в фразах о бюрократизме, если это не анархическое отрицание обязанности со стороны части подчиняться целому, то перед нами — *принцип оппортунизма*, стремящегося ослабить ответственность отдельных интеллигентов перед партией пролетариата, ослабить влияние центральных учреждений, усилить автономию наименее выдержанных партийных элементов, свести организационные отношения к чисто платоническому признанию их на словах. Мы видели это на съезде партии, где Акимовы и Либеры говорили точь-в-точь такие же речи о “чудовищном” централизме, какие полились на съезде Лиги из уст Мартова и К^о. Что оппортунизм не случайно, а по самой своей природе, и не в России только, а во всем свете, приводит к мартовским и аксельродовским организационным “взглядам”, это мы увидим ниже, при разборе статьи тов. Аксельрода в новой “Искре”.

п) МАЛЕНЬКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ НЕ ДОЛЖНЫ

МЕШАТЬ БОЛЬШОМУ УДОВОЛЬСТВИЮ

Отклонение Лигой резолюции о необходимости утверждения ее устава со стороны ЦК (стр. 105 протоколов Лиги) было, как все большинство партийного съезда тотчас и отметило, “*вопиющим нарушением устава партии*”. Такое нарушение, если его рассматривать как акт людей принципиальных, было чистейшим анархизмом, в обстановке же послесъездовской борьбы оно неминуемо производило впечатление “сведения счетов” партийного меньшинства с партийным большинством (стр. 112 прот. Лиги), оно означало нежелание подчиняться партии и быть в партии. Отказ Лиги принять резолюцию по заявлению ЦК о необходимости изменить устав (стр. 124—125) неизбежно повел за собой признание *незаконным* собрание, которое желало *числиться* собранием партийной организации и в то же время не подчиняться центральному учреждению партии. Сторонники партийного большинства и покинули немедленно это quasi-партийное собрание, чтобы не участвовать в недостойной комедии.

Интеллигентский индивидуализм, с его платоническим признанием организационных отношений, который обнаружился в шатании мысли по вопросу о § 1 устава, дошел, таким образом, на практике до своего логического, еще в сентябре, т. е. за 1S месяца, предсказанного мною конца — до *разрушения* партийной организации. И в этот момент, вечером того же дня, когда кончился съезд Лиги, тов. Плеханов заявил своим коллегам из обоих центральных учреждений партии, что он не в силах “стрелять по своим”, что “лучше пулю в лоб, чем раскол”, что надо во избежание большего зла сделать максимальные личные уступки, из-за которых, в сущности (несравненно больше, чем из-за принципов, проглянувших в неверной позиции по § 1), ведется эта сокрушительная борьба. Чтобы точнее охарактеризовать этот поворот тов. Плеханова, получивший известное общепартийное значение, я считаю более целесообразным опереться не на частные разговоры и не на частные письма (это прибежище на случай крайности), а на собственное изложение дела самим Плехановым перед всей партией, на его статью “Чего не делать” в № 52 “Искры”, писанную как раз после съезда Лиги, после моего выхода из редакции ЦО (1 ноября 1903 г.) и до кооптации мартовцев (26 ноября 1903 г.).

Основная мысль статьи “Чего не делать” состоит в том, что не следует быть в политике прямолинейным, неуместно резким и неуместно неуступчивым, что иногда необходимо, во избежание раскола, уступить и ревизионистам (из сближающихся с нами или из непоследовательных) и анархическим индивидуалистам. Совершенно естественно, что эти абстрактные общие положения вызвали всеобщее недоумение читателей “Искры”. Нельзя без смеха читать великолепные и гордые заявления тов. Плеханова (в последующих статьях), что его не поняли вследствие новизны его мыслей, вследствие незнакомства с диалектикой. На самом деле, статью “Чего не делать”, когда она была писана, могли понять только какие-нибудь десять человек в двух женевских предместьях, названия которых начинаются с двух одинаковых первых букв⁰. Беда тов. Плеханова состояла в том, что он пустил в обращение перед десятком тысяч читателей сумму намеков, попреков, алгебраических знаков и загадок, которые были адресованы только к этому десятку лиц, участвовавших во всех перипетиях послесъездовской борьбы с меньшинством. Тов. Плеханов впал в эту беду, потому что нарушил основное положение столь неудачно помянутой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Именно поэтому и неуместно было облекать в отвлеченную форму весьма конкретную мысль об уступке мартовцам после съезда Лиги.

Уступчивость, выдвинутая как новое боевое словечко тов. Плехановым, законна и необходима в двух случаях: либо тогда, когда уступающий убедился в правоте тех, кто добивается уступки (честные политические деятели в этом случае прямо и открыто признают свою ошибку), либо тогда, когда уступка неразумному и вредному для дела требованию

делается для избежания большего зла. Из разбираемой статьи совершенно ясно, что автор имеет в виду второй случай: он прямо говорит об уступке ревизионистам и анархическим индивидуалистам (т. е. мартовцам, как знают теперь все члены партии из протоколов Лиги), уступке, обязательной во избежание раскола. Как видите, якобы новая мысль тов. Плеханова (водится целиком к не очень новой житейской мудрости: маленькие неприятности не должны мешать большому удовольствию, маленькая оппортунистическая глупость и небольшая анархическая фраза лучше, чем большой партийный раскол. Тов. Плеханов ясно видел, когда писал эту статью, что меньшинство представляет из себя оппортунистическое крыло нашей партии и что борется оно средствами анархическими. Тов. Плеханов выступил с проектом — бороться с этим меньшинством путем личных уступок, вроде того (опять-таки *si licet parva comperere magnis*), как немецкая социал-демократия боролась с Бернштейном. Бебель публично на конгрессах своей партии заявлял, что не знает человека, более поддающегося влиянию среды, чем товарищ Бернштейн (не господин Бернштейн, как любил выражаться раньше товарищ Плеханов, а товарищ Бернштейн): мы возьмем его в свою среду, мы возьмем его в делегаты рейхстага, мы будем бороться против ревизионизма, не воюя с неуместной резкостью (à la Собакевич-Parvus) против ревизиониста, мы этого ревизиониста “убьем посредством мягкости” (kill with kindness), как охарактеризовал это, помнится, тов. М. Бер (M. Beer) на одном английском социал-демократическом собрании, защищая немецкую уступчивость, миролюбие, мягкость, гибкость и осмотрительность против нападок английского Собакевича-Гайндмана. Вот точно так же и тов. Плеханов пожелал “посредством мягкости убить” маленький анархизм и маленький оппортунизм тт. Аксельрода и Мартова. Правда, наряду с совершенно ясными намеками на “анархических индивидуалистов” тов. Плеханов умышленно неявно выразился насчет ревизионистов, выразился так, как будто он имел в виду рабочедельцев, поворачивающих от оппортунизма к ортодоксии, а не Аксельрода с Мартовым, начавших поворачивать *от ортодоксии к ревизионизму*, но это была невинная военная хитрость^а, это было плохенькое фортификационное сооружение, неспособное устоять пред артиллерийским огнем партийной гласности.

И вот, кто ознакомится с конкретной конъюнктурой описываемого политического момента, кто вникнет в психологию тов. Плеханова, тот поймет, что я не мог тогда поступить иначе, чем я поступил. Говорю это по адресу тех сторонников большинства, которые упрекали меня за отдачу

---

^а Об уступках по отношению к тт. Мартынову, Акимову и Брунэру не было и речи после съезда партии. Я не слыхал, чтобы они тоже требовали “кооптации”. Я сомневаюсь даже, советовался ли тов. Старовер или тов. Мартов с тов. Брукэром, когда они писали нам свои бумаги и “ноты” от имени “половины партии”... На съезде Лиги тов. Мартов с глубоким возмущением непреклонного политического борца отвергал самую мысль о “соединении с Рязановым или Мартыновым”, о возможности “сделки” с ними или хотя бы даже совместной (в качестве редактора) “службы партии” (стр. 53 прот. Лиги). “Мартыновские тенденции” тов. Мартов сурово осуждал на съезде Лиги (стр. 88), а когда тов. Ортодокс тонко намекнул на то, что, пожалуй, Аксельрод с Мартовым “признают право и за тт. Акимовым, Мартыновым в других собраться, выработать для себя устав и действовать по нему, как им нравится” (стр. 99), то мартовцы стали отрекаться, как Петр от Христа (стр. 100: “опасения тов. Ортодокса” “относительно Акимовых, Мартыновых и т. д.” “не имеют основания”).

редакции. Когда тов. Плеханов повернул после съезда Лиги и из сторонника большинства сделался сторонником примирения во что бы то ни стало, то я обязан был истолковать этот поворот в самом лучшем смысле. Может быть, тов. Плеханов хотел дать в своей статье программу доброго и честного мира? Всякая такая программа сводится к

искреннему признанию ошибок обеими сторонами. Какую ошибку указывал тов. Плеханов у большинства? — Неуместную, достойную Собакевича, резкость к ревизионистам. Неизвестно, что имел при этом в виду тов. Плеханов: свою ли остроту насчет ослов или крайне неосторожное, при Аксельроде, упоминание об анархизме и оппортунизме; тов. Плеханов предпочел выразиться “отвлеченно” и притом с киванием на Петра. Это дело вкуса, конечно. Но ведь я признавался в своей личной резкости открыто и в письме к искряку, и на съезде Лиги; как же мог я не признать такой “ошибки” у большинства? Что же касается до меньшинства, то тов. Плеханов ясно указывал их ошибку: ревизионизм (ср. его замечания об оппортунизме на съезде партии и о жоресизме на съезде Лиги) и анархизм, доведший до раскола. Мог ли я препятствовать попытке путем личных уступок и всяческой вообще “kindness” (любезности, мягкости и т. д.) добиться признания этих ошибок и парализования вреда от них? Мог ли я препятствовать такой попытке, когда тов. Плеханов прямо убеждал в статье “Чего не делать” *щадить противников*” из числа ревизионистов, являющихся ревизионистами “только вследствие некоторой непоследовательности”? И если я не верил в эту попытку, то мог ли я поступить иначе, как сделать личную уступку насчет ЦО и перебраться, для защиты позиции большинства, в ЦК?^a Отрицать абсолютно возможность таких попыток и брать на одного себя ответственность за грозящий раскол я не мог уже потому, что сам склонен был, в письме от 6 октября, объяснять свалку “личным раздражением”. А защищать позицию большинства я считал и считаю своим политическим долгом. Положиться в этом отношении на тов. Плеханова было трудно и рискованно, ибо по всему видно было, что свою фразу: “руководитель пролетариата не вправе поддаваться своим воинственным наклонностям, когда они противоречат политическому расчету” тов. Плеханов готов был диалектически толковать в том смысле, что если уже надо стрелять, то расчетливее (по состоянию Женевской погоды в ноябре) стрелять в большинство... Защищать позицию большинства было необходимо, потому что тов. Плеханов, — в насмешку над диалектикой, которая требует конкретного и всестороннего рассмотрения, — касаясь вопроса о доброй (?) воле революционера, скромно обошел вопрос о *доверии к революционеру*, о вере в такого “руководителя пролетариата”, который руководил определенным крылом партии. Говоря об анархическом индивидуализме и советуя “временами” закрывать глаза на нарушение дисциплины, “иногда” уступать интеллигентской распущенности, которая “коренится в чувстве, не имеющем ничего общего с преданностью революционной идее”, тов. Плеханов, видимо, забывал, что надо считаться также и с доброй волей большинства партии, что надо предоставить определение *меры* уступок анархическим индивидуалистам *именно практикам*. Насколько легка литературная борьба с детским анархическим вздором, настолько же трудна практическая работа с анархическим индивидуалистом в одной и той же организации. Литератор, который взял бы на себя определение меры возможных анархизму уступок на практике, обнаружил бы этим только свое непомерное, поистине доктринерское, литераторское

---

^a Тов. Мартов очень метко выразился на этот счет, сказавши, что я перебрался *avec armes et bagages* (с оружием и багажом. *Ред.*). Тов. Мартов охотно употребляет военные сравнения поход на Лигу, сражение, неизлечимые раны и пр. и пр. Признаться, я тоже питаю большую слабость к военным сравнениям, особенно в настоящее время, когда с таким захватывающим интересом следишь за вестями с Тихого океана. Но, ведь, если говорить по-военному, тов. Мартов, то дело вот как было. Мы завоевали два форта на съезде партии. Вы атаковали их на съезде Лиги. После первой же легкой перестрелки мой коллега, комендант одной крепости, открывает ворота неприятелю. Я, разумеется, собираю свою маленькую артиллерию и ухожу в другой, почти неукрепленный форт — “отсиживаться” от подавляющего своей численностью неприятеля. Я даже предлагаю мир: где же воевать с двумя державами? Но новые союзники, в ответ на предложение мира, бомбардируют мой “остатний” форт. Я отстреливаюсь. Тогда мой бывший коллега — комендант — с

великолепным негодованием восклицает: смотрите-ка, добрые люди, какой у этого Чемберлена недостаток миролюбия!

самомнение. Тов. Плеханов величественно замечал (для ради важности, как выражался Базаров²¹), что в случае нового раскола рабочие перестанут понимать нас, и в то же время сам полагал начало бесконечному ряду таких статей в новой “Искре”, которые в своем настоящем, конкретном значении оставались неизбежно непонятными не только для рабочих, но и вообще для всего света. Неудивительно, что член ЦК²², читавший статью “Чего не делать” в корректуре, предупреждал тов. Плеханова, что его план некоторого сокращения некоторой публикации (протоколов съезда партии и съезда Лиги) разрушается именно этой статьей, которая разжигает любопытство, выносит что-то пикантное и в то же время совершенно неясное на суд улицы^а, вызывает неизбежно недоумевающие вопросы: “что случилось?”. Неудивительно, что именно эта статья тов. Плеханова, вследствие абстрактности его рассуждений и неясности его намеков, вызвала ликование в рядах врагов социал-демократии: и канкан на страницах “Революционной России” и восторженные похвалы последовательных ревизионистов “Освобождения”. Источник всех этих забавных и грустных недоразумений, из которых так забавно и так грустно выпутывался потом тов. Плеханов²³, лежал именно в нарушении основного положения диалектики: разбирать конкретные вопросы надо во всей их конкретности. В частности, восторги г. Струве были совершенно естественны: ему не было дела до тех “хороших” целей (kill with kindness), которые преследовал (но мог и не достигнуть) тов. Плеханов; г. Струве приветствовал и не мог не приветствовать тот *поворот в сторону оппортунистического крыла нашей, партии*, который начался в новой “Искре”, как видят теперь все и каждый. Не одни только русские буржуазные демократы приветствуют каждый, хотя бы самый мелкий и временный, поворот к оппортунизму во всех социал-демократических партиях. В оценке умного врага реже всего бывает сплошное недоразумение: скажи мне, кто тебя хвалит, и я тебе скажу, в чем ты ошибся. И напрасно рассчитывает тов. Плеханов на невнимательного читателя, думая представить дело так, что большинство безусловно восставало против личной уступки насчет кооптации, а не против перехода с левого крыла партии на правое. Вовсе не в том суть, что тов. Плеханов, во избежание раскола, сделал личную уступку (это весьма похвально), а в том, что, вполне признавши необходимость *спорить* с непоследовательными ревизионистами и анархическими индивидуалистами, он предпочел спорить с большинством, с которым он разошелся *из-за меры* возможных практических уступок анархизму. Вовсе не в том суть, что тов. Плеханов изменил личный состав редакции, а в том, что он изменил своей позиции спора с ревизионизмом и анархизмом, перестал отстаивать эту позицию в ЦО партии.

Что касается до ЦК, который *тогда* выступал в качестве единственного организованного представителя большинства, то с ним (ЦК) тов. Плеханов разошелся *тогда исключительно из-за меры возможных практических уступок анархизму*. Прошел почти месяц с 1 ноября, когда я своим уходом развязал руки политике kill with kindness. Тов. Плеханов имел полнейшую возможность путем всяческих сношений проверить пригодность этой политики. Товарищ Плеханов выпустил в это время в свет статью “Чего не делать”, которая была — *и остается* — единственным, так сказать, входным билетом мартовцев в редакцию. Лозунги: ревизионизм (с которым следует спорить, щадя противника) и анархический индивидуализм (который надо обхаживать, убивая посредством мягкости) напечатаны на этом билете внушительным курсивом. Пожалуйте, господа, милости просим, я вас убью посредством мягкости, — вот что говорит тов. Плеханов этим пригласительным билетом своим новым коллегам по редакции. Естественно, что ЦК оставалось только сказать свое последнее слово (ультиматум, это

^а Мы спорили горячо и страстно в некотором закрытом помещении. Вдруг один из нас вскакивает, распахивает окно на улицу и начинает кричать против Собакевичей, анархических индивидуалистов, ревизионистов и пр. Естественно, что на улице собралась толпа любопытных зевак и что враги наши принялись злорадствовать. Другие участники спора тоже подходят к окну, выражая желание рассказать дело толково с самого начала и без намеков на то, чего не ведает никто. Тогда окно захлопывается: не стоит-де говорить о *дрязгах* (“Искра” № 53, стр. 8, столб. 2, строка 24 снизу). Не стоило начинать в “Искре” разговора о “дрязгах”, тов. Плеханов,²⁴ — вот это будет правда!

и значит: последнее слово о возможном мире) о мере допустимых, с его точки зрения, практических уступок анархическому индивидуализму. Либо вы хотите мира, — и тогда вот вам такое-то количество местечек, доказывающих нашу мягкость, миролюбие, уступчивость etc. (больше не можем дать, гарантируя мир в партии, мир не в смысле отсутствия споров, а в смысле неразрушения партии анархическим индивидуализмом), берите эти местечки и поворачивайте помаленьку опять от Акимова к Плеханову. Либо вы хотите отстоять и развить свою точку зрения, повернуть окончательно (хотя бы в области организационных только вопросов) к Акимова, убедить партию в правоте вашей против Плеханова,— тогда берите себе литературную группу, получайте представительство на съезде и начинайте честной борьбой, открытой полемикой завоевывать себе большинство. Эта альтернатива, совершенно ясно поставленная перед мартовцами в ультиматуме Центрального Комитета от 25 ноября 1903 г.

(см. “Осадное положение” и “Комментарий к протоколам Лиги”^А), находится в полнейшем соответствии с моим и Плеханова письмом от 6 октября 1903 г. к бывшим редакторам: ЛИБО ЛИЧНОЕ РАЗДРАЖЕНИЕ (И ТОГДА МОЖНО, *НА ХУДОЙ КОНЕЦ*, И “КООПТИРОВАТЬ”), ЛИБО ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ РАСХОЖДЕНИЕ (И ТОГДА НАДО *СНАЧАЛА* УБЕДИТЬ ПАРТИЮ, А ПОТОМ УЖЕ ЗАГОВАРИВАТЬ О ПЕРЕДЕЛКЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА ЦЕНТРОВ). ПРЕДОСТАВИТЬ РЕШЕНИЕ ЭТОЙ ДЕЛИКАТНОЙ ДИЛЕММЫ САМИМ МАРТОВЦАМ ЦК МОГ ТЕМ БОЛЕЕ, ЧТО *ИМЕННО В ТО ВРЕМЯ* тов. МАРТОВ ПИСАЛ В СВОЕМ PROFESSION DE FOI^В (“ЕЩЕ РАЗ В МЕНЬШИНСТВЕ”) СЛЕДУЮЩИЕ СТРОКИ:

“Меньшинство претендует на одну честь — дать первый в истории нашей партии пример того, что можно, оказавшись “побежденными”, не образовать новой партии. Такая позиция меньшинства вытекает из всех его взглядов на организационное развитие партии, она вытекает из сознания своей крепкой связи с предыдущей партийной работой. Меньшинство не верит в мистическую силу “бумажных революций” и видит в глубокой жизненной обоснованности своих стремлений залог того, что чисто идейной пропагандой внутри партии оно добьется торжества своих организационных принципов”. (Курсив мой.)

Какие это прекрасные, гордые слова! И как горько было убедиться на опыте, что это — только слова... Вы уже меня извините, товарищ Мартов, а теперь я заявляю претензию от имени большинства на эту “честь”, которой вы не заслужили. Честь эта будет действительно большая, из-за которой стоит повоевать, потому что традиции кружковщины оставили нам в наследие необыкновенно легкие расколы и необыкновенно усердное применение правила: либо в зубы, либо ручку пожалуйте.

БОЛЬШОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ (ИМЕТЬ ЕДИНУЮ ПАРТИЮ) ДОЛЖНО БЫЛО ПЕРЕВЕСИТЬ И ПЕРЕВЕСИЛО МАЛЕНЬКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ (В ВИДЕ ДРЯЗГ ИЗ-ЗА КООПТАЦИИ). Я УШЕЛ ИЗ ЦО, ТОВАРИЩ ИГРЕК (ДЕЛЕГИРОВАННЫЙ МНОЙ И ПЛЕХАНОВЫМ В СОВЕТ

---

^А Я, РАЗУМЕЕТСЯ, ОСТАВЛЯЮ БЕЗ РАЗБОРА ТОТ КЛУБОК, КОТОРЫЙ НАПУТАЛ МАРТОВ В “ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ” ОКОЛО ЭТОГО УЛЬТИМАТУМА ЦК, ССЫЛАЯСЬ НА ЧАСТНЫЕ РАЗГОВОРЫ

ЕТС. ЭТО — ХАРАКТЕРИЗОВАННЫЙ МНОЮ В ПРЕДЫДУЩЕМ S “ВТОРОЙ ПРИЕМ БОРЬБЫ”, РАЗБИРАТЬ КАКОВОЙ С НАДЕЖДОЙ НА УСПЕХ МОГ БЫ ТОЛЬКО СПЕЦИАЛИСТ ПО НЕВРОПАТОЛОГИИ. ДОСТАТОЧНО СКАЗАТЬ, ЧТО ТОВ. МАРТОВ НАСТАИВАЕТ ТАМ НА СОГЛАШЕНИИ С ЦК О НЕОПУБЛИКОВАНИИ ПЕРЕГОВОРОВ, КАКОВОГО СОГЛАШЕНИЯ, НЕСМОТЯ НА ВСЕ РОЗЫСКИ, ДО СИХ ПОР НЕ ОТЫСКАНО. ТОВ. ТРАВИНСКИЙ, ВЕДШИЙ ПЕРЕГОВОРЫ ОТ ИМЕНИ ЦК, ПИСЬМЕННО СООБЩИЛ МНЕ, ЧТО СЧИТАЕТ МЕНЯ ВПРАВЕ ПЕЧАТАТЬ ВНЕ “ИСКРЫ” МОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Одно только словечко тов. Мартова особенно мне понравилось. Это словечко — “бонапартизм худшего сорта”. Я нахожу, что тов. Мартов выдвинул эту категорию весьма кстати Давайте посмотрим хладнокровно, что означает это понятие По-моему, оно означает приобретение власти путем *формально* законным, но по *существу дела* вопреки воле народа (или партии) Не так ли, тов. Мартов? А если так, то я спокойно предоставляю публике судить, с чьей стороны был этот “бонапартизм худшего сорта”, со стороны ли Ленина и Игрека, которые могли воспользоваться своим *формальным* правом не пускать мартовцев, опираясь притом на волю II съезда, но не воспользовались этим правом, — или же со стороны тех, кто *формально правильно* занял редакцию (“единогласная кооптация”), зная, что это по *существу не отвечает воле II съезда*, я боясь проверни этой воли III съездом?

^b — символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

партии от редакции ЦО) ушел из Совета. Мартовцы ответили на последнее слово ЦК о мире письмом (см. цитированные издания), равносильным объявлению войны. Тогда, и только тогда, я пишу письмо в редакцию (№ 53 “Искры”) о гласности^a. Если, дескать, говорить о ревизионизме, спорить о непоследовательности и об анархическом индивидуализме, о поражении разных руководителей, то давайте, господа, расскажем все, без утайки, как дело было — вот содержание этого письма о гласности. Редакция отвечает на него сердитой бранью и великолепным назиданием: не смей поднимать “*мелочи и дразги кружковой жизни*” (№ 53 “Искры”). Ах, вот как, думаю про себя: “мелочи и дразги кружковой жизни”... *es ist mir recht*, господа, с этим-то я согласен. Ведь это значит, что возня с “кооптацией” прямо относится вами к *кружковым дразгам*. Это правда. Но что же это за диссонанс, если в передовой статье того же № 53, та же (будто бы та же) редакция поднимает толки о бюрократизме, формализме и прочем^b. Ты не смеешь поднимать вопроса о борьбе за кооптацию в ЦО, ибо это дразги. А мы будем поднимать вопрос о кооптации в ЦК и называть это не дразгой, а принципиальным расхождением о “формализме”. — Нет уже, думаю, дорогие товарищи, позвольте вам этого не позволить. Вы хотите стрелять по моему форту, а от меня требуете выдать вам артиллерию. Шутники! И я пишу и печатаю отдельно от “Искры” “Письмо в редакцию” (“Почему я вышел из редакции “Искры”?”)^c, рассказываю там вкратце, как дело было, и осведомляюсь паки и паки, возможен ли мир на основании такого распределения: вам Центральный Орган, нам Центральный Комитет. Ни одна сторона не будет себя чувствовать “чужой” в своей партии, и мы поспорим насчет поворота к оппортунизму, поспорим сначала в литературе, а потом, может быть, и на третьем съезде партии.

В ответ на упоминание о мире последовало открытие огня из всех неприятельских батарей, вплоть до Совета включительно. Заряды посыпались градом. Самодержец, Швейцер, бюрократ, формалист, сверхцентр, односторонний, прямолинейный, упрямый, узкий, подозрительный, неуживчивый... Очень хорошо, друзья мои! Вы кончили? У вас больше ничего нет в запасе? Плохи же ваши заряды...

Теперь слово за мною. Посмотрим на *СОДЕРЖАНИЕ* НОВЫХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ВЗГЛЯДОВ НОВОЙ “ИСКРЫ” И НА ОТНОШЕНИЕ ЭТИХ ВЗГЛЯДОВ К ТОМУ ДЕЛЕНИЮ НАШЕЙ ПАРТИИ НА “БОЛЬШИНСТВО” И “МЕНЬШИНСТВО”, ИСТИННЫЙ ХАРАКТЕР КОТОРОГО МЫ ПОКАЗАЛИ АНАЛИЗОМ ПРЕНИЙ И ГОЛОСОВАНИЙ ВТОРОГО СЪЕЗДА.

р) НОВАЯ “ИСКРА”.

ОППОРТУНИЗМ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ВОПРОСАХ

За основу разбора принципиальной позиции новой “Искры” следует взять, несомненно, два фельетона т. Аксельрода^d. Конкретное значение целого ряда излюбленных им словечек мы уже показали подробно выше и должны постараться теперь отвлечься от этого конкретного значения, вникнуть в тот ход мысли, который заставил “меньшинство” (по тому или иному мелкому и мелочному поводу) прийти именно к этим, а не к другим каким-либо лозунгам, рассмотреть принципиальное значение этих лозунгов независимо от их происхождения, независимо от “кооптации”. Мы живем теперь под знаком уступчивости: сделаем же уступку товарищу Аксельроду и “возьмем всерьез” его “теорию”, Основной тезис тов. Аксельрода (№ 57 “Искры”) тот, что “наше движение с самого начала скрывало в себе две противоположные тенденции, взаимный антагонизм которых не мог не развиваться и не отражаться на нем параллельно с его собственным развитием”. Именно: “принципиально, пролетарская цель движения (в России) та же, что и у западной социал-демократии”. Но у нас воздействие на рабочие массы исходит “со стороны чуждого им социального

---

^a См. настоящий том, стр. 93—97. *Ред.*

^b Как оказалось впоследствии, “диссонанс” объясняется весьма просто диссонансом в составе редакции ЦО. О “дрязгах” писал Плеханов (см. его признание в “Трустном недоразумении”, № 57), а передовую “Наш съезд” — Мартов (“Осадное положение”, стр. 84). Кто в лес, кто по дрова.

^c См. настоящий том, стр. 98—104. *Ред.*

^d Эти фельетоны вошли в сборник ““Искра” за два года”, ч. II, стр. 122 и сл. (СПБ. 1906). (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

элемента” — радикальной интеллигенции. Итак, тов. Аксельрод констатирует антагонизм между пролетарскими и радикально-интеллигентскими тенденциями в нашей партии.

В ЭТОМ ТОВ. АКСЕЛЬРОД БЕЗУСЛОВНО ПРАВ. НАЛИЧНОСТЬ ЭТОГО АНТАГОНИЗМА (И НЕ В ОДНОЙ ТОЛЬКО РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ) НЕ ПОДЛЕЖИТ СОМНЕНИЮ. МАЛО ТОГО. ВСЕМ И КАЖДОМУ ИЗВЕСТНО, ЧТО ИМЕННО ЭТОТ АНТАГОНИЗМ В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ И ОБЪЯСНЯЕТ ТО ДЕЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ НА РЕВОЛЮЦИОННУЮ (ОРТОДОКСАЛЬНУЮ ТОЖ) И ОППОРТУНИСТИЧЕСКУЮ (РЕВИЗИОНИСТСКУЮ, МИНИСТЕРИАЛИСТСКУЮ, РЕФОРМИСТСКУЮ), КОТОРОЕ ВПОЛНЕ ОБНАРУЖИЛОСЬ И В РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ. ВСЕМ ИЗВЕСТНО ТАКЖЕ, ЧТО ИМЕННО ПРОЛЕТАРСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ДВИЖЕНИЯ ВЫРАЖАЕТ ОРТОДОКСАЛЬНАЯ, А ДЕМОКРАТИЧЕСКИ-ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ — ОППОРТУНИСТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ.

Но тов. Аксельрод, подойдя вплотную к этому общеизвестному факту, начинает боязливо пятиться. Он не делает *ни малейшей попытки* проанализировать, как проявилось указанное деление в истории русской социал-демократии вообще и на нашем партийном съезде в частности, — хотя пишет т. Аксельрод именно по поводу съезда! Как и вся редакция новой “Искры”, т. Аксельрод проявляет *смертельную боязнь* перед протоколами этого съезда. Это не должно нас удивлять, после всего изложенного выше, но со стороны “теоретика”, исследующего якобы разные тенденции в нашем движении, это является оригинальным случаем *правдобоязни*. Отодвинув от себя, в силу этого своего свойства, самый новый и самый точный материал о тенденциях нашего движения, тов. Аксельрод ищет спасения в области приятных мечтаний. “Ведь дал же легальный или полумарксизм литературного вождя нашим

либералам, — говорит он. — Почему бы проказнице-истории не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального, революционного марксизма?” По поводу этого, приятного для тов. Аксельрода, мечтания мы можем только сказать, что если истории случается проказничать, то это не оправдывает *ПРОКАЗ МЫСЛИ* у того, кто берется за анализ этой истории. Когда из вождя полумарксизма проглядывал либерал, то люди, желавшие (*И УМЕВШИЕ*) проследить его “тенденции”, ссылались не на возможные проказы истории, а на десятки и сотни образчиков психологии и логики этой вождя, на те особенности всей его литературной физиономии, которые выдавали отражение марксизма в буржуазной литературе²⁴. Если же тов. Аксельрод, взявшийся проанализировать “общереволюционные и пролетарские тенденции в нашем движении”, не сумел *НИЧЕМ, НУ РОВНЕХОНЬКО-ТАКИ НИЧЕМ* доказать и показать у таких-то и таких-то представителей ненавистного ему ортодоксального крыла партии известные тенденции, то он этим выдал лишь себе *ТОРЖЕСТВЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О БЕДНОСТИ*. Должно быть, уже совсем плохи дела тов. Аксельрода, если остается ссылаться лишь на возможные проказы истории!

Другая ссылка тов. Аксельрода — на “якобинцев” — еще более поучительна. Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что деление современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую давно уже, и не в одной только России, подало повод к “историческим аналогиям эпохи великой французской революции”. Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что *жирондисты современной социал-демократии* везде и всегда прибегают к терминам “якобинство”, “бланкизм” и т. п. для характеристики своих противников. Не будем же подражать правдобоязни тов. Аксельрода и посмотрим на протоколы нашего съезда: нет ли в них материала для анализа и проверки рассматриваемых нами тенденций и разбираемых нами аналогий.

Первый пример. Спор о программе на партийном съезде. Тов. Акимов (“вполне согласный” с тов. Мартыновым) заявляет: “абзац о завоевании политической власти (о диктатуре пролетариата) получил, по сравнению со всеми другими социал-демократическими программами, такую редакцию, что может быть истолкован и действительно толковался Плехановым в том смысле, в котором роль руководящей организации должна будет отодвинуть назад руководимый ею класс и обособить первую от второго. И формулировка наших политических задач, поэтому, совершенно такая же, как у “Народной воли”” (стр. 124 прот.). Тов. Акимову возражают тов. Плеханов и другие искровцы, упрекая его в оппортунизме. Не находит ли т. Аксельрод, что этот спор показывает нам (на деле, а не в воображаемых проказах истории) антагонизм *современных якобинцев* и *современных жирондистов* в социал-демократии? И не потому ли заговорил тов. Аксельрод о якобинцах, что он оказался (в силу сделанных им ошибок) в компании *жирондистов* социал-демократии?

Второй пример. Тов. Посадовский поднимает вопрос о “серьезном разногласии” по “основному вопросу” об “абсолютной ценности демократических принципов” (стр. 169). Вместе с Плехановым он отрицает их абсолютную ценность. Лидеры “центра” или болота (Егоров) и антиискровцев (Гольдблат) решительно восстают против этого, видя у Плеханова “подражание буржуазной тактике” (стр. 170) — *это именно идея тов. Аксельрода о связи ортодоксии с буржуазной тенденцией*, с тем лишь отличием, что у Аксельрода эта идея висит в воздухе, а у Гольдבלата связана с определенными дебатами. Мы спрашиваем еще раз: не находит ли т. Аксельрод, что и этот спор показывает нам *воочию*, на нашем партийном съезде, антагонизм якобинцев и жирондистов современной социал-демократии? Не потому ли кричит тов. Аксельрод против якобинцев, что он оказался в компании жирондистов?

Третий пример. Споры о § 1 устава. Кто отстаивает “*пролетарские тенденции в нашем*

движении”, кто подчеркивает, что рабочий не боится организации, что пролетарий не сочувствует анархии, что он ценит стимул “организоваться!”, кто предостерегает от буржуазной интеллигенции, насквозь пропитанной оппортунизмом? *Якобинцы социал-демократии*. И кто протаскивает в партию радикальную интеллигенцию, кто заботится о профессорах, гимназистах, об одиночках, о радикальной молодежи? *Жирондист Аксельрод вместе с жирондистом Либером*.

Неискусно же защищается т. Аксельрод от “ложного обвинения в оппортунизме”, которое открыто распространялось на нашем партийном съезде против большинства группы “Освобождение труда”! Он защищается так, что подтверждает обвинение своим перепевом избитой бернштейнианской мелодии о якобинстве, бланкизме и проч.! Он кричит об опасности радикальной интеллигенции, чтобы заглушить свои собственные речи на партийном съезде, дышащие заботой об этой интеллигенции.

Ровно ничего, кроме *ОППОРТУНИЗМА*, НЕ ВЫРАЖАЮТ ЭТИ “СТРАШНЫЕ СЛОВЕЧКИ”: ЯКОБИНСВО И Т. П. ЯКОБИНЕЦ, НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАННЫЙ С *ОРГАНИЗАЦИЕЙ* ПРОЛЕТАРИАТА, *СОЗНАВШЕГО* СВОИ КЛАССОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ, ЭТО И ЕСТЬ *РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ*. ЖИРОНДИСТ, ТОСКУЮЩИЙ О ПРОФЕССОРАХ, ГИМНАЗИСТАХ, БОЯЩИЙСЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА, ВЗДЫХАЮЩИЙ ОБ АБСОЛЮТНОЙ ЦЕННОСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ, ЭТО И ЕСТЬ *ОППОРТУНИСТ*. ТОЛЬКО ОППОРТУНИСТЫ И МОГУТ ЕЩЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВИДЕТЬ ОПАСНОСТЬ В ЗАГОВОРЩИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, КОГДА МЫСЛЬ О СУЖЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ДО ЗАГОВОРА ОПРОВЕРГНУТА ТЫСЯЧИ РАЗ В ЛИТЕРАТУРЕ, ОПРОВЕРГНУТА И ВЫТЕСНЕНА ДАВНО ЖИЗНЬЮ, КОГДА КАРДИНАЛЬНАЯ ВАЖНОСТЬ МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ ВЫЯСНЕНА И РАЗЖЕВАНА ДО ТОШНОТЫ. РЕАЛЬНЫМ ОСНОВАНИЕМ СТРАХА ПЕРЕД ЗАГОВОРЩИЧЕСТВОМ, БЛАНКИЗМОМ ЯВЛЯЕТСЯ НЕ ТА ИЛИ ИНАЯ ОБНАРУЖИВШАЯСЯ ЧЕРТА ПРАКТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ (КАК ДАВНО И ТЩЕТНО СТАРАЕТСЯ ПОКАЗАТЬ БЕРНШТЕЙН И К°), А ЖИРОНДИСТСКАЯ РОБОСТЬ БУРЖУАЗНОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА, ПСИХОЛОГИЯ КОТОРОГО ТАК ЧАСТО ПРОРЫВАЕТСЯ СРЕДИ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ. НЕТ НИЧЕГО КОМИЧНЕЕ, КАК ЭТИ ПОТУГИ НОВОЙ “ИСКРЫ” СКАЗАТЬ *НОВОЕ СЛОВО* (СКАЗАННОЕ В СВОЕ ВРЕМЯ СОТНИ РАЗ) В ВИДЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ ОТ ТАКТИКИ ФРАНЦУЗСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ-ЗАГОВОРЩИКОВ Сороковых и шестидесятых годов (№ 62, передовая)²⁵. В ближайшем номере “Искры” жирондисты современной социал-демократии укажут нам, вероятно, такую группу французских заговорщиков сороковых годов, для которой значение политической агитации в рабочих массах, значение рабочих газет, как основы воздействия на класс со стороны партии, являлось бы давно заученной и разученной азбукой. Стремление новой “Искры” под видом новых слов твердить зады и пережевывать азбуку является, однако, вовсе не случайностью, а неизбежным следствием того положения, в котором оказались Аксельрод и Мартов, попавшие в оппортунистическое крыло нашей партии. Положение обязывает. Приходится повторять оппортунистические фразы, приходится *ПЯТИТЬСЯ НАЗАД*, чтобы в *ДАЛЕКОМ ПРОШЛОМ* попытаться найти хоть какое-нибудь оправдание своей позиции, незащитимой с точки зрения съездовской борьбы и сложившихся на съезде оттенков и делений партии. К акимовскому глубокомыслию насчет якобинства и бланкизма товарищ Аксельрод присоединяет акимовские же сетования насчет того, что не только “экономисты”, но и “политики” были “односторонни”, чересчур “увлекались” и пр., и пр. Читая выспренние рассуждения на эту тему в новой “Искре”, чванливо претендующей на то, что она стоит выше всех этих односторонностей и увлечений, с недоумением спрашиваешь себя: с кого они портреты пишут? где разговоры эти слышат?²⁶ Да кто же не знает, что деление русских социал-демократов на экономистов и политиков уж давно отжило свой век? Пересмотрите “Искру” за последний год-два перед съездом партии, и вы увидите, что борьба с “экономизмом” стихает и прекращается совершенно еще в 1902 году, вы увидите, что, например, в июле 1903 года (№ 43) о “временах экономизма” говорят, как об “окончательно пережитых”, экономизм считают “окончательно похороненным”,

увлечения политиков рассматривают как очевидный атавизм. С какой же стати новая редакция “Искры” возвращается к этому окончательно похороненному делению? Неужели мы боролись на съезде с Акимовыми за те ошибки, которые они делали два года тому назад в “Рабочем Деле”? Если бы мы поступали так, то мы были бы круглыми идиотами. Но всякий знает, что мы поступали не так, что мы боролись с Акимовыми на съезде не за их старые, окончательно похороненные ошибки “Рабочего Дела”, а за те *новые ошибки*, которые они делали в своих рассуждениях и в своих голосованиях на съезде. Не по их позиции в “Рабочем Деле”, а по их позиции на съезде судили мы о том, какие ошибки действительно пережиты и какие еще живут и вызывают необходимость споров. Ко времени съезда не существовало уже старого деления на экономистов и политиков, но продолжали еще существовать разнообразные оппортунистические тенденции, которые выразились в прениях и голосованиях по ряду вопросов и которые привели в конце концов к новому делению партии на “большинство” и “меньшинство”. Вся суть в том, что новая редакция “Искры” стремится, в силу легко понятных причин, затушевать связь этого нового деления с *современным* оппортунизмом в нашей партии, и что она поэтому вынуждена пятиться назад от нового деления к старому. Неуменее объяснить политическое происхождение нового деления (или желание, во имя уступчивости, набросить флер^А на это происхождение) заставляет пережевывать жвачку относительно давно отжитого старого деления. Всем и каждому известно, что в основе нового деления лежит расхождение по вопросам *организационным*, начавшееся спором о принципах организации (§ 1 устава) и закончившееся “практикой”, достойной анархистов. В основе старого деления на экономистов и политиков лежало расхождение по вопросам, главным образом, *тактическим*.

Это отступление от более сложных, действительно современных и насущных вопросов партийной жизни к вопросам, давно решенным и выкапываемым искусственно, новая “Искра” старается оправдать забавным глубокомыслием, которое нельзя назвать иначе, как хвостизмом. С легкой руки тов. Аксельрода через все писания новой “Искры” красной нитью проходит та глубокая “мысль”, что содержание важнее формы, программа и тактика важнее организации, что “жизнеспособность организации прямо пропорциональна объему и значению того содержания, которое она внесет в движение”, что централизм не есть “нечто самодовлеющее”, не есть “талисман всеспасающий” и пр., и пр. Глубокие, великие истины! Программа, действительно, важнее тактики, тактика важнее организации. Азбука важнее этимологии, этимология важнее синтаксиса, — но что сказать о людях, которые срезались на экзамене по синтаксису и теперь важничают и хвастаются тем, что они остались на второй год в низшем классе? Тов. Аксельрод рассуждал о принципиальных вопросах организации, как оппортунист (§ 1), а действовал в организации, как анархист (съезд Лиги), — и теперь он углубляет социал-демократию: зелен виноград! Собственно, что такое организация? ведь это лишь форма; что такое централизм? ведь это не талисман; что такое синтаксис? ведь это менее

---

^А См статью Плеханова об “экономизме” в № 53 “Искры”. В подзаголовке этой статьи вкралась, видимо, маленькая опечатка. Вместо “мысли вслух по поводу второго съезда партии” надо, очевидно, читать “по поводу съезда *Лиги*” или, пожалуй, “по поводу *кооптации*”. Насколько уместна, при известных условиях, уступчивость насчет личных претензий, настолько недопустимо (с партийной, а не обывательской точки зрения) смешение волнующих партию вопросов, подмен вопроса о новой ошибке Мартова и Аксельрода, начавших поворачивать от ортодоксии к оппортунизму, — вопросом о старой (никем, кроме новой “Искры”, не вспоминаемой теперь) ошибке Мартыновых и Акимовых, готовых, может быть, ныне повернуть во многих вопросах программы и тактики от оппортунизма к ортодоксии.

важно, чем этимология, это лишь форма соединения элементов этимологии... “Не согласится ли с нами тов. Александров, — победоносно вопрошает новая редакция “Искры”, — если мы скажем, что выработкой партийной программы съезд гораздо более содействовал централизации партийной работы, чем принятием устава, сколь совершенным ни казался бы этот последний?” (№ 56, приложение). Надо надеяться, что это классическое изречение получит не менее широкую и не менее прочную историческую известность, чем знаменитая фраза тов. Кричевского о том, что социал-демократия, подобно человечеству, всегда ставит себе осуществимые задачи. Ведь это глубокомыслие новой “Искры” совершенно такого же пошиба. За что осмеивали фразу т. Кричевского? За то, что он оправдывал ошибку известной части социал-демократов в вопросах тактики, неуменее правильно поставить политические задачи, — пошлостью, выдаваемой за философию. Точь-в-точь так же и новая “Искра” оправдывает ошибку известной части социал-демократов в вопросах организации, интеллигентскую неустойчивость известных товарищей, доведшую их до анархической фразы, — пошлостью, что-де программа важнее устава, что программные вопросы важнее организационных! Ну, разве же это не хвостизм? Разве это не хвастовство по поводу того, что люди остались на второй год в низшем классе?

Принятие программы более содействует централизации работы, чем принятие устава. Как пахнет эта пошлость, выдаваемая за философию, духом радикального интеллигента, гораздо более близкого к буржуазному декадентству, чем к социал-демократизму! Ведь слово централизация в этой знаменитой фразе понимается в смысле совсем уже *символическом*. Если авторы этой фразы не умеют или не хотят думать, то пусть бы хоть они вспомнили, по крайней мере, тот простой факт, что принятие программы вместе с бундовцами не только не привело к централизации нашей общей работы, а и не предохранило нас от раскола. Единство в вопросах программы и в вопросах тактики есть необходимое, но еще недостаточное условие партийного объединения, централизации партийной работы (господи боже мой! какую азбуку приходится, по нынешним временам, когда все понятия спутались, разжевывать!). Для этого последнего необходимо еще единство организации, немыслимое в сколько-нибудь выросшей из рамок семейного кружка партии без оформленного устава, без подчинения меньшинства большинству, без подчинения части целому. Пока у нас не было единства в основных вопросах программы и тактики, мы прямо и говорили, что живем в эпоху разброда и кружковщины, мы прямо заявляли, что, прежде чем объединяться, надо размежеваться, мы и не заговаривали о формах совместной организации, а толковали исключительно о новых (тогда действительно новых) вопросах программной и тактической борьбы с оппортунизмом. Теперь эта борьба, по общему нашему признанию, обеспечила уже достаточное единство, сформулированное в партийной программе и в партийных резолюциях о тактике; теперь нам надо сделать следующий шаг, и мы его, по общему нашему согласию, сделали: выработали *формы* единой, сливающей все кружки воедино, организации. Нас оттащили теперь назад, разрушив наполовину эти формы, оттащили к анархическому поведению, к анархической фразе, к восстановлению кружка вместо партийной редакции, и теперь оправдывают этот шаг назад тем, что азбука более содействует грамотной речи, чем знание синтаксиса!

Философия хвостизма, процветавшая три года тому назад в вопросах тактики, воскресает теперь в применении к вопросам организации. Возьмите такое рассуждение новой редакции. “Боевое социал-демократическое направление, — говорит тов. Александров, — в партии должно проводиться не одной идейной борьбой, но и определенными формами организации”. Редакция поучает нас: “Недурно это сопоставление идейной борьбы и форм организации. Идейная борьба есть процесс, а формы организации только... формы” (ей-богу, так и напечатано в № 56, приложение, стр. 4, столб. 1, внизу!), “долженствующие облекать текучее, развивающееся содержание, — развивающуюся практическую работу партии”. Это уже совершенно в духе анекдота о том, что ядро есть ядро, а бомба есть бомба. Идейная борьба - есть процесс, а формы организации только

формы, облакающие содержание! Вопрос идет о том, будет ли наша идейная борьба облекаться формами *более высокими*, формами обязательной для всех партийной организации, или формами старого разброда и старой кружковщины. Нас оттащили назад от более высоких форм к более примитивным формам и оправдывают это тем, что идейная борьба есть процесс, а формы — это только формы. Точь-в-точь так же тов. Кричевский во времена оны ташил нас назад от тактики-плана к тактике-процессу.

Возьмите эти претенциозные фразы повой “Искры” о “самовоспитании пролетариата”, противопоставляемые тем, кто якобы из-за формы способен проглядеть содержание (№ 58, передовая). Разве это не акимовщина номер второй? Акимовщина номер первый оправдывала отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в постановке тактических задач ссылками на более “глубокое” содержание “пролетарской борьбы”, ссылками на самовоспитание пролетариата. Акимовщина номер второй оправдывает отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в вопросах теории и практики организации такими же глубокомысленными ссылками на то, что организация есть лишь форма, и что вся суть в самовоспитании пролетариата. Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа пекущиеся о меньшем брате! Пролетариат не станет пещись о том, чтобы гг. профессора и гимназисты, не желающие войти в организацию, признавались членами партии за работу под контролем организации. Пролетариат воспитывается к организации всей своей жизнью гораздо радикальнее, чем многие интеллигентки. Пролетариат, сколько-нибудь сознавший нашу программу и нашу тактику, не станет оправдывать отсталость в организации ссылками на то, что форма менее важна, чем содержание. Не пролетариату, а *некоторым интеллигентам* в нашей партии недостает *самовоспитания* в духе организации и дисциплины, в духе вражды и презрения к анархической фразе. Акимовы номер второй так же клеветают на пролетариат по вопросу о неподготовленности к организации, как клеветали на него Акимовы номер первый по вопросу о неподготовленности к политической борьбе. Пролетарий, ставший сознательным социал-демократом и почувствовавший себя членом партии, с таким же презрением отвергнет хвостизм в организационных вопросах, с каким он отверг хвостизм в вопросах тактики.

Возьмите, наконец, глубокомыслие “Практика” новой “Искры”. “Настоящим образом понятая идея “боевой” централистической организации, — говорит он, — объединяющей и централизирующей *деятельность*” (углубляющий курсив) “революционеров, естественно претворяется в жизнь лишь при *наличности* этой деятельности” (и ново и умно); “сама организация, как форма” (слушайте, слушайте!), “может вырастать лишь *одновременно*” (курсив автора, как и везде в этой цитате) “с ростом революционной работы, составляющей ее содержание” (№ 57). Не напоминает ли это паки и паки того героя народного эпоса, который при виде похоронной процессии кричал: таскать вам не перетаскать? Наверное, в нашей партии не найдется ни одного практика (без кавычек), который бы не понимал, что именно форма нашей деятельности (т. е. организация) давным-давно отстает, и отчаянно отстает, от содержания, что крики по адресу отстающих людей: идите в ногу! не опережайте! — достойны одних только партийных Иванушек. Попробуйте сравнить хотя бы, например, нашу партию с Бундом. Не подлежит ни малейшему сомнению, что *содержание*^a работы нашей партии неизмеримо богаче, разностороннее, шире и глубже, чем у Бунда. Крупнее теоретический размах, развитее программа, шире и глубже воздействие на рабочие массы (а не на одних только организованных ремесленников), разностороннее пропаганда и агитация, живее пульс политической работы у передовиков и рядовых, величественнее *народные* движения при демонстрациях и всеобщих стачках, энергичнее деятельность среди непролетарских слоев. А “форма”? “Форма” нашей работы отстала, по сравнению с бундовской, непозволительно, отстала до того, что это колет глаза, вызывает краску стыда у всякого, кто не смотрит на дела своей партии “ковыряя в носу”. Отсталость организации работы по сравнению с ее содержанием — наше большое место, и она была больным местом

еще

А Я УЖЕ НЕ ГОВОРЮ О ТОМ, ЧТО СОДЕРЖАНИЕ НАШЕЙ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ НАМЕЧЕНО (В ПРОГРАММЕ И ПР.) НА СЪЕЗДЕ В ДУХЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ЛИШЬ *ЦЕНОЙ БОРЬБЫ*, БОРЬБЫ О ТЕМИ САМЫМИ АНТИИСКРОВЦАМИ И ТЕМ САМЫМ БОЛОТОМ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ КОТОРОГО ЧИСЛЕННО ПРЕОБЛАДАЮТ В ВАШЕМ “МЕНЬШИНСТВЕ” ИНТЕРЕСНО ТАКЖЕ, ПО ВОПРОСУ О “СОДЕРЖАНИИ”, СРАВНИТЬ, К ПРИМЕРУ, СКАЖЕМ, ШЕСТЬ НОМЕРОВ СТАРОЙ “ИСКРЫ” (№№ 46—51) И ДВЕНАДЦАТЬ НОМЕРОВ НОВОЙ “ИСКРЫ” (№№ 52—63). НО ЭТО КОГДА-НИБУДЬ В ДРУГОЙ РАЗ.

задолго до съезда, задолго до образования ОК. Незрелость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный застой, ведет к расхищению сил, к несоответствию между словом и делом. Все исстрадались от этого несоответствия, — а тут являются Аксельроды и “Практики” новой “Искры” с глубокомысленной проповедью: форма должна естественно вырастать лишь одновременно с содержанием!

Вот куда приводит маленькая ошибка по организационному вопросу (§ 1), если вы вздумаете *углублять* вздор и философски обосновывать оппортунистическую фразу. Медленным шагом, робким зигзагом!²⁷ — мы слышали этот мотив в применении к вопросам тактики; мы слышим его теперь в применении к вопросам организации. *Хвостизм в организационных вопросах* представляет из себя естественный и неизбежный продукт психологии *анархического индивидуалиста*, когда этот последний начинает возводить в систему воззрений, в особые *принципиальные разногласия* свои (вначале, может быть, случайные) анархические уклонения. На съезде Лиги мы видели начало этого анархизма, в новой “Искре” мы видим попытки возведения его в систему воззрений. Попытки эти замечательно подтверждают высказанное уже на съезде партии соображение о различии точек зрения буржуазного интеллигента, присоединяющегося к социал-демократии, и пролетария, сознавшего свои классовые интересы. Напр., тот же “Практик” новой “Искры”, с глубокомыслием которого мы уже познакомились, изобличает меня в том, что партия представляется мне “как огромная фабрика” с директором, в виде ЦК, во главе ее (№ 57, приложение). “Практик” и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово сразу выдает психологию буржуазного интеллигента, не знакомого ни с практикой, ни с теорией пролетарской организации. Именно фабрика, которая кажется иному одним только пугалом, и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения. Именно марксизм, как идеология обученного капитализмом пролетариата, учил и учит неустойчивых интеллигентов различию между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхе голодной смерти) и ее организующей стороной (дисциплина, основанная на совместном труде, объединенном условиями высоко развитого технически производства). Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной “школе”. Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования, порождающих тот вид анархизма, который немецкие социал-демократы называют *Edelanarchismus*, т. е. анархизм “благородного” господина, барский анархизм, как я бы сказал. Русскому нигилисту этот барский анархизм особенно свойственен. Партийная организация кажется ему чудовищной “фабрикой”, подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему “закрепощением” (см. фельетоны Аксельрода), разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в “колесики и винтики”

(причем особенно убийственным видом этого превращения считается превращение редакторов в сотрудников), упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное (по адресу “формалистов”) замечание, что можно бы и вовсе без устава.

Это невероятно, но это — факт: именно такое назидательное замечание делает мне тов. Мартов в № 58 “Искры”, ссылаясь, для вящей убедительности, на мои же собственные слова из “Письма к товарищу”. Ну разве это не “барский анархизм”, разве это не хвостизм, когда примерами из эпохи разброда, эпохи кружков *оправдывают* сохранение и прославление кружковщины и анархии в эпоху партийности?

Почему не нужны нам были раньше уставы? Потому что партия состояла из отдельных кружков, не связанных вместе никакой организационной связью. Переход из кружка в кружок был делом одной только “доброй воды” того или другого индивидуума, не имевшего перед собой никакого оформленного выражения воли целого. Спорные вопросы внутри кружков решались не по уставу, “я борьбой и угрозой уйти”: так выразился я в “Письме к товарищу”^а, основываясь на опыте ряда кружков вообще и, в частности, нашей собственной редакционной шестерки. В эпоху кружков такое явление было естественно и неизбежно, но никому не приходило в голову восхвалять его, считать идеалом, все жаловались на этот разброд, все тяготились им и жаждали слияния разрозненных кружков в оформленную партийную организацию. И теперь, когда это слияние состоялось, нас тащат назад, нас угощают — под видом высших организационных взглядов — анархической фразой! Людям, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины, формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным, и низменным, и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного “процесса” идейной борьбы. Барский анархизм не понимает, что формальный устав необходим именно для замены узких кружковых связей широкой партийной связью. Связь внутри кружка или между кружками не нужно и невозможно было оформливать, ибо эта связь держалась на приятельстве или на безотчетном, немотивированном “доверии”. Связь партийная не может и не должна держаться ни на том, ни на другом, ее необходимо базировать именно на *формальном*, “бюрократически” (с точки зрения распущенного интеллигента) редижированном уставе, строгое соблюдение которого одно лишь гарантирует нас от кружкового самодурства, от кружковых капризов, от кружковых приемов свалки, называемой свободным “процессом” идейной борьбы.

Редакция новой “Искры” козыряет против Александрова назидательным указанием на то, что “доверие — вещь деликатная, которую никак нельзя вколотить в сердца и головы” (№ 56, приложение). Редакция не понимает, что именно это выдвигание категории доверия, *голово* доверия, выдает еще и еще раз с головой ее барский анархизм и организационный хвостизм. Когда я был членом только кружка, редакционной ли шестерки или организации “Искры”, я имел право сослаться в оправдание, скажем, своего нежелания работать с Иксом на одно лишь недоверие, безотчетное и немотивированное. Когда я стал членом партии, я *не имею права* сослаться только на неоформленное недоверие, ибо такая ссылка открывала бы настежь двери для всякой блажи и для всякого самодурства старой кружковщины; я обязан мотивировать свое “доверие” или “недоверие” формальным доводом, т. е. ссылкой на то или иное формально установленное положение нашей программы, нашей тактики, нашего устава; я обязан не ограничиваться безотчетным “доверяю” или “не доверяю”, а признать *подотчетность* своих решений и всех вообще решений всякой части партии перед всей партией; я обязан “следовать *формально предписанному* пути для выражения своего “недоверия”, для проведения тех взглядов и тех желаний, которые вытекают из этого недоверия. Мы поднялись уже от *кружковой* точки зрения безотчетного “доверия” до *партийной* точки зрения, требующей соблюдения подотчетных и формально предписанных способов выражения и *проверки* доверия, а редакция тащит нас назад и называет свой хвостизм новыми организационными взглядами!

Посмотрите, как рассуждает наша так называемая партийная редакция о литературных группах, которые могли бы потребовать себе представительства в редакции. “Мы не возмутимся, не начнем кричать о дисциплине”, — поучают нас барские анархисты, которые всегда и везде сверху вниз смотрели на какую-то там дисциплину. Мы-де либо “столкуемся” (sic!) с группой, буде она дельная, либо посмеемся над ее требованиями.

Подумаешь, КАКОЕ ВОЗВЫШЕННОЕ БЛАГОРОДСТВО ВЫСТУПАЕТ ЗДЕСЬ ПРОТИВ ВУЛЬГАРНО-“ФАБРИЧНОГО” ФОРМАЛИЗМА! А НА САМОМ ДЕЛЕ — ПЕРЕД НАМИ ПОДНОВЛЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КРУЖКОВЩИНЫ, ПРЕПОДНОСИМАЯ ПАРТИИ РЕДАКЦИЕЙ, КОТОРАЯ ЧУВСТВУЕТ, ЧТО ОНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИЗ СЕБЯ НЕ ПАРТИЙНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ, А ОБЛОМОК СТАРОГО КРУЖКА. ВНУТРЕННЯЯ ФАЛЬШЬ ЭТОЙ ПОЗИЦИИ НЕИЗБЕЖНО ПРИВОДИТ К АНАРХИЧЕСКОМУ ГЛУБОКОМЫСЛИЮ, ВОЗВОДЯЩЕМУ В ПРИНЦИП СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТОТ РАЗБРОД, КОТОРЫЙ НА СЛОВАХ ФАРИСЕЙСКИ ОБЪЯВЛЯЕТСЯ УЖЕ ПЕРЕЖИТЫМ. НЕ НУЖНО НИКАКОЙ ИЕРАРХИИ НИЗШИХ И ВЫСШИХ ПАРТИЙНЫХ КОЛЛЕГИЙ И ИНСТАНЦИЙ, — БАРСКОМУ АНАРХИЗМУ ТАКАЯ ИЕРАРХИЯ КАЖЕТСЯ КАНЦЕЛЯРСКИМ ИЗМЫШЛЕНИЕМ ВЕДОМСТВ, ДЕПАРТАМЕНТОВ И ПРОЧЕЕ (СМ. ФЕЛЬЕТОН АКСЕЛЬРОДА), — НЕ НУЖНО НИКАКОГО ПОДЧИНЕНИЯ ЧАСТИ ЦЕЛОМУ, НЕ НУЖНО НИКАКОГО “ФОРМАЛЬНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО” ОПРЕДЕЛЕНИЯ

---

^А См. Сочинения. 5 изд., том 7, стр. 24. Ред.

партийных способов “столковываться” или размежевываться, пусть старая кружковая свалка освящается фразерством об “истинно социал-демократических” приемах организации.

Вот где прошедший школу “фабрики” пролетарий может и должен дать урок анархическому индивидуализму. Сознательный рабочий давно уже вышел из тех пеленок, когда он чурался интеллигента, как такового. Сознательный рабочий умеет ценить тот более богатый запас знаний, тот более широкий политический кругозор, который он находит у социал-демократов интеллигентов. Но по мере того, как складывается у нас *настоящая* партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, щеголяющего анархической фразой, должен научиться *требовать* исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от “людей верха”, должен научиться встречать таким же презрением хвостизм в вопросах организационных, каким награждал он во времена оны хвостизм в вопросах тактики!

В неразрывной связи с жирондизмом и барским анархизмом стоит последняя характерная особенность позиции новой “Искры” в организационных вопросах: это — защита *автономизма* против централизма. Именно такой принципиальный смысл имеют (если имеют^а) вопли о бюрократизме и о самодержавии, сожаления о “незаслуженном невнимании к неискровцам” (защищавшим автономизм на съезде), комичные крики о требовании “беспрекословного повиновения”, горькие жалобы на “помпадурство” и проч., и т. д., и т. п. Оппортунистическое крыло всякой партии всегда отстаивает и оправдывает всякую отсталость, и программную, и тактическую, и организационную. Защита организационной отсталости (хвостизм) новой “Искры” тесно связана с защитой *автономизма*. Правда, автономизм настолько уже дискредитирован, вообще говоря, трехлетней проповедью старой “Искры”, что открыто высказаться за него новой “Искре” *еще* стыдно; она еще уверяет нас в своих симпатиях к централизму, но доказывается это только тем, что слово централизм пишется курсивом. На деле самое легкое прикосновение критики к “принципам” “истинно социал-демократического” (а не анархического?) quasi-централизма новой “Искры” изобличает на каждом шагу точку зрения автономизма. Разве не ясно теперь всем и каждому, что Аксельрод и Мартов повернули в организационных вопросах к Акимову? Разве не признали они этого торжественно сами в знаменательных словах о “незаслуженном невнимании к неискровцам”? И разве не автономизм защищали на нашем

партийном съезде Акимов и его друзья?

Именно автономизм (если не анархизм) защищали Мартов и Аксельрод на съезде Лиги, когда они с забавным усердием доказывали, что часть не должна подчиняться целому, что часть автономна в определении своих отношений к целому, что устав Заграничной лиги, формулирующий эти отношения, действителен вопреки воле большинства партии, вопреки воле партийного центра. Именно автономизм защищает теперь тов. Мартов открыто и на страницах новой “Искры” (№ 60) по вопросу о введении членов в местные комитеты Центральным Комитетом²⁸. Я не буду говорить о тех детских софизмах, которыми защищал автономизм тов. Мартов на съезде Лиги и защищает в новой “Искре”^b, — мне важно здесь отметить несомненную тенденцию *защищать автономизм против централизма*, как принципиальную черту, свойственную оппортунизму в организационных вопросах.

Едва ли не единственной попыткой *анализа* понятия бюрократизма является противоположение в новой “Искре” (№ 53) “*формально-демократического начала*” (курсив автора) “*формально-бюрократическому*”. Это противоположение (к сожалению, столь же не развитое и не разъясненное, как и указание на неискровцев) содержит в себе зерно истины. Бюрократизм versus^c демократизм, это и есть централизм versus

---

^a Я оставляю в стороне здесь, как и вообще в этом параграфе, “кооптационный” смысл этих воплей.

^b Перебирая разные §§ устава, тов. Мартов *опустив* именно тот §, который говорит об отношении целого к части ЦК “распределяет силы партии” (§ 6). Можно ли распределять силы без перевода работников из комитета в комитет? На этой азбуке, право, неловко как-то останавливаться.

^c versus — по отношению к.

автономизм, это и есть организационный принцип революционной социал- демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов социал-демократии. Последний стремится идти снизу вверх и потому отстаивает везде, где можно и насколько можно, автономизм, “демократизм”, доходящий (у тех, кто усердствует не по разуму) до анархизма. Первый стремится исходить сверху, отстаивая расширение прав и полномочий центра по отношению к части. В эпоху разброда и кружковщины этим верхом, от которого стремилась организационно исходить революционная социал-демократия, был неизбежно один из кружков, наиболее влиятельный в силу своей деятельности и своей революционной последовательности (в нашем случае — организация “Искры”). В эпоху восстановления фактического единства партии и распускания в этом единстве устарелых кружков, таким верхом неизбежно является *партийный съезд*, как верховный орган партии; съезд соединяет по возможности всех

представителей активных организаций и, назначая центральные учреждения (нередко в таком составе, который более удовлетворяет передовые, чем отсталые элементы партии, более нравится революционному, чем оппортунистическому крылу ее), делает их верхом впредь до следующего съезда. Так бывает, по крайней мере, у европейцев социал-демократии, хотя мало-помалу, не без труда, не без борьбы и не без дрызг, этот принципиально ненавистный анархистам обычай начинает распространяться и на азиатов социал-демократии.

В высшей степени интересно отметить, что указанные мной принципиальные черты оппортунизма в организационных вопросах (автономизм, барский или интеллигентский анархизм, хвостизм и жирондизм) наблюдаются *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями) во всех социал-демократических партиях всего мира, где только есть деление

на революционное и оппортунистическое крыло (а где его нет?). Особенно рельефно выступило это на свет божий именно в самое последнее время в германской социал-демократической партии, когда поражение на выборах в 20-ом саксонском избирательном округе (так назыв. инцидент Гёрэ^а) поставило на очередь дня *принципы* партийной организации. Возбуждению принципиального вопроса по поводу указанного инцидента особенно содействовало усердие немецких оппортунистов. Гёрэ (бывший пастор, автор небезызвестной книги: “Drei Monate Fabrikarbeiter”^б и один из “героев” Дрезденского съезда) — сам ярый оппортунист, и орган последовательных немецких оппортунистов “Sozialistische Monatshefte” (“Социалистический Ежемесячник”)³⁰ сейчас же “заступился” за него.

Оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике и с оппортунизмом в вопросах организационных. Излагать “новую” точку зрения взялся тов. Вольфганг Гейне. Чтобы охарактеризовать читателю физиономию этого типичного интеллигента, примкнувшего к социал-демократии и принесшего с собой оппортунистические навыки мысли, достаточно будет сказать, что тов. Вольфганг Гейне, это — немножко меньше, чем немецкий тов. Акимов, и немножечко больше, чем немецкий тов. Егоров.

ТОВАРИЩ ВОЛЬФГАНГ ГЕЙНЕ ПОШЕЛ В ПОХОД В “СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ЕЖЕМЕСЯЧНИКЕ” С НЕМЕНЬШЕЙ ПОМППОЙ, ЧЕМ ТОВ. АКСЕЛЬРОД В НОВОЙ “ИСКРЕ”. ЧЕГО СТОИТ ОДНО УЖ ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ: “ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ИНЦИДЕНТА ГЁРЭ” (№ 4, АПРЕЛЬ, “SOZIALISTISCHE MONATLSHEFTE”). И СОДЕРЖАНИЕ — НЕ МЕНЕЕ ГРОМОВОЕ. ТОВ. В. ГЕЙНЕ ВОССТАЕТ ПРОТИВ “ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА АВТОНОМИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОКРУГА”, ОТСТАИВАЕТ “ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП”, ПРОТЕСТУЕТ ПРОТИВ ВМЕШАТЕЛЬСТВА “НАЗНАЧЕННОГО НАЧАЛЬСТВА” (Т. Е. ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ ПАРТИИ) В СВОБОДНЫЙ ВЫБОР ДЕЛЕГАТОВ НАРОДОМ. ДЕЛО ТУТ НЕ В СЛУЧАЙНОМ ИНЦИДЕНТЕ, ПОУЧАЕТ НАС ТОВ. В. ГЕЙНЕ, А В ОБЩЕЙ “ТЕНДЕНЦИИ К БЮРОКРАТИЗМУ И ЦЕНТРАЛИЗМУ В

---

^а Герэ был выбран в рейхстаг 16 июня 1903 года в 15-ом саксонском округе, но после Дрезденского съезда²⁹ сложил с себя мандат; избиратели 20-го округа, ставшего вакантным после смерти Розенова, хотели предложить кандидатуру снова Гёрэ. Центральное правление партии и саксонский центральный агитационный комитет восстали против этого и, не имея права формально запретить кандидатуру Гёрэ, добились, однако, того, что Герэ отказался от кандидатуры. При выборах социал-демократы потерпели поражение.

^б — “Три месяца рабочим на фабрике”. Ред.

партии”, тенденции, которая замечалась-де и раньше, но теперь становится особенно опасной. Надо “принципиально признать, что местные учреждения партии являются носителями ее жизни” (плагиат из брошюры тов. Мартова: “Еще раз в меньшинстве”). Не следует “привыкать к тому, чтобы все важные политические решения исходили из одного центра”, надо предостерегать партию от “доктринерской политики, теряющей связь с жизнью” (позаимствовано из речи тов. Мартова на съезде партии о том, что “жизнь возьмет свое”). “...Если смотреть в корень вещей, — углубляет свою аргументацию тов. В. Гейне, — если отвлечься от личных столкновений, которые и здесь, как и всегда, играли немалую роль, то мы увидим в этом ожесточении против *ревизионистов* (курсив автора, намекающего, надо думать, на различие понятий: борьба с ревизионизмом и борьба с ревизионистами) главным образом недоверие официальных лиц в партии против “*постороннего элемента*” (В. Гейне, видимо, не читал еще брошюры о борьбе с осадным положением, и потому прибегает к англицизму: Outsidertum), недоверие традиции к тому, что необычно, — безличного учреждения к тому, что индивидуально” (см. резолюцию

Аксельрода на съезде Лиги о подавлении индивидуальной инициативы), “одним словом, ту же самую тенденцию, которую мы уже охарактеризовали выше как тенденцию к бюрократизму и централизму в партии”.

Понятие “дисциплины” внушает тов. В. Гейне не менее благородное негодование, чем тов. Аксельроду. “... Ревизионистов, — пишет он, — упрекали в недостатке дисциплины за то, что они писали в “Социалистическом Ежемесячнике” — органе, который не хотели даже признавать социал-демократическим, ибо он не стоит *под контролем партии*. Одна уже эта попытка сужения понятия: “социал-демократический”, одно уже это требование *дисциплины* в области идейного производства, где должна господствовать безусловная свобода” (вспомните: идейная борьба есть процесс, а формы организации только формы), “свидетельствуют о тенденции к бюрократизму и к подавлению индивидуальности”. И долго еще, долго громит В. Гейне на всевозможные лады эту ненавистную тенденцию создать “одну всеохватывающую большую организацию, возможно более централизованную, одну тактику, одну теорию”, громит требование “безусловнейшего повиновения”, “слепого подчинения”, громит “упрощенный централизм” и т. д. и т. п., буквально “по Аксельроду”.

Поднятый В. Гейне спор разгорелся, и так как в немецкой партии никакие дрызги из-за кооптации не засорили его, так как немецкие Акимовы выясняют свою физиономию не только на съездах, а постоянно в особом органе, то спор быстро свелся к анализу принципиальных тенденций ортодоксии и ревизионизма в организационном вопросе. Одним из представителей революционного направления (обвиняемого, разумеется, как и у нас, в “диктаторстве”, “инквизиторстве” и прочих страшных вещах) выступил К. Каутский (“*Neue Zeit*”, 1904, № 28, статья “*Wahlkreis und Partei*” — “Избирательный округ и партия”). Статья В. Гейне, — заявляет он, — “показывает ход мысли всего ревизионистского направления”. Не в одной только Германии, а и во Франции, и в Италии оппортунисты горой стоят за автономизм, за ослабление партийной дисциплины, за сведение ее к нулю, везде их тенденции приводят к *дезорганизации*, к извращению “демократического принципа” в *анархизм*. “Демократия не есть отсутствие власти, — поучает К. Каутский оппортунистов в организационном вопросе, — демократия не есть анархия, она есть господство массы над ее уполномоченными, в отличие от других форм власти, когда мнимые слуги народа в действительности являются его владыками”. К. Каутский прослеживает подробно дезорганизаторскую роль оппортунистического автономизма в разных странах, показывает, что именно присоединение к социал-демократии “*массы буржуазных элементов*”^а усиливает оппортунизм, автономизм и тенденции к нарушению дисциплины, напоминает паки и паки, что именно “организация есть то оружие, которым освободит себя пролетариат”, именно “организация есть свойственное пролетариату оружие классовой борьбы”.

В Германии, где оппортунизм слабее, чем во Франции и Италии, “автономистские тенденции привели пока лишь к более или менее

---

^а В качестве примера К. Каутский называет Жореса По мере их уклонения в оппортунизм, таким людям “партийная дисциплина неизбежно должна была казаться непозволительным стеснением их свободной личности”.

патетическим декламациям против диктаторов и великих инквизиторов, против отлучения от церкви^а и выискивании ереси, к бесконечным придиркам и дрызгам, разбор которых повел бы лишь к бесконечной ссоре”.

Неудивительно, что в России, где оппортунизм в партии еще более слаб, чем в Германии, автономистские тенденции породили меньше идей и больше “патетических декламаций” и дрызг.

Неудивительно, что Каутский приходит к заключению: “Может быть, ни в каком другом вопросе ревизионизм всех стран не отличается такой однородностью, несмотря на все его разновидности, всю его разноцветность, как именно в организационном вопросе”. Основные тенденции ортодоксии и ревизионизма в этой области и К. Каутский формулирует при помощи “страшного слова”: бюрократизм versus (против) демократизма. Нам говорят, пишет К. Каутский, что дать право правлению партии влиять на выбор кандидата (в депутаты парламента) местными избирательными округами — значит “постыдно посягать на демократический принцип, который требует, чтобы вся политическая деятельность развертывалась снизу вверх, путем самодеятельности масс, а не сверху вниз, путем бюрократическим... Но если есть какой-нибудь действительно демократический принцип, так это тот, что большинство должно иметь перевес над меньшинством, а не наоборот...” Выбор депутатов в парламент от какого бы то ни было отдельного избирательного округа есть важный вопрос всей партии в целом, которая и должна влиять на назначение кандидатов хотя бы через посредство доверенных людей партии (Vertrauensmänner). “Кому кажется это слишком бюрократическим или централистическим, тот пусть попробует предложить, чтобы кандидатов намечали прямые голосования всех членов партии вообще (samtliche Parteigenossen). Раз это неисполнимо, то нечего и жаловаться на недостаток демократизма, когда указанная функция, подобно многим другим, касающимся всей партии, выполняется одной или несколькими партийными инстанциями”. По “обычному праву” германской партии и раньше отдельные избирательные округа “товарищески договаривались” с правлением партии о выставлении того или иного кандидата. “Но партия стала уже слишком велика, чтобы достаточно было этого молчаливого обычного права. Обычное право перестает быть правом, когда его перестают признавать, как нечто само собою разумеющееся, когда содержание его определений и даже самое его существование оспаривается. Тогда становится безусловно необходимым точно формулировать это право, кодифицировать его...”, перейти к более “точному уставному закреплению^b (statutarische Festlegung), а вместе с тем к усилению строгости (groessere Straffheit) организации”.

Вы видите, таким образом, в другой обстановке ту же борьбу оппортунистического и революционного крыла партии по организационному вопросу, тот же конфликт автономизма и централизма, демократизма и “бюрократизма”, тенденций к ослаблению строгости и к усилению строгости организации и дисциплины, психологии неустойчивого интеллигента и выдержанного пролетария, интеллигентского индивидуализма и пролетарской сплоченности. Спрашивается, как отнеслась к этому конфликту *буржуазная демократия*, — не та, которую проказница-история только еще обещала по секрету показать когда-нибудь тов. Аксельроду, — а настоящая, реальная буржуазная демократия, имеющая и в Германии не менее умных и наблюдательных представителей, чем наши господа освобождения? Немецкая буржуазная демократия сразу откликнулась на новый спор и горой встала, — как и русская, как и всегда, как и везде, — за оппортунистическое крыло социал-демократической партии. Выдающийся орган немецкого биржевого капитала, “*Франкфуртская Газета*”³¹, выступил с громовой передовицей (“Frankf. Ztg.”, 1904, 7 Apr., № 97, Abendblatt^c), которая показывает, что бессовестные плагиаты из Аксельрода становятся прямо

---

^a *BANNSTRAHL* — АНАФЕМА. ЭТО НЕМЕЦКИЙ ЭКВИВАЛЕНТ РУССКОГО “ОСАДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ” И “ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ЗАКОНОВ”. ЭТО — “СТРАШНОЕ СЛОВО” НЕМЕЦКИХ ОПОРТУНИСТОВ.

^b В высшей степени поучительно сопоставить эти замечания К. Каутского о замене молчаливо признаваемого обычного права формально закрепленным уставным правом со всей той “сменой”, которую переживает наша партия вообще и редакция в частности со времени партийного съезда Ср. речь В. И. Засулич (на съезде Лиги. стр. 66 и след.), которая

вряд ли реализует себе все значение происходящей смены.

с “Франкфуртская Газета”, 1904, 7 апреля, № 97, вечерний выпуск. *Ред.*

какой-то болезнью немецкой печати. Грозные демократы франкфуртской биржи бичуют “самодержавие” в социал-демократической партии, “партийную диктатуру”, “автократическое господство партийного начальства”, эти “отлучения от церкви”, которыми хотят “как бы наказать весь ревизионизм” (вспомните “ложное обвинение в оппортунизме”), это требование “слепого повиновения”, “мертвящей дисциплины”, требование “лакейского подчинения”, превращения членов партии в “политические трупы” (это еще много покрепче будет винтиков и колесиков!). “Всякая личная своеобразность, — негодуют рыцари биржи при виде антидемократических порядков у социал-демократии, — всякая индивидуальность должна, извольте ли видеть, подвергнуться преследованию, потому что они грозят привести к французским порядкам, к жоресизму и мильеранизму, как прямо заявил Зиндерманн, реферировавший по этому вопросу” на партийном съезде саксонских социал-демократов.

Итак, поскольку есть принципиальный смысл в новых словечках новой “Искры” по организационному вопросу, постольку не подлежит никакому сомнению, что смысл этот оппортунистический. Этот вывод подкрепляется и всем анализом нашего партийного съезда, разделившегося на революционное и оппортунистическое крыло, и примером *ВСЕХ* ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, в которых оппортунизм по организационному вопросу выражается в тех же тенденциях, в тех же обвинениях, а сплошь да рядом и в тех же самых словечках. Конечно, национальные особенности различных партий и неодинаковость политических условий в разных странах налагают свой отпечаток, делая немецкий оппортунизм совсем не похожим на французский, французский на итальянский, итальянский на русский. Но однородность основного деления *ВСЕХ* ЭТИХ ПАРТИЙ на революционное и оппортунистическое крыло, однородность хода мысли и тенденций оппортунизма в организационном вопросе выступают отчетливо, несмотря на все указанное различие условий^А. Обилие представителей радикальной интеллигенции в рядах наших марксистов и наших социал-демократов сделало и делает неизбежным наличие порождаемого ее психологией оппортунизма в самых различных областях и в самых различных формах. Мы боролись с оппортунизмом в основных вопросах нашего мирозерцания, в вопросах программы, и полное расхождение в целях неизбежно привело к бесповоротному размежеванию между испортившими наш легальный марксизм либералами и социал-демократами. Мы боролись с оппортунизмом в вопросах тактики, и расхождение с гг. Кричевским и Акимовым по этим менее важным вопросам, естественно, было лишь временным и не сопровождалось никаким образованием различных партий. Мы должны теперь побороть оппортунизм Мартова и Аксельрода в вопросах организационных, еще менее коренных, разумеется, чем вопросы программные и тактические, но выплывших в настоящий момент на авансцену нашей партийной жизни.

Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь “быть согласным” и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч. Оппортунист в вопросах программы, тов. Эд. Бернштейн, “согласен” с революционной программой партии и хотя желал бы, наверное, “коренной реформы” ее, но

---

^а Никто не усомнится в настоящее время, что старое деление русских социал-демократов по вопросам тактики на экономистов и политиков было однородно с делением всей международной социал-демократии на оппортунистов и революционеров, хотя различие между гг. Мартыновым и Акимовым, с одной стороны, и гг. фон-Фольмаром и фон-Эльмом или Жоресом и Мильераном, с другой, очень велико. Точно так же несомненна и однородность основных делений по организационному вопросу, несмотря на громадные различия условий между политически бесправными и политически свободными странами. Крайне характерно, что принципиальная редакция новой “Искры”, бегло коснувшись спора Каутского с Гейне (№ 64), боязливо обошла вопрос о *принципиальных* тенденциях всякого оппортунизма и всякой ортодоксии в организационном вопросе.

считает это несвоевременным, нецелесообразным, не столь важным, как выяснение “общих принципов” “критики” (состоящих главным образом в некритическом заимствовании принципов и словечек у буржуазной демократии). Оппортунист в вопросах тактики, тов. фон-Фольмар, тоже согласен со старой тактикой революционной социал-демократии и тоже ограничивается больше декламацией, поправочками, насмешечками, отнюдь не выступая ни с какой определенной “министералистской” тактикой³². Оппортунисты в вопросах организационных, гг. Мартов и Аксельрод, тоже не дали до сих пор, несмотря на прямые вызовы, никаких определенных принципиальных тезисов, которые могли бы быть “закреплены уставным путем”; они тоже желали бы, безусловно желали бы, “коренной реформы” нашего организационного устава (“Искра” № 58, стр. 2, столбец 3), но предпочтительно они бы занялись сначала “общими вопросами организации” (потому что действительно коренная реформа нашего, несмотря на § 1, все же централистического устава неизбежно привела бы, будучи произведена в духе новой “Искры”, к автономизму, а признаться в своей *принципиальной* тенденции к автономизму тов. Мартову не хочется, конечно, даже и перед самим собой). Их “принципиальная” позиция по организационному вопросу играет, поэтому, всеми цветами радуги: преобладают невинные патетические декламации о самодержавии и бюрократизме, о слепом повиновении, винтиках и колесиках, — декламации настолько невинные, что в них еще очень и очень трудно отделить действительно принципиальный от действительно кооптационного смысла. Но — дальше в лес, больше дров: попытки анализа и точного определения ненавистного “бюрократизма” неизбежно ведут к автономизму, попытки “углубления” и обоснования неминуемо приводят к оправданию отсталости, к хвостизму, к жирондистским фразам. Наконец, в качестве единственного, действительно определенного, и на практике поэтому выступающего особенно ярко (практика всегда идет впереди теории) принципа появляется принцип *анархизма*. Высмеивание дисциплины — автономизм — анархизм, вот та лесенка, по которой то спускается, то поднимается наш организационный оппортунизм, прыгая со ступеньки на ступеньку и искусно увертываясь от вяной определенной формулировки своих принципов^а. Точь-в-точь та же градация наблюдается и на оппортунизме в программе и в тактике: высмеивание “ортодоксии”, правоверия, узости и неподвижности — ревизионистская “критика” и министерализм — буржуазная демократия.

В тесной психологической связи с ненавистью к дисциплине стоит та неумолчная, тягучая нота *обиды*, которая звучит во всех писаниях всех современных оппортунистов вообще и нашего меньшинства в частности. Их преследуют, их теснят, их вышибают, их осаждают, их заезжают. В этих словечках гораздо больше психологической и политической правды, чем, вероятно, подозревал сам автор милой и остроумной шутки насчет заезжаемых и заезжателей³³. Возьмите, в самом деле, протоколы нашего партийного съезда, — вы увидите, что меньшинство это все обиженные, все те, кого когда-либо и за что-либо обижала революционная социал-демократия. Тут бундовцы и рабочедельцы, которых мы “обижали” до того,

---

^a Кто припомнит прения о § 1, тот увидит теперь ясно, что ошибка т. Мартова и т. Аксельрода по § 1 неизбежно приводит, при ее развитии и углублении, к организационному оппортунизму. Основная идея тов. Мартова — самозачисление себя в партию — есть именно ложный “демократизм”, идея построения партии снизу вверх. Наоборот, моя идея “бюрократична” в том смысле, что партия строится сверху вниз, от партийного съезда к отдельным партийным организациям. И психология буржуазного интеллигента, и анархические фразы, и оппортунистическое, хвостистское глубокомыслие — все это наметилось уже в прениях о § I. Тов. Мартов говорит в “Ос. пол.” (стр. 20) о (начавшейся работе мысли” в новой “Искре” Это правда в том отношении, что он и Аксельрод действительно двигают мысль в новом направлении, начиная с § 1. Беда только в том, что направление это оппортунистическое. Чем дальше будут они “работать” в этом направлении, чем чище будет эта работа от кооптационных дрызг, тем глубже они будут увязать в болоте. Тов. Плеханов ясно видел это уже на съезде партии, и в статье “Чего не делать” вторично предостерегал их. я готов-де кооптировать вас даже, только не идите вы по этой дороге, которая ведет исключительно к оппортунизму и к анархизму. — Мартов и Аксельрод не послушались доброго совета: как? не идти? согласиться с Лениным, что кооптация есть одна только дрызга? Никогда! Мы ему покажем, что мы принципиальные люди! — И показали. Показали всем воочию, что, поскольку у них есть новые принципы, это — принципы оппортунизма.

что они ушли со съезда, тут южнорабоченцы, смертельно обиженные умерщвлением организаций вообще и их собственной в частности, тут тов. Махов, которого обижали всякий раз, когда он брал слово (ибо он всякий раз аккуратно срамился) тут, наконец, тов. Мартов и тов. Аксельрод, которых обидели “ложным обвинением в оппортунизме” за § 1 устава и поражением на выборах. И все эти горькие обиды были не случайным результатом непозволительных острот, резких выходов, бешеной полемики, хлопанья дверью и показыванья кулака, как думают и по ею пору очень и очень многие филистеры, а неизбежным политическим результатом всей трехлетней идейной работы “Искры”. Если мы в течение этих трех лет не языком только распутничали, а выражали те убеждения, которые должны перейти в дело, то мы не могли не бороться на съезде с антиискровцами и с “болотом”. А когда мы, вместе с тов. Мартовым, который бился в первых рядах с открытым забралом, переобидели такую кучу народа, — нам оставалось уже совсем немножечко, чуть-чутьочку обидеть тов. Аксельрода и тов. Мартова, чтобы чаша оказалась переполненной. Количество перешло в качество. Произошло отрицание отрицания. Все обиженные забыли взаимные счета, бросились с рыданиями в объятия друг к другу и подняли знамя “восстания против ленинизма”^a.

ВОССТАНИЕ — ПРЕКРАСНАЯ ВЕЩЬ, КОГДА ВОССТАЮТ ПЕРЕДОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРОТИВ РЕАКЦИОННЫХ. КОГДА РЕВОЛЮЦИОННОЕ КРЫЛО ВОССТАЕТ ПРОТИВ ОПОРТУНИСТИЧЕСКОГО, ЭТО ХОРОШО. КОГДА ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ КРЫЛО ВОССТАЕТ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОГО, ЭТО ДУРНО.

Тов. Плеханову приходится участвовать в этом дурном деле в качестве, так сказать, военнопленного. Он старается “сорвать сердце”, вылавливая отдельные неловкие фразы у авторов той или иной резолюции в пользу “большинства”, и восклицает при этом: “Бедный товарищ Ленин! Хороши же его ортодоксальные сторонники!” (“Искра” № 63, приложение).

Ну, знаете ли, т. Плеханов, если я бедствую, то ведь редакция-то новой “Искры” совсем уже нищенствует. Как я ни беден, я еще не дошел до такого абсолютного обнищания, чтобы мне приходилось закрывать глаза на партийный съезд и отыскивать материал для упражнения своего остроумия в резолюциях комитетчиков. Как я ни беден, я в тысячу раз богаче тех, сторонники которых не случайно высказывают ту или

ИНУЮ НЕЛОВКУЮ ФРАЗУ, А ВО ВСЕХ ВОПРОСАХ, И В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ, И В ТАКТИЧЕСКИХ, И В ПРОГРАММНЫХ ДЕРЖАТСЯ УПОРНО И СТОЙКО ПРИНЦИПОВ, ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ПРИНЦИПАМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ. КАК Я НИ БЕДЕН, Я ЕЩЕ НЕ ДОШЕЛ ДО ТОГО, ЧТОБЫ МНЕ ПРИХОДИЛОСЬ *СКРЫВАТЬ ОТ ПУБЛИКИ* ПРЕПОДНОСИМЫЕ МНЕ ПОХВАЛЫ ТАКИХ СТОРОННИКОВ. А РЕДАКЦИИ НОВОЙ “ИСКРЫ” ПРИХОДИТСЯ ДЕЛАТЬ ЭТО.

Знаете ли вы, читатель, что такое Воронежский комитет Российской социал-демократической рабочей партии? Если вы не знаете этого, то почитайте протоколы партийного съезда. Вы узнаете оттуда, что направление этого комитета всецело выражают тов. Акимов и тов. Брукэр, которые боролись по всей линии против революционного крыла партии на съезде и которые десятки раз относимы были к оппортунистам всеми, начиная от тов. Плеханова и кончая тов. Поповым. И вот, этот Воронежский комитет в январском листке своем (№ 12, 1904 г., январь) заявляет:

“В нашей непрестанно растущей партии совершилось в прошлом году крупное и важное для партии событие: состоялся второй съезд РСДРП — представителей ее организаций. Созыв съезда партии дело очень сложное и при условиях монархических очень рискованное, трудное дело, а потому не удивительно, что дело созыва съезда было исполнено *далеко несовершенно*, и сам съезд, хотя прошел совершенно благополучно, но не удовлетворил все требования, которые к нему предъявила партия. Товарищи, которым было поручено конференцией (совещанием) 1902 года созвать съезд — были арестованы и *устраивали съезд лица, выделенные одним только направлением в русской социал-демократии — искрянским*. Многие организации социал-демократов, но не искрянские, не были привлечены к работам съезда: *отчасти потому* задача съезда по выработке программы и устава партии исполнена *крайне несовершенно*, крупные пробелы в уставе, “могущие повести к опасным недоразумениям”, признаются самими участниками съезда. На съезде сами искрянцы раскололись, и многие крупные

---

^А Это удивительное выражение принадлежит тов. Мартову (“Ос. пол.”; стр. 68) Тов. Мартов дожидался того времени, когда он будет сам-пят, чтобы поднять “восстание” против меня одного. Неискусно полемизирует тов. Мартов он хочет уничтожить своего противника тем, что говорит ему величайшие комплименты.

деятели РСДРП нашей, раньше, казалось, целиком принимавшие программу действия “Искры”, сознали нежизненность многих ее взглядов, проводимых *главным образом Лениным и Плехановым*. Хотя на съезде последние и взяли верх, но сила практической жизни, требования реальной работы, в ряду которой стоят и все неискрянцы, быстро исправляют ошибки теоретиков и после съезда уже внесли серьезные поправки. “Искра” *сильно изменилась и обещает* внимательно прислушиваться к требованиям деятелей вообще социал-демократии. Таким образом, *win работы съезда подлежат пересмотру* следующего съезда и, как очевидно для самих участников съезда, не являются удовлетворительными, а *потому и не могущими*. *войти в партию, как непреложные постановления*, но съезд выяснил положение дел в партии, дал большой материал для дальнейшей теоретической и организационной деятельности партии и явился громадным поучительным опытом для общепартийной работы Постановления съезда и устав, им выработанный, будут всеми организациями *приняты во внимание*, но многие *воздержатся руководиться исключительно ими, ввиду их очевидных несовершенств*.

Воронежский комитет, понимая всю важность общепартийной работы, живо *отзывался* на все вопросы по организации съезда. Он сознает всю важность происшедшего на съезде, *приветствует поворот, совершившийся в “Искре”*, сделавшейся Центральным Органом (главным органом). Хотя положение дел в партии и в ЦК нас еще не удовлетворяет, но мы верим, что общими усилиями трудная работа организации партии будет усовершенствована.

Ввиду ложных слухов Воронежский комитет заявляет товарищам, что о выходе Воронежского комитета из партии не может быть и речи. Воронежский комитет прекрасно понимает, каким опасным прецедентом (примером) стал бы выход рабочей организации, какой является Воронежский комитет, из РСДРП и *каким бы это упреком легло на партию* и как бы это было бы невыгодно рабочим организациям, могущим последовать такому примеру. Нам надо не создавать новых расколов, а настойчиво стремиться к объединению всех сознательных рабочих и социалистов в одну партию. Притом второй съезд был съездом очередным, а не учредительным. Исключение из партии может быть лишь по партийному суду, и никакая организация, ни самый Центральный Комитет не имеют права исключать какую-либо социал-демократическую организацию из партии. Больше того, на втором съезде принят восьмой параграф устава, по которому всякая организация в своих местных делах автономна (самостоятельна), а потому *Воронежский комитет имеет полное право проводить свои организационные взгляды в жизнь и в партию*”.

Редакция новой “Искры”, сославшись на этот листок в № 61, перепечатала вторую, набранную крупным шрифтом, часть приведенной тирады; первую же, набранную петитом, часть редакция *предпочла опустить*.

Стыдно стало.

С) НЕЧТО О ДИАЛЕКТИКЕ. ДВА ПЕРЕВОРОТА

Бросая общий взгляд на развитие нашего партийного кризиса, мы легко увидим, что основной состав обеих борющихся сторон все время был, за малыми исключениями, один и тот же. Это была борьба революционного и оппортунистического крыла нашей партии. Но борьба эта проходила самые различные стадии, и точное знакомство с особенностями каждой из этих стадий необходимо иметь всякому, кто хочет разобраться в накопившейся уже громадной литературе, в массе отрывочных указаний, вырванных из связи цитат, отдельных обвинений и пр. и пр.

Перечислим главные стадии, явственно отличающиеся одна от другой: 1) Спор о § 1 устава. Чисто идейная борьба об основных принципах организации. Мы с Плехановым в меньшинстве. Мартов и Аксельрод предлагают оппортунистическую формулировку и оказываются в объятиях оппортунистов. 2) Раскол организации “Искры” по вопросу о списках кандидатов в ЦК: Фомин или Васильев в пятерке, Троцкий или Травинский в тройке. Мы с Плехановым завоевываем большинство (девять против семи), — отчасти именно благодаря тому, что мы были меньшинством по § 1. Коалиция Мартова с оппортунистами подтвердила на деле все мои опасения, вызванные инцидентом с ОК. 3) Продолжение споров о деталях устава. Мартова опять спасают оппортунисты. Мы опять в меньшинстве и отстаиваем права меньшинства в центрах. 4) Семерка крайних оппортунистов уходит со съезда. Мы оказываемся в большинстве и побеждаем коалицию (искровского меньшинства, “болота” и антиискровцев) на выборах. Мартов и Попов отказываются от мест в наших тройках. 5) Послесъездовская дрызга из-за кооптации. Разгул анархического поведения и анархической фразы. Наименее выдержанные и устойчивые элементы в “меньшинстве” берут верх. 6) Плеханов переходит, во избежание раскола, к политике “kill with kindness”. “Меньшинство” занимает редакцию ЦО и Совет и атакует всеми силами ЦК. Дрызга продолжает заполнять все и вся. 7) Первая атака на ЦК отбита. Дрызга начинает как будто несколько затихать. Получается возможность сравнительно спокойно обсуждать два чисто идейные, глубоко волнующие партию, вопроса: а) каково политическое значение и объяснение того деления пашой партии на “большинство” и “меньшинство”, которое сложилось на втором съезде и заменило собой все старью деления? б) каково принципиальное значение новой позиции новой “Искры” по организационному вопросу?

КАЖДАЯ ИЗ ЭТИХ СТАДИЙ ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ СУЩЕСТВЕННО ОТЛИЧНОЙ КОНЪЮНКТУРОЙ БОРЬБЫ И НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ЦЕЛЬЮ АТАКИ; КАЖДАЯ СТАДИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИЗ СЕБЯ, ТАК СКАЗАТЬ, ОТДЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ В ОДНОМ ОБЩЕМ ВОЕННОМ ПОХОДЕ. НЕЛЬЗЯ НИЧЕГО ПОНЯТЬ В НАШЕЙ БОРЬБЕ, ЕСЛИ НЕ ИЗУЧИТЬ КОНКРЕТНОЙ ОБСТАНОВКИ КАЖДОГО СРАЖЕНИЯ. ИЗУЧИВ ЖЕ ЭТО, МЫ ЯСНО УВИДИМ, ЧТО РАЗВИТИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИДЕТ ДИАЛЕКТИЧЕСКИМ ПУТЕМ, ПУТЕМ ПРОТИВОРЕЧИЙ: МЕНЬШИНСТВО СТАНОВИТСЯ БОЛЬШИНСТВОМ, БОЛЬШИНСТВО МЕНЬШИНСТВОМ; КАЖДАЯ СТОРОНА ПЕРЕХОДИТ ОТ ОБОРОНЫ К НАПАДЕНИЮ И ОТ НАПАДЕНИЯ К ОБОРОНЕ; ИСХОДНЫЙ ПУНКТ ИДЕЙНОЙ БОРЬБЫ (§ 1) “ОТРИЦАЕТСЯ”, УСТУПАЯ МЕСТО ВСЕ ЗАПОЛНЯЮЩЕЙ ДРЯЗГЕ^А, НО ЗАТЕМ НАЧИНАЕТСЯ “ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ” И, “УЖИВШИСЬ” КОЕ-КАК, С ГРЕХОМ ПОПОЛАМ, С БОГОДАННОЙ ЖЕНОЙ В РАЗЛИЧНЫХ ЦЕНТРАХ, МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ К ИСХОДНОМУ ПУНКТУ ЧИСТО ИДЕЙНОЙ БОРЬБЫ, НО УЖЕ ЭТОТ “ТЕЗИС” ОБОГАЩЕН ВСЕМИ РЕЗУЛЬТАТАМИ “АНТИТЕЗИСА” И ПРЕВРАТИЛСЯ В ВЫСШИЙ СИНТЕЗИС, КОГДА ИЗОЛИРОВАННАЯ, СЛУЧАЙНАЯ ОШИБКА ПО § 1 ВЫРОСЛА В QUASI-СИСТЕМУ ОПОРТУНИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ПО ОРГАНИЗАЦИОННОМУ ВОПРОСУ, КОГДА СВЯЗЬ ЭТОГО ЯВЛЕНИЯ С ОСНОВНЫМ ДЕЛЕНИЕМ НАШЕЙ ПАРТИИ НА РЕВОЛЮЦИОННОЕ И ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ КРЫЛО ВЫСТУПАЕТ ПЕРЕД ВСЕМИ ВСЕ БОЛЕЕ И БОЛЕЕ НАГЛЯДНО. ОДНИМ СЛОВОМ, НЕ ТОЛЬКО ОВЕС РАСТЕТ ПО ГЕГЕЛЮ, НО И РУССКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ВОЮЮТ МЕЖДУ СОБОЙ ТОЖЕ ПО ГЕГЕЛЮ.

Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: METTERE LA CODA DOVE NON VA IL CARO (ПРОСУНУТЬ ХВОСТ, ГДЕ ГОЛОВА НЕ ЛЕЗЕТ).

ИТОГ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАШЕЙ ПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ СВОДИТСЯ К ДВУМ ПЕРЕВОРОТАМ. ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД БЫЛ НАСТОЯЩИМ ПЕРЕВОРОТОМ, КАК СПРАВЕДЛИВО ОТМЕТИЛ ТОВ. МАРТОВ В СВОЕМ “ЕЩЕ РАЗ В МЕНЬШИНСТВЕ”. ПРАВЫ ТАКЖЕ И ТЕ ОСТРЯКИ ИЗ МЕНЬШИНСТВА, КОТОРЫЕ ГОВОРЯТ: МИР ДВИЖЕТСЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ, ВОТ МЫ И СОВЕРШИЛИ РЕВОЛЮЦИЮ! ОНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СОВЕРШИЛИ ПОСЛЕ СЪЕЗДА РЕВОЛЮЦИЮ; ПРАВДА И ТО, ЧТО МИР, ВООБЩЕ ГОВОРЯ, ДВИЖЕТСЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ. НО КОНКРЕТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАЖДОЙ КОНКРЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЭТИМ ОБЩИМ ИЗРЕЧЕНИЕМ ЕЩЕ НЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ: БЫВАЮТ РЕВОЛЮЦИИ ВРОДЕ РЕАКЦИИ, ПЕРЕФРАЗИРУЯ НЕЗАБВЕННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ НЕЗАБВЕННОГО ТОВ. МАХОВА. НАДО ЗНАТЬ, РЕВОЛЮЦИОННОЕ ИЛИ ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ КРЫЛО ПАРТИИ ЯВЛЯЛОСЬ РЕАЛЬНОЙ СИЛОЙ, СОВЕРШАВШЕЙ ПЕРЕВОРОТ, НАДО ЗНАТЬ, РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЛИ ОПОРТУНИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ВООДУШЕВЛЯЛИ БОРЦОВ, ЧТОБЫ ОПРЕДЕЛИТЬ, ВПЕРЕД ИЛИ НАЗАД ДВИГАЛА “МИР” (НАШУ ПАРТИЮ) ТА ИЛИ ИНАЯ КОНКРЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

НАШ ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД БЫЛ ЕДИНСТВЕННЫМ В СВОЕМ РОДЕ, НЕВИДАННЫМ

---

^А Трудный вопрос о разграничении дрязг и принципиального расхождения решается теперь сам собою все, что относится к кооптации, есть дрязга, все, что относится к анализу борьбы на съезде, к спорам о § 1 и о повороте и оппортунизму и к анархизму, есть принципиальное расхождение.

явлением во всей истории русского революционного движения. Впервые удалось конспиративной революционной партии выйти из потемок подполья на свет божий, показав всем и каждому весь ход и исход пашей внутренней партийной борьбы, весь облик нашей

партии и каждой ее, сколько-нибудь заметной, части в вопросах программы, тактики и организации. Впервые удалось нам освободиться от традиций кружковой распушенности и революционной обывательщины, собрать вместе десятки самых различных групп, зачастую отчаянно враждовавших друг с другом, связанных исключительно силой идеи и готовых (в принципе готовых) пожертвовать всей и всяческой групповой особенностью и групповой самостоятельностью в пользу великого, впервые на деле создаваемого нами, целого: *партии*. Но в политике жертвы не даются даром, а берутся с боя. Бой из-за умерщвления организаций неизбежно вышел страшно ожесточенным. Свежий ветер открытой свободной борьбы превратился в вихрь. Этот вихрь смел — и прекрасно, что смел! — все и всяческие остатки всех без исключения кружковщинских интересов, чувств и традиций, создав впервые действительно партийные должностные коллегии.

Но одно дело называться, другое дело быть. Одно дело жертвовать в принципе кружковщиной в пользу партии, другое дело отказываться от своего кружка.. Свежий ветер оказался еще слишком свеж для привыкших к затхлой обывательщине. “Партия не вынесла своего первого конгресса”, как справедливо выразился (нечаянно справедливо выразился) т. Мартов в своем “Еще раз в меньшинстве”. Обида за умерщвление организаций была слишком сильна. Бешеный вихрь поднял всю муть со дна нашего партийного потока, и эта муть взяла реванш. Старая заскорузлая кружковщина осилила молодую еще партийность. Разбитое наголову оппортунистическое крыло партии одержало — временно, конечно, — верх над революционным крылом, подкрепившись случайной акимовской добычей.

В итоге получилась новая “Искра”, вынужденная развивать и углублять ошибку, сделанную ее редакторами на съезде партии. Старая “Искра” учила истинам революционной борьбы. Новая “Искра” учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости. Старая “Искра” была органом воинствующей ортодоксии. Новая “Искра” преподносит нам отрывку оппортунизма — главным образом в вопросах организационных. Старая “Искра” заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западноевропейских оппортунистов. Новая “Искра” “поумнела” и скоро перестанет стыдиться похвал, расточаемых по ее адресу крайними оппортунистами. Старая “Искра” неуклонно шла к своей цели, и слово не расходилось у нее с делом. В повой “Искре” внутренняя фальшь ее позиции неизбежно порождает — независимо даже от чьей бы то ни было воли и сознания — политическое лицемерие. Она кричит против кружковщины, чтобы прикрыть победу кружковщины над партийностью. Она фарисейски осуждает раскол, как будто бы можно было представить себе какое-либо другое средство против раскола в сколько-нибудь организованной сколько-нибудь партии, кроме подчинения меньшинства большинству. Она заявляет о необходимости считаться с революционным общественным мнением и, скрывая похвалы Акимовых, занимается мелким сплетничеством про комитеты революционного крыла партии^А. Какой позор! Как они осрамили нашу старую “Искру”!

Шаг вперед, два шага назад... Это бывает и в жизни индивидуумов, и в истории наций, и в развитии партий. Было бы преступнейшим малодушием усомниться хоть на минуту в неизбежном, полном торжестве принципов революционной социал-демократии, пролетарской организации и партийной дисциплины. Мы завоевали уже очень многое, мы должны бороться и дальше, не падая духом при неудачах, бороться выдержанно, презирая обывательские приемы кружковой свалки, до последней возможности охраняя созданную с такими усилиями единую партийную связь всех социал-демократов России и добиваясь упорным и систематическим трудом полного и сознательного ознакомления всех членов партии и рабочих в особенности с партийными обязанностями, с борьбой на II партийном съезде, со всеми причинами и перипетиями нашего расхождения, со всей гибельностью оппортунизма, который и в области организационного дела так же беспомощно пасует перед буржуазной психологией, так же некритически перенимает точку зрения буржуазной

А Для этого милого занятия выработалась уже и стереотипная форма: наш собственный корреспондент X сообщает про комитет большинства Y, что он дурно обошелся с товарищем из меньшинства Z.

классовой борьбы пролетариата, как и в области нашей программы и нашей тактики.

У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно “на дно” полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, спланивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала. Эта армия все теснее и теснее будет смыкать свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад, несмотря на оппортунистические фразы жирондистов современной социал-демократии, несмотря на самодовольное восхваление отсталой кружковщины, несмотря на блестящие и шумиху *интеллигентского* анархизма.

Приложение

ИНЦИДЕНТ ТОВ. ГУСЕВА С ТОВ. ДЕЙЧЕМ

Сущность этого инцидента, тесно связанного с так называемым “фальшивым” (по выражению тов. Мартова) списком, упомянутым в письме тт. Мартова и Старовера, которое приведено в тексте § 1, состоит в следующем. Тов. Гусев сообщил тов. Павловичу, что этот список, состоявший из тт. Штейна, Егорова, Попова, Троцкого и Фомина, был передан ему, Гусеву, тов. Дейчем (стр. 12 “Письма” тов. Павловича). Тов. Дейч обвинил за это сообщение тов. Гусева в “умышленной клевете”, и товарищеский третейский суд признал “сообщение” тов. Гусева “*неправильным*” (см. резолюцию суда в № 62 “Искры”). После того, как редакция “Искры” напечатала резолюцию суда, тов. Мартов (уже не реакция) выпустил отдельный листок под заглавием: “Резолюция товарищеского третейского суда”, где перепечатал целиком не только резолюцию суда, но и полный отчет обо всем разборе дела, а также *свое послесловие*. В этом послесловии тов. Мартов, между прочим, называет “позорным” “факт подделки списка в интересах фракционной борьбы”. На этот листок ответили делегаты II съезда тт. Лядов и Горин листком под заглавием: “Четвертое лицо в третейском суде”, где они “энергично протестуют против того, что тов. Мартов позволяет себе идти дальше решений суда, приписывая тов. Гусеву дурные мотивы”, тогда как суд наличности умышленной клеветы не признал, а постановил исключительно, что сообщение тов. Гусева неправильно. Тт. Горин и Лядов подробно объясняют, что сообщение тов. Гусева могло быть вызвано вполне естественной ошибкой, и характеризуют, как “*недостойное*”, поведение тов. Мартова, который сам делал (и делает в своем листке) ряд ошибочных заявлений, произвольно приписывая тов. Гусеву дурной умысел. Дурного умысла, говорят они, тут вообще и быть не могло. Вот, если я не ошибаюсь, вся “литература” по этому вопросу, содействовать разъяснению которого я считаю своим долгом.

Прежде всего, необходимо, чтобы читатель дал себе точный отчет относительно времени и условий возникновения этого списка (списка кандидатов в ЦК). Как я уже указывал в тексте, организация “Искры” совещалась на съезде относительно списка кандидатов в ЦК, каковой список она могла бы сообща предложить съезду. Совещание

кончилось расхождением; большинство организации “Искры” приняло список: Травинский, Глебов, Васильев, Попов и Троцкий, но меньшинство не пожелало уступить, настаивая на списке: Травинский, Глебов, Фомин, Попов, Троцкий. Обе части организации “Искры” не собирались уже вместе после того собрания, на котором были выдвинуты и провоцированы эти списки. Обе части пошли в свободную агитацию на съезде, желая решить разделявший их спорный вопрос вотумом всего партийного съезда и стараясь привлечь возможно большее число делегатов на свою сторону. Эта свободная агитация на съезде сразу обнаружила тот политический факт, который так подробно проанализирован мной в тексте, именно: необходимость для меньшинства искровцев (с Мартовым во главе) опереться на “центр” (болото) и на антиискровцев для победы над нами. Это было необходимо, потому что громадное большинство делегатов, последовательно отстаивавших программу, тактику и организационные планы “Искры” против натиска антиискровцев и “центра”, очень быстро и очень твердо встало на нашу сторону. Из 33 делегатов (точнее: голосов), не принадлежащих ни к антиискровцам, ни к “центру”, мы очень быстро завоевали себе 24 и заключили “прямое соглашение” с ними, образовали “компактное большинство”. Товарищ же Мартов оставался всего с девятью голосами; для победы ему необходимы были все голоса антиискровцев и “центра”, с каковыми группами он мог идти вместе (как и по § 1 устава), мог “коалировать”, т. е. мог иметь их поддержку, но *не мог* заключить прямого соглашения, не мог именно потому, что в течение всего съезда он не менее резко, чем мы, боролся с этими группами. В этом-то и состоял трагизм положения тов. Мартова! Тов. Мартов хочет уничтожить меня в своем “Осадном положении” убийственно ядовитым вопросом: “почтительно просим тов. Ленина прямо ответить на вопрос: посторонним кому являлся па съезде “Южный рабочий”?” (стр. 23, прим.). Отвечаю почтительно и прямо: посторонним по отношению к тов. Мартову. Доказательство: я очень быстро заключил прямое соглашение с искровцами, а тов. Мартов не заключил и не мог заключить прямого соглашения ни с “Южным рабочим”, ни с тов. Маховым, ни с тов. Брукэром.

Только уяснив себе эту политическую ситуацию, можно понять, в чем “гвоздь” больного вопроса о пресловутом “фальшивом” списке. Представьте себе конкретно положение дела: организация “Искры” раскололась, и мы свободно агитируем на съезде, защищая свои списки. При этой защите в массе отдельных частных бесед списки комбинируются на сотни ладов, вместо пятерки намечают тройку, предлагают всевозможные замены одного кандидата другим. Я, например, хорошо помню, что в частных беседах большинства выдвигались и затем, после обсуждения и споров, отклонялись кандидатуры тт. Русова, Осипова, Павловича, Дедова. Очень может быть, что выдвигались и другие, неизвестные мне, кандидатуры. Каждый делегат съезда высказывал в беседах свое мнение, предлагал поправки, спорил и т. д. В высшей степени трудно предположить, чтобы это имело место исключительно среди большинства. Даже несомненно, что среди меньшинства происходило то же самое, ибо первоначальная их пятерка (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский) заменилась потом, как мы видели из письма тт. Мартова и Старовера, тройкой: Глебов, Троцкий, Попов, причем Глебов им не нравился, и они охотно заменяли его Фоминым (см. листок тт. Лядова и Горина). Не надо забывать, что те группы, на которые я делю делегатов съезда в тексте брошюры, размежеваны мной на основании анализа, произведенного *post factum*: в действительности же эти группы в предвыборной агитации только намечались, и обмен мнений между делегатами шел совершенно свободно; никакой “стены” между нами не было, и каждый говорил с любым делегатом, с кем он только желал говорить частным образом. Нет ровно ничего удивительного в том, что при такой обстановке среди всевозможных комбинаций и списков возник, наряду со списком меньшинства организации “Искры” (Попов, Троцкий, Фомин, Глебов, Травинский), не очень много отличающийся от него список: Попов, Троцкий, Фомин, Штейн и Егоров. Возникновение такой комбинации кандидатов в высшей степени естественно, потому что наши кандидаты, Глебов и Травинский, заведомо не нравились меньшинству организации “Искры” (см. их письмо в тексте § 1, где они удаляют из тройки Травинского, а про Глебова прямо говорят,

что это — компромисс). Замена Глебова и Травинского членами Орг. комитета, Штейном и Егоровым, была совершенно натуральна, и было бы странно, если бы никому из делегатов партийного меньшинства не пришла в голову идея такой замены.

РАССМОТРИМ ТЕПЕРЬ ДВА СЛЕДУЮЩИЕ ВОПРОСА: 1) ОТ КОГО ИСХОДИЛ СПИСОК: ЕГОРОВ, ШТЕЙН, ПОПОВ, ТРОЦКИЙ, ФОМИН? И 2) ПОЧЕМУ ТОВ. МАРТОВ ГЛУБОКО ВОЗМУЩАЛСЯ ПРИПИСЫВАНЬЕМ ЕМУ ТАКОГО СПИСКА? ЧТОБЫ ОТВЕТИТЬ *ТОЧНО* НА ПЕРВЫЙ ВОПРОС, НЕОБХОДИМО БЫЛО БЫ ПРОИЗВЕСТИ ОПРОС ВСЕХ ДЕЛЕГАТОВ СЪЕЗДА. ТЕПЕРЬ ЭТО НЕВОЗМОЖНО. НЕОБХОДИМО БЫЛО БЫ, В ОСОБЕННОСТИ, ВЫЯСНИТЬ, КАКИЕ ДЕЛЕГАТЫ ПАРТИЙНОГО МЕНЬШИНСТВА (НЕ НАДО СМЕШИВАТЬ ЕГО С МЕНЬШИНСТВОМ ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ”) СЛЫШАЛИ НА СЪЕЗДЕ О СПИСКАХ, ВЫЗВАВШИХ РАСКОЛ ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ”? КАК ОТНЕСЛИСЬ ОНИ К ОБОИМ СПИСКАМ БОЛЬШИНСТВА И МЕНЬШИНСТВА ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ”? НЕ ПРЕДЛАГАЛИ ЛИ И НЕ СЛЫХАЛИ ЛИ КАКИХ-ЛИБО ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ ИЛИ МНЕНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ЖЕЛАТЕЛЬНОГО ВИДОИЗМЕНЕНИЯ СПИСКА МЕНЬШИНСТВА ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ”? К СОЖАЛЕНИЮ, ЭТИ ВОПРОСЫ НЕ БЫЛИ ПРЕДЛОЖЕНЫ, ПО-ВИДИМОМУ, И НА ТРЕТЕЙСКОМ СУДЕ, КОТОРОМУ (СУДЯ ПО ТЕКСТУ РЕШЕНИЯ) ОСТАЛОСЬ ДАЖЕ НЕИЗВЕСТНЫМ, ИЗ-ЗА КАКИХ “ПЯТЕРОК” РАЗОШЛАСЬ ОРГАНИЗАЦИЯ “ИСКРЫ”. ТОВ. БЕЛОВ, НАПРИМЕР (ОТНОСИМЫЙ МНОЙ К “ЦЕНТРУ”), “ПОКАЗАЛ, ЧТО ОН БЫЛ В ДОБРЫХ ТОВАРИЩЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ С ДЕЙЧЕМ, КОТОРЫЙ ДЕЛИЛСЯ С НИМ СВОИМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ ПО ПОВОДУ РАБОТ СЪЕЗДА, И ЕСЛИ БЫ ДЕЙЧ ВЕЛ КАКУЮ-ЛИБО АГИТАЦИЮ ЗА ТОТ ИЛИ ДРУГОЙ СПИСОК, ТО ОН СООБЩИЛ БЫ ОБ ЭТОМ И БЕЛОВУ”. НЕЛЬЗЯ НЕ ПОЖАЛЕТЬ, ЧТО ОСТАЛОСЬ НЕВЫЯСНЕННЫМ, ДЕЛИЛСЯ ЛИ ТОВ. ДЕЙЧ НА СЪЕЗДЕ С ТОВ. БЕЛОВЫМ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ ПО ПОВОДУ СПИСКОВ ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ”? И ЕСЛИ ДА, ТО КАК ОТНОСИЛСЯ ТОВ. БЕЛОВ К ПЯТЕРНОМУ СПИСКУ МЕНЬШИНСТВА ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ”? НЕ ПРЕДЛАГАЛ ЛИ ИЛИ НЕ СЛЫХАЛ ЛИ О КАКИХ-ЛИБО ЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В НЕМ? БЛАГОДАРЯ НЕВЫЯСНЕННОСТИ ЭТОГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОЛУЧАЕТСЯ ТО ПРОТИВОРЕЧИЕ В ПОКАЗАНИЯХ ТТ. БЕЛОВА И ДЕЙЧА, КОТОРОЕ УЖЕ ОТМЕТИЛИ ТТ. ГОРИН И ЛЯДОВ, ИМЕННО, ЧТО ТОВ. ДЕЙЧ, ВОПРОКИ СВОИМ УТВЕРЖДЕНИЯМ, “ПЕЛ АГИТАЦИЮ В ПОЛЬЗУ ТЕХ ИЛИ ДРУГИХ КАНДИДАТОВ ЦК”, НАМЕЧЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЕЙ “ИСКРЫ”. ТОВ. БЕЛОВ ПОКАЗЫВАЕТ ДАЛЕЕ, ЧТО “О ЦИРКУЛИРОВАВШЕМ НА СЪЕЗДЕ СПИСКЕ ОН УЗНАЛ, ЧАСТНЫМ ОБРАЗОМ, ДНЯ ЗА ДВА ДО ОКОНЧАНИЯ СЪЕЗДА, ВСТРЕТИВШИСЬ С ТТ. ЕГОРОВЫМ, ПОПОВЫМ И ДЕЛЕГАТАМИ ХАРЬКОВСКОГО КОМИТЕТА. ПРИ ЭТОМ ЕГОРОВ ВЫРАЗИЛ УДИВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ТОГО, ЧТО ЕГО ИМЯ ПОМЕЩЕНО В СПИСКЕ КАНДИДАТОВ В ЦК, ТАК КАК ПО ЕГО, ЕГОРОВА, МНЕНИЮ, ЕГО КАНДИДАТУРА НЕ МОГЛА БЫ ВСТРЕТИТЬ СОЧУВСТВИЯ СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ НА СЪЕЗДЕ, КАК БОЛЬШИНСТВА, ТАК И МЕНЬШИНСТВА”. КРАЙНЕ ХАРАКТЕРНО, ЧТО ЗДЕСЬ ГОВОРИТСЯ, ОЧЕВИДНО, О МЕНЬШИНСТВЕ ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ”, ИБО СРЕДИ ОСТАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА КАНДИДАТУРА ТОВ. ЕГОРОВА, ЧЛЕНА ОК И ВИДНОГО ОРАТОРА “ЦЕНТРА”, НЕ ТОЛЬКО МОГЛА, НО, ПО ВСЕЙ ВЕРОЯТНОСТИ, ДОЛЖНА БЫЛА БЫ ВСТРЕТИТЬ СОЧУВСТВИЕ. К СОЖАЛЕНИЮ, ИМЕННО О СОЧУВСТВИИ ИЛИ НЕСОЧУВСТВИИ ТЕХ ЧЛЕНОВ ПАРТИЙНОГО МЕНЬШИНСТВА, КОТОРЫЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖАЛИ К ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ”, МЫ НЕ УЗНАЕМ НИЧЕГО ОТ ТОВ. БЕЛОВА. А МЕЖДУ ТЕМ ЭТОТ-ТО ВОПРОС И ВАЖЕН, ИБО ТОВ. ДЕЙЧ ВОЗМУЩАЛСЯ ПРИПИСЫВАНИЕМ ЭТОГО СПИСКА МЕНЬШИНСТВУ ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ”, А СПИСОК МОГ ИСХОДИТЬ ОТ МЕНЬШИНСТВА, НЕ ПРИНАДЛЕЖАВШЕГО К ЭТОЙ ОРГАНИЗАЦИИ!

Разумеется, в настоящее время очень трудно припомнить, кто первый высказал предположение о такой комбинации кандидатов и от кого услышал об ней каждый из нас. Я, напр., не берусь припомнить не только этого, но и того, кто именно из большинства первый выдвинул упоминавшиеся мной кандидатуры Русова, Дедова и других: из массы разговоров, предположений, слухов о всевозможных комбинациях кандидатов в моей памяти запечатлелись только те “списки”, которые прямо ставились на вот в организации “Искры” или на частных собраниях большинства. “Списки” эти большей частью передавались устно (в моем “Письме в редакцию “Искры””, стр. 4, строка 5 снизу, я называю “списком” именно устно предложенную мной на собрании комбинацию пяти кандидатов), но сплошь да рядом заносились и на записки, которые вообще посылались от делегата к делегату во время

заседаний съезда и уничтожались обыкновенно после заседания.

РАЗ НЕТ ТОЧНЫХ ДАННЫХ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРЕСЛОВУТОГО СПИСКА, ОСТАЕТСЯ ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО ЛИБО НЕИЗВЕСТНЫЙ МЕНЬШИНСТВУ ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ” ДЕЛЕГАТ ПАРТИЙНОГО МЕНЬШИНСТВА ВЫСКАЗАЛСЯ ЗА ТАКУЮ КОМБИНАЦИЮ КАНДИДАТОВ, КОТОРУЮ МЫ ИМЕЕМ В ЭТОМ СПИСКЕ, И ЭТА КОМБИНАЦИЯ, В УСТНОМ И ПИСЬМЕННОМ ВИДЕ, ПОШЛА ГУЛЯТЬ ПО СЪЕЗДУ; ЛИБО ЗА ЭТУ КОМБИНАЦИЮ ВЫСКАЗАЛСЯ НА СЪЕЗДЕ КТО-ЛИБО ИЗ ЧЛЕНОВ МЕНЬШИНСТВА ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ”, ВПОСЛЕДСТВИИ ЗАБЫВШИЙ ОБ ЭТОМ. БОЛЕЕ ВЕРОЯТНЫМ МНЕ КАЖЕТСЯ ВТОРОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, И ВОТ ПОЧЕМУ: КАНДИДАТУРА ТОВ. ШТЕЙНА, *НЕСОМНЕННО*, ВСТРЕЧАЛА ЕЩЕ НА СЪЕЗДЕ СОЧУВСТВИЕ МЕНЬШИНСТВА ОРГАНИЗАЦИИ “ИСКРЫ” (СМ. В ТЕКСТЕ МОЕЙ БРОШЮРЫ), А К ИДЕЕ О КАНДИДАТУРЕ ТОВ. ЕГОРОВА ЭТО МЕНЬШИНСТВО, НЕСОМНЕННО, ПРИШЛО ПОСЛЕ СЪЕЗДА (ИБО И НА СЪЕЗДЕ ЛИГИ И В “ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ” ВЫРАЖАЕТСЯ СОЖАЛЕНИЕ О НЕУТВЕРЖДЕНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА ЦЕНТРАЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ, А ТОВ. ЕГОРОВ БЫЛ ЧЛЕНОМ ОК). НЕ ЕСТЕСТВЕННО ЛИ ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО ЭТА, НОСИВШАЯСЯ, ОЧЕВИДНО, В ВОЗДУХЕ, ИДЕЯ О ПРЕВРАЩЕНИИ ЧЛЕНОВ ОК В ЧЛЕНЫ ЦК БЫЛА ВЫСКАЗАНА КЕМ-НИБУДЬ ИЗ ЧЛЕНОВ МЕНЬШИНСТВА В ЧАСТНОМ РАЗГОВОРЕ И НА СЪЕЗДЕ ПАРТИИ?

Но тов. Мартов и тов. Дейч склонны, вместо естественного объяснения, усматривать непременно какую-то *грязь*, подвох, нечто нечестное, распространение “*заведомо ложных слухов с целью опорочить*”, “*подделку в интересах фракционной борьбы*” и т. п. Это болезненное стремление может быть объяснено только нездоровыми условиями эмигрантской жизни или ненормальным состоянием нервов, и я не стал бы даже и останавливаться на этом вопросе, если бы дело не дошло до недостойного посягательства на честь товарища. Подумайте только: какие основания могли быть у гг. Дейча и Мартова искать грязного, дурного умысла в неверном сообщении, в неверном слухе? Их болезненное воображение нарисовало им, очевидно, такую картину, что большинство “порочило” их не указанием на политическую ошибку меньшинства (§ 1 и коалиция с оппортунистами), а приписываньем меньшинству “заведомо ложных”, “подделанных” списков. Меньшинство предпочитало объяснить дело не своей ошибкой, а грязными, нечестными, позорными приемами большинства! До какой степени безрассудно искать дурного умысла в “неправильном сообщении”, это мы показали уже и выше, обрисовав обстановку дела; это ясно видел и товарищеский третейский суд, который никакой клеветы и ничего злоумышленного, ничего позорного не констатировал. Это, наконец, всего нагляднее доказывается тем фактом, что уже на съезде партии, еще до выборов, меньшинство организации “Искры” объяснялось с большинством по поводу неверного слуха, а тов. Мартов объяснялся даже в письме, которое было прочтено на собрании всех 24 делегатов большинства! Большинство и не думало скрывать от меньшинства организации “Искры”, что на съезде циркулирует такой-то список: тов. Ленский сказал об этом тов. Дейчу (см. решение суда), тов. Плеханов говорил об этом тов. Засулич (“с ней невозможно говорить, она, кажется, принимает меня за Тренева” — сказал мне тов. Плеханов, и эта шутка, много раз повторявшаяся, показывает еще раз ненормальное возбуждение меньшинства), я заявил тов. Мартову, что его утверждения (о непринадлежности списка ему, Мартову) для меня достаточно (протоколы Лиги, стр. 64). Тогда тов. Мартов (помнится, вместе с тов. Старовером) прислал нам записку в бюро следующего приблизительно содержания: “Большинство редакции “Искры” просит допустить его на частное собрание большинства для опровержения распространяемых против него позорящих слухов”. Мы с Плехановым ответили на этой же записке: “Никаких позорящих слухов мы не слышали. Если требуется собрание редакции, то об этом надо условиться особо. Ленин. Плеханов”. Придя вечером на собрание большинства, мы рассказали об этом всем 24-м делегатам. Чтобы устранить возможность всяких недоразумений, решено было выбрать сообща делегатов от всех нас 24-х и послать этих делегатов объясниться с гг. Мартовым и Старовером. Выбранные делегаты, гг. Сорокин и Саблина, пошли и объяснили, что никто специально Мартову или Староверу списка не приписывает, особенно после их заявления, и что вовсе неважно, от

меньшинства ли организации “Искры” или от не принадлежащего к этой организации меньшинства съезда исходит так или иначе этот список. Ведь не дознание же, в самом деле, производить на съезде! не опрашивать же всех делегатов насчет такого списка! Но тт. Мартов и Старовер, кроме того, написали нам еще письмо с формальным опровержением (см. § 1). Письмо это наши уполномоченные, тт. Сорокин и Саблина, прочли на собрании 24-х. Казалось бы, инцидент можно уже считать законченным, — законченным не в смысле розысков о происхождении списка (если это кому интересно), а в смысле полнейшего устранения всякой мысли о каком бы то ни было намерении “повредить меньшинству” или “опорочить” кого-либо или воспользоваться “подделкой в интересах фракционной борьбы”. Между тем тов. Мартов в Лиге (стр. 63—64) опять вытаскивает эту вымученную больным воображением грязь, причем делает целый ряд *неправильных сообщений* (очевидно, вследствие своего возбужденного состояния). Он говорил, что в списке был бундовец. Это неверно. Все свидетели на третейском суде, и тт. Штейн и Белов в том числе, подтверждают, что список был с тов. Егоровым. Тов. Мартов говорил, что список означал коалицию в смысле прямого соглашения. Это неверно, как я уже объяснил. Тов. Мартов говорит, что других списков, исходящих от меньшинства организации “Искры” (и способных оттолкнуть от этого меньшинства большинство съезда), “не было даже и подделано”. Это неверно, ибо все большинство партийного съезда знало не менее трех списков, исходивших от тов. Мартова и К° и не встретивших одобрения большинства (см. листок Лядова и Горина).

Почему так возмущал вообще этот список тов. Мартова? Потому, что список означал поворот к правому крылу партии. Тогда тов. Мартов вопиял против “ложного обвинения в оппортунизме”, возмущался “неправильной характеристикой его политической позиции”, а теперь все и каждый видят, что вопрос о принадлежности известного списка тов. Мартову и тов. Дейчу никакого политического значения сыграть не мог, что *по существу, независимо ни от этого, ни от какого другого списка*, обвинение было не ложно, а истинно, характеристика политической позиции была совершенно правильна.

Итог этого тяжелого, вымученного дела о пресловутом фальшивом списке получается следующий:

1) Посягательство тов. Мартова на честь тов. Гусева посредством криков о “позорном факте подделки списка в интересах фракционной борьбы” нельзя не назвать, вместе с тт. Гориным и Лядовым, недостойным.

2) В интересах оздоровления атмосферы и избавления членов партии от обязанности брать всерьез всякие больные выходки, может быть, следовало бы на третьем съезде установить такое правило, которое есть в организационном уставе немецкой соц.-дем. рабочей партии. § 2 этого устава гласит: “К партии не может принадлежать тот, кто оказался виновным в грубом нарушении принципов партийной программы или в бесчестном поступке. Вопрос о дальнейшей принадлежности к партии решает третейский суд, созываемый партийным правлением. Половину судей назначает тот, кто предлагает исключение, другую половину — тот, кого хотят исключить, а председателя назначает правление партии. Апелляция на решение третейского суда допускается в контрольную комиссию или в партийный съезд”. Подобное правило может послужить хорошим орудием борьбы против всех тех, кто легкомысленно бросает обвинения (или распространяет слухи) относительно чего бы то ни было бесчестного. При существовании такого правила все такие обвинения раз навсегда относимы были бы к недостойным сплетням, пока у тех, кто обвиняет, не находится нравственного мужества выступить *перед партией* в роли обвинителя и добиваться вынесения вердикта подлежащим партийным учреждением.

---

¹ Книгу “Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)” В. И. Ленин готовил

в течение нескольких месяцев, тщательно изучая изданные в январе 1904 года протоколы заседаний и резолюции II съезда РСДРП, выступления каждого делегата, сложившиеся на съезде политические группировки, а также документы ЦК и Совета партии. В настоящем томе в разделе “Подготовительные материалы” приводятся ленинские документы (“Набросок конспекта протоколов II съезда РСДРП”, “Характеристика делегатов по протоколам”, “Группировки и типы голосований на II съезде РСДРП” и др.), свидетельствующие о большом объеме подготовительной исследовательской работы, которую проделал Ленин при создании книги “Шаг вперед, два шага назад”. В апреле 1904 года наступает завершающая стадия работы над книгой “Шаг вперед, два шага назад”. 8 апреля (н. ст.) Н. К. Крупская в письме одному из членов Нижегородского комитета сообщала: “В конце этого месяца будет готова брошюра Ленина (увесистая, листов 8—9) о съезде и положении дел в партии. Она, надо думать, вполне выяснит позицию большинства, у меня даже есть надежда, что она рассеет несколько ту теоретическую сумятицу, которая теперь царит в партии” (Ленинский сборник XV, стр. 15). В мае 1904 года книга Ленина вышла из печати.

В этом произведении Ленин нанес сокрушительный удар оппортунизму меньшевиков в организационных вопросах. Огромное историческое значение книги состоит прежде всего в том, что в ней Ленин, развивая дальше марксистское учение о партии, разработал организационные принципы пролетарской революционной партии; впервые в истории марксизма дал исчерпывающую критику организационного оппортунизма, показав особую опасность принижения значения организации для рабочего движения.

Книга вызвала злобные нападки со стороны меньшевиков. Плеханов потребовал от ЦК отмежеваться от книги Ленина, а примиренцы в ЦК пытались задержать ее печатание и распространение.

Вопреки всем стараниям оппортунистов, работа Ленина “Шаг вперед, два шага назад” получила широкое распространение среди передовых рабочих России. По данным Департамента полиции эту книгу находили при арестах и обысках в Москве, Петербурге, Киеве, Риге, Саратове, Туле, Орле, Уфе, Перми, Костроме, Щиграх, Шавлях (Ковенской губ.) и др.

Книга “Шаг вперед, два шага назад” была вновь издана Лениным в сборнике “За 12 лет” в 1907 (на титульном листе: 1908) году. В предисловии к этому сборнику Ленин писал: “Брошюра “Шаг вперед, два шага назад” вышла в Женеве летом 1904 года. Она описывает первую стадию раскола между меньшевиками и большевиками, начавшегося на втором съезде (август 1903 года)... Существенным кажется мне здесь анализ борьбы тактических и других взглядов на втором съезде и полемика с организационными взглядами меньшевиков: то и другое необходимо для понимания меньшевизма и большевизма, как течений, наложивших свой отпечаток на всю деятельность рабочей партии в нашей революции” (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 92).

В настоящем томе текст работы печатается по первому изданию книги 1904 года, сверенному с ленинской рукописью, с сохранением внесенных автором дополнений к изданию 1907 года.

² *Конференция 1902 года* — конференция представителей комитетов и организаций РСДРП, состоялась 23—28 марта (5—10 апреля) 1902 года в Белостоке. На конференции были представлены Петербургский и Екатеринославский комитеты РСДРП, “Союз южных комитетов и организаций РСДРП”, ЦК Бунда и его Заграничный комитет, “Союз русских социал-демократов за границей” и редакция “Искры” (ее представитель, Ф. И. Дан, имел мандат от “Заграничной лиги русской революционной социал-демократии”). По вине организаторов конференции — “экономистов” делегат редакции “Искры” Дан опоздал к началу конференции, а представитель русской

Организации “Искры” Ф. В. Ленгник вообще не попал на конференцию, хотя в Белосток приехал своевременно; представитель Нижегородского комитета (искровского направления) А. И. Пискунов, приехавший в Белосток раньше Дана, заявил протест по поводу отсутствия на конференции представителей организаций искровского направления и вскоре уехал. “Экономисты” и поддерживавшие их бундовцы намеревались превратить конференцию во II съезд РСДРП, рассчитывая укрепить таким путем свое положение в рядах русской социал-демократии и парализовать растущее влияние “Искры”. Эта попытка, однако, не удалась как из-за сравнительно узкого состава конференции (было представлено только четыре из действовавших в России организаций РСДРП), так и из-за обнаружившихся на конференции глубоких принципиальных разногласий; в частности, с резкими возражениями против превращения конференции в партийный съезд выступал делегат “Искры”, доказывая неправомочность и неподготовленность такого съезда.

На Белостокской конференции были приняты резолюции о конституировании и принципиальная резолюция, предложенная делегатом. ЦК Бунда, с поправками представителя “Союза южных комитетов и организаций РСДРП” (делегат “Искры”, предложивший свой проект принципиальной резолюции, голосовал против проекта бундовца); был также утвержден текст первомайского листка, в основу которого был положен проект, выработанный редакцией “Искры”. (См. “КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК”, ч. I, 1954, стр. 28—31.) Конференция избрала Организационный комитет для подготовки II съезда партии в составе представителей “Искры” (Ф. И. Дан), “Союза южных комитетов и организаций РСДРП” (О. А. Ерманский) и ЦК Бунда (К. Портной). Вскоре после конференции большинство ее делегатов, в том числе два члена ОК, были арестованы полицией. Новый Организационный комитет для подготовки II съезда РСДРП был образован в ноябре 1902 года в Пскове на совещании представителей Петербургского комитета РСДРП, русской организации “Искры” и группы “Южный рабочий”.

³ “Рабочая мысль” — группа “экономистов”; издавала газету под тем же названием. Газета выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года; редактировалась К. М. Тахтаревым и др. Вышло 16 номеров.

Группа “Рабочая мысль” проповедовала откровенно оппортунистические взгляды. Она выступала против политической борьбы рабочего класса, ограничивая его задачи “интересами минуты”, требованиями отдельных частных реформ, главным образом экономического характера. Преклоняясь перед стихийностью рабочего движения, представители “Рабочей мысли” выступали против создания самостоятельной пролетарской партии. Они принижали значение революционной теории, сознательности, утверждали, что социалистическая идеология может возникнуть из стихийного движения.

Критику взглядов группы “Рабочая мысль” как русской разновидности международного оппортунизма Ленин дал в статье “Попытное направление в русской социал-демократии”, в книге “Что делать?” (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 240—273 и том 6, стр. 1—192), а также в статьях, опубликованных в газете “Искра”.

⁴ Редакция меньшевистской “Искры” поместила в приложении к № 57 “Искры” от 15 января 1904 года статью бывшего “экономиста” А. Мартынова, в которой тот выступал против организационных принципов большевизма и делал выпады в отношении В. И. Ленина. В примечании к статье Мартынова редакция “Искры”, делая формальную оговорку о несогласии с некоторыми мыслями автора, в целом одобрила эту статью и согласилась с основными положениями Мартынова.

⁵ См. “КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК”, ч. I, 1954, стр. 43.

⁶ Организация революционных народников “*Земля и воля*” образовалась осенью 1876 года в Петербурге; первоначально называлась “Северная революционно-народническая группа”, с 1878 года известна как общество “*Земля и воля*”. Ее членами были Марк и Ольга Натансоны, Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, А. Д. и А. Ф. Михайловы, А. А. Квятковский, М. Р. Попов, С. М. Кравчинский, Д. А. Клеменц, А. Д. Оболевешев, С. Л. Перовская и другие выдающиеся революционеры-семидесятники. Не отказываясь от социализма как конечной цели, организация “*Земля и воля*” ближайшей целью выдвигала осуществление “народных требований, каковы они есть в данную минуту”, т. е. требований “земли и воли”. “Само собой разумеется, — говорилось в ее программе, — что эта формула может быть воплощена в жизнь только путем насильственного переворота”, для подготовки которого выдвигались задачи возбуждения “народного недовольства” и “дезорганизации силы государства”. Для агитации среди крестьян землевольцы организовывали деревенские “поселения”, главным образом в земледельческих губерниях Поволжья и черноземного Центра. Они вели также агитационную работу среди рабочих и учащейся молодежи. 6 (18) декабря 1876 года землевольцы организовали известную демонстрацию на Казанской площади в Петербурге. Хотя землевольцы и были связаны с некоторыми рабочими кружками, но они не могли и не хотели возглавить рабочее движение, отрицая, подобно другим народникам, передовую роль рабочего класса. Они не понимали и значения политической борьбы, которая по их мнению отвлекала силы революционеров и могла ослабить их связь с народом.

В отличие от народнических групп первой половины 70-х годов землевольцы создали стройную организацию, в основу которой были положены принципы строгой централизации и дисциплины. Организация состояла из “основного кружка” и территориальных и специальных групп (для работы в крестьянстве и среди рабочих, “дезорганизаторских” и пр.); во главе “основного кружка” стояла “администрация” (“комиссия”), которая контролировала деятельность групп, снабжала их литературой, средствами и т. п. Устав общества, принятый зимой 1876—1877 года, требовал подчинения меньшинства большинству; безусловного принесения каждым членом на пользу организации “всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже самой жизни”; соблюдения полнейшей тайны относительно всех внутренних дел организации и т. п. В 1878—1879 годах землевольцами было издано 5 номеров журнала “*Земля и Воля*”.

К 1879 году, под влиянием неуспеха социалистической агитации среди крестьян и усилившихся правительственных репрессий, большинство землевольцев стало склоняться к политическому террору как основному методу борьбы за осуществление своей программы. Разногласия между сторонниками старой тактики (во главе с Г. В. Плехановым) и сторонниками террора (А. И. Желябов и др.) привели к расколу “*Земли и воли*” на Воронежском съезде (июнь 1879 года); первые организовали общество “*Черный передел*”, вторые — “*Народная воля*”.

Чернопередельцы (Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, В. И. Засулич, О. В. Аптекман, В. Н. Игнатов, А. П. Буланов и др.) в своих программных требованиях отстаивали в основном платформу “*Земли и воли*”. В России и за границей (куда в 1880 году эмигрировали Плеханов, Дейч, Засулич, Стефанович и др.) издавались журнал “*Черный Передел*” и газета “*Зерно*”. Впоследствии часть чернопередельцев эволюционировала к марксизму (Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов создали в 1883 году первую русскую марксистскую организацию — группу “*Освобождение труда*”), другие, после 1 марта 1881 года (убийство Александра II), примкнули к народокольцам.

⁷ “*Народная воля*” — тайная политическая организация народников-террористов, возникшая в августе 1879 года в результате раскола народнической организации “*Земля и воля*”. Во главе “*Народной воли*” стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л.

Перовская, А. А. Квятковский и др. Оставаясь на позициях народнического утопического социализма, народовольцы, вместе с тем, встали на путь политической борьбы, считая важнейшей задачей свержение самодержавия и завоевание политической свободы. Их программа предусматривала организацию “постоянного народного представительства”, избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу, разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. “Народовольцы, — писал В. И. Ленин, — сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось” (Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 54).

Народовольцы вели героическую борьбу против царского самодержавия. Но, исходя из ошибочной теории об “активных” героях и “пассивной” толпе, они рассчитывали добиться переустройства общества без участия народа, своими силами, путем индивидуального террора, устрашения и дезорганизации правительства. После 1 марта 1881 года правительство жестокими преследованиями, казнями и провокацией разгромило организацию “Народной воли”.

Неоднократные попытки возродить “Народную волю”, предпринимавшиеся на протяжении 80-х годов, были безрезультатны. Так, в 1886 году возникла группа, возглавляемая А. И. Ульяновым (братом В. И. Ленина) и П. Я. Шевыревым, разделявшая традиции “Народной воли”. После неудачной попытки организовать покушение на Александра III в 1887 году группа была раскрыта и активные участники ее казнены.

Критикуя ошибочную, утопическую программу народовольцев, В. И. Ленин в то же время с большим уважением отзывался о самоотверженной борьбе членов “Народной воли” с царизмом. В 1899 году, в “Протесте российских социал-демократов”, он указывал, что “деятели старой “Народной воли” сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория” (Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 176).

⁸ Имеется в виду возникший в 1900 году в Гамбурге инцидент в связи с поведением группы 122 каменщиков, которые, образовав “Свободный союз каменщиков”, занимались во время стачки сдельной работой вопреки запрещению центрального объединения. Гамбургское отделение объединения каменщиков поставило вопрос о штрейкбрехерском поведении социал-демократов, членов группы, в местных партийных организациях, которые передали этот вопрос для разбора в ЦК Германской социал-демократии. Назначенный ЦК партийный третейский суд осудил поведение социал-демократов, членов “Свободного союза каменщиков”, но отверг предложение об исключении их из партии.

⁹ В отвергнутой съездом резолюции С. Зборовского (Костича) предлагалась следующая формулировка § 1 устава партии: “Всякий, признающий программу партии и оказывающий помощь материальными средствами и личное регулярное содействие партии под руководством одной из партийных организаций, считается последней членом партии” (“Второй съезд РСДРП. Протоколы”. М., 1959, стр. 281).

¹⁰ Членов организации “Искры” на II съезде РСДРП было 16, из них сторонников большинства во главе с Лениным — 9 (В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Н. К. Крупская, Р. С. Землячка, Л. М. Книпович, Н. Э. Бауман, Д. И. Ульянов, П. А. Красиков, В. А. Носков) и сторонников меньшинства во главе с Мартовым — 7 (Л. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, Л. Д. Троцкий, В. Н. Крохмаль).

¹¹ *Авгиевы конюшни* — согласно греческой мифологии, обширные конюшни царя Элиды Авгия, которые в продолжение многих лет не убирались и были вычищены

ГЕРОЕМ ГЕРАКЛОМ, СОВЕРШИВШИМ ЭТОТ ПОДВИГ В ОДИН ДЕНЬ. ВЫРАЖЕНИЕ “АВГИЕВЫ КОНЮШНИ” — СИНОНИМ СКОПЛЕНИЯ ВСЯКОГО МУСОРА И ГРЯЗИ ИЛИ КРАЙНЕЙ ЗАПУЩЕННОСТИ И БЕСПОРЯДКА В ДЕЛАХ.

12 *Съезд германской социал-демократии 1895 года* проходил в Бреслау с 6 по 12 октября (н. ст.). В центре внимания съезда было обсуждение проекта аграрной программы, которую предложила созданная по решению Франкфуртского съезда 1894 года аграрная комиссия. Проект аграрной программы содержал серьезные ошибки, в частности в нем сказалась тенденция превратить пролетарскую партию в “общенародную”. Этот проект, помимо оппортунистов, защищали также А. Бебель и В. Либкнехт, за что **их** на съезде 1895 года осудили товарищи по партии. Проект аграрной программы на съезде был подвергнут резкой критике со стороны К. Каутского, К. Цеткин и ряда других социал-демократов. Съезд большинством голосов (158 против 63) отверг предложенный комиссией проект аграрной программы.

13 Это слова Маргариты из “Фауста” Гёте (Маргарита упрекает Фауста за его дружбу с Мефистофелем), которые К. Цеткин привела по памяти в своем выступлении на съезде германской социал-демократии.

14 Имеется в виду статья П. Аксельрода “Объединение российской социал-демократии и ее задачи” (“Искра” № 55 от 15 декабря 1903 года), направленная против организационных принципов большевизма.

15 Речь идет о Г. М. Кржижановском.

16 В. И. Ленин имеет в виду выступление на II съезде РСДРП “экономиста” В. П. Акимова, который, критикуя предложенный “Искрой” проект программы партии, протестовал против того, что слово “пролетариат” стоит в программе не как подлежащее, а как дополнение. В этом, по мнению Акимова, якобы проявилась тенденция обособить партию от интересов пролетариата.

17 *Гора и Жиронда* — название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Горой—якобинцами—называли наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии, — отстаивавших необходимость уничтожения абсолютизма и феодализма. Жирондисты, в отличие от якобинцев, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией.

“Социалистической Жирондой” Ленин называл оппортунистическое течение в социал-демократии; пролетарскими якобинцами, “Горой” — революционных социал-демократов. После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков Ленин часто подчеркивал, что меньшевики представляют собой жирондистское течение в рабочем движении.

18 *Петербургская “Рабочая организация”* — организация “экономистов”, возникла летом 1900 года. Осенью 1900 года произошло слияние “Рабочей организации” с петербургским “Союзом борьбы за освобождение рабочего класса”, который был признан Петербургским комитетом РСДРП. После победы искровского направления в петербургской партийной организации часть петербургских социал-демократов, находившихся под влиянием сторонников “экономизма”, осенью 1902 года откололась от Петербургского комитета и воссоздала самостоятельную “Рабочую организацию”. Комитет “Рабочей организации” занял враждебную позицию по отношению к ленинской “Искре” и ее организационному плану построения марксистской партии. Противопоставляя себя партии, комитет “Рабочей организации” демагогически заявлял, что самым важным условием развития рабочего движения и успеха борьбы является самостоятельность рабочего класса.

Против решений комитета “Рабочей организации”, самовольно выступившего от имени петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”, протестовал ряд местных организаций РСДРП. В начале 1904 года, после II съезда партии, “Рабочая организация” прекратила свое существование, влившись в общепартийную организацию.

19 *Новый член ЦК* - Ф.В.Ленгник, в сентябре 1903 года прибывший из России в Женеву.

20 Вероятно, речь идет о двух предместьях Женевы Carouge и Cluse, где жили сторонники большинства и меньшинства.

21 *Базаров* — главное действующее лицо романа И. С. Тургенева “Отцы и дети”.

22 Речь идет о Ф. В. Ленгнике.

23 Имеются в виду статьи Г. В. Плеханова “ЗАБАВНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ” (“ИСКРА” № 55 от 15 декабря 1903 года) и “ГРУСТНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ” (“ИСКРА” № 57 от 15 января 1904 года).

24 Имеются в виду взгляды виднейшего представителя “ЛЕГАЛЬНОГО МАРКСИЗМА” П. Б. Струве, который в 1894 году выступил с книгой “КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ”. УЖЕ В ЭТОЙ РАННЕЙ РАБОТЕ СТРУВЕ ОТЧЕТЛИВО ПРОЯВИЛИСЬ ЕГО БУРЖУАЗНО-АПОЛОГЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ.

Против взглядов Струве и других “ЛЕГАЛЬНЫХ МАРКСИСТОВ” ОСЕНЬЮ 1894 ГОДА В ПЕТЕРБУРГСКОМ КРУЖКЕ МАРКСИСТОВ ВЫСТУПИЛ В. И. ЛЕНИН С РЕФЕРАТОМ ПОД НАЗВАНИЕМ “ОТРАЖЕНИЕ МАРКСИЗМА В БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ”. ЭТОТ РЕФЕРАТ ПОСЛУЖИЛ ЗАТЕМ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ СТАТЬИ ЛЕНИНА “ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАРОДНИЧЕСТВА И КРИТИКА ЕГО В КНИГЕ Г. СТРУВЕ”, НАПИСАННОЙ В КОНЦЕ 1894 — НАЧАЛЕ 1895 ГОДА (СМ. СОЧИНЕНИЯ, 5 ИЗД., ТОМ 1, СТР. 347—534).

25 Имеется в виду статья Л. Мартова в “ИСКРЕ” “ТАК ЛИ МЫ ГОТОВИМСЯ?”, В КОТОРОЙ ОН ВЫСТУПИЛ ПРОТИВ ПОДГОТОВКИ ВСЕРОССИЙСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ, РАССМАТРИВАЯ ПОДГОТОВКУ К ТАКОМУ ВОССТАНИЮ КАК УТОПИЮ И ЗАГОВОРЩИЧЕСТВО.

26 В. И. Ленин приводит здесь слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова “Журналист, читатель и писатель” (СМ. М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах, т. 2, 1954, стр. 147).

27 Слова из сатирического “Гимна новейшего русского социалиста”, опубликованного в “Заре” № 1 (апрель 1901 года) за подписью “Нарцис Тупорылов”. В стихотворении высмеивались “экономисты” с их приспособлением к стихийному движению. Автором “Гимна новейшего русского социалиста” был Л. Мартов.

28 Имеется в виду напечатанная 25 февраля 1904 года в “ИСКРЕ” статья Л. Мартова “На очереди”. В этой статье Мартов ратовал за “независимость” местных партийных комитетов от ЦК РСДРП в решении вопроса о личном составе местных комитетов и напал на Московский комитет, который при обсуждении этого вопроса принял резолюцию о подчинении МК всем распоряжениям Центрального Комитета на основании § 9 устава партии.

29 *Дрезденский съезд Германской социал-демократии* состоялся 13-20 сентября (н. ст.) 1903 года. В центре внимания съезда стоял вопрос о тактике партии и о борьбе с ревизионизмом. На съезде были подвергнуты критике ревизионистские взгляды Э. Бернштейна, П. Гере, Э. Давида, В. Гейне и некоторых других немецких социал-демократов. В принятой съездом подавляющим большинством голосов (288

ПРОТИВ 11) РЕЗОЛЮЦИИ ГОВОРИЛОСЬ: "ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД ОСУЖДАЕТ САМЫМ РЕШИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ РЕВИЗИОНИСТСКИЕ СТРЕМЛЕНИЯ ИЗМЕНИТЬ НАШУ ИСПЫТАННУЮ, УВЕНЧАВШУЮСЯ ПОБЕДАМИ, ОСНОВАННУЮ НА КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ ТАКТИКУ, В ТОМ СМЫСЛЕ, ЧТОБЫ НА МЕСТО ЗАВОЕВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ПУТЕМ НИСПРОВЕРЖЕНИЯ НАШИХ ПРОТИВНИКОВ БЫЛА ПОСТАВЛЕНА ПОЛИТИКА УСТУПЧИВОСТИ В ОТНОШЕНИИ СУЩЕСТВУЮЩЕГО СТРОЯ" (СМ. "PROTOKOLL UEBER DIE VERHANDLUNGEN DES PARTEITAGES DER SOZIALDEMOKRATISCHEN PARTEI DEUTSCHLANDS. ABGEHALTEN ZU DRESDEN VOM 13. BIS 20. SEPTEMBER 1903". BERLIN, 1903, S. 418). ПРИНЯТИЕ ТАКОЙ РЕЗОЛЮЦИИ ИМЕЛО ОПРЕДЕЛЕННОЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. ОДНАКО В БОРЬБЕ С РЕВИЗИОНИЗМОМ СЪЕЗД НЕ ПРОЯВИЛ ДОСТАТОЧНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ: РЕВИЗИОНИСТЫ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ НЕ БЫЛИ ИСКЛЮЧЕНЫ ИЗ ПАРТИИ И ПОСЛЕ СЪЕЗДА ПРОДОЛЖАЛИ ПРОПАГАНДУ СВОИХ ОППОРТУНИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ.

30 "*Sozialistische Monatshefte*" ("Социалистический Ежемесячник") — журнал, главный орган немецких оппортунистов и один из органов международного оппортунизма. Выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. Во время первой мировой войны (1914—1918) занимал социал-шовинистскую позицию.

31 "*Frankfurter Zeitung*" ("Франкфуртская Газета") — ежедневная газета, орган крупных немецких биржевиков, издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1856 по 1943 год. Вновь начала выходить с 1949 года под названием "Франкфуртская Всеобщая Газета" ("Frankfurter Allgemeine Zeitung"); является рупором западногерманских монополистов.

32 "*Министералистская*" тактика, "министерализм" (или "министерский социализм", тоже "мильеранизм") — оппортунистическая тактика участия социалистов в буржуазных реакционных правительствах. Термин возник в связи с вступлением в 1899 году французского социалиста Мильерана в состав буржуазного правительства Вальдека-Руссо.

33 Имеется в виду написанная Л. Мартовым шуточная "Краткая конституция РСДРП", помещенная в приложении к его статье "На очереди" ("Искра" № 58 от 25 января 1904 года). Иронизируя по поводу организационных принципов большевизма и жалуясь на якобы несправедливое отношение к меньшевикам, Мартов в своей "конституции" писал о "заезжателях" и "заезжаемых", подразумевая большевиков и меньшевиков.

Книгу "*ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД (КРИЗИС В НАШЕЙ ПАРТИИ)*" В. И. Ленин готовил в течение нескольких месяцев, тщательно изучая изданные в январе 1904 года протоколы заседаний и резолюции II съезда РСДРП, выступления каждого делегата, сложившиеся на съезде политические группировки, а также документы ЦК и Совета партии. В настоящем томе в разделе "Подготовительные материалы" приводятся ленинские документы ("Набросок конспекта протоколов II съезда РСДРП", "Характеристика делегатов по протоколам", "Группировки и типы голосований на II съезде РСДРП" и др.), свидетельствующие о большом объеме подготовительной исследовательской работы, которую проделал Ленин при создании книги "ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД". В апреле 1904 года наступает завершающая стадия работы над книгой "ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД". 8 апреля (н. ст.) Н. К. Крупская в письме одному из членов Нижегородского комитета сообщала: "В конце этого месяца будет готова брошюра Ленина (увесистая, листов 8—9) о съезде и положении дел в партии. Она, надо думать, вполне выяснит позицию большинства, у меня даже есть надежда, что она рассеет несколько ту теоретическую сумятицу, которая теперь царит в партии" (Ленинский сборник XV, стр. 15). В мае 1904 года книга Ленина вышла из печати.

В этом произведении Ленин нанес сокрушительный удар оппортунизму меньшевиков в организационных вопросах. Огромное историческое значение книги состоит прежде всего в том, что в ней Ленин, развивая дальше марксистское учение о партии, разработал организационные принципы пролетарской революционной партии; впервые в истории марксизма дал исчерпывающую критику организационного оппортунизма, показав особую

опасность принижения значения организации для рабочего движения.

Книга вызвала злобные нападки со стороны меньшевиков. Плеханов потребовал от ЦК отмежеваться от книги Ленина, а примиренцы в ЦК пытались задержать ее печатание и распространение.

Вопреки всем стараниям оппортунистов, работа Ленина “Шаг вперед, два шага назад” получила широкое распространение среди передовых рабочих России. По данным департамента полиции эту книгу находили при арестах и обысках в Москве, Петербурге, Киеве, Риге, Саратове, Туле, Орле, Уфе, Перми, Костроме, Щиграх, Шавлях (Ковенской губ.) и др.

Книга “Шаг вперед, два шага назад” была вновь издана Лениным в сборнике “За 12 лет” в 1907 (на титульном листе: 1908) году. В предисловии к этому сборнику Ленин писал: “Брошюра “Шаг вперед, два шага назад” вышла в Женеве летом 1904 года. Она описывает первую стадию раскола между меньшевиками и большевиками, начавшегося на втором съезде (август 1903 года)... Существенным кажется мне здесь анализ борьбы тактических и других взглядов на втором съезде и полемика с организационными взглядами меньшевиков: то и другое необходимо для понимания меньшевизма и большевизма, как течений, наложивших свой отпечаток на всю деятельность рабочей партии в нашей революции” (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 92).

В настоящем томе текст работы печатается по первому изданию книги 1904 года, сверенному с ленинской рукописью, с сохранением внесенных автором дополнений к изданию 1907 года.

² *Конференция 1902 года* — конференция представителей комитетов и организаций РСДРП, состоялась 23—28 марта (5—10 апреля) 1902 года в Белостоке. На конференции были представлены Петербургский и Екатеринославский комитеты РСДРП, “Союз южных комитетов и организаций РСДРП”, ЦК Бунда и его Заграничный комитет, “Союз русских социал-демократов за границей” и редакция “Искры” (ее представитель, Ф. И. Дан, имел мандат от “Заграничной лиги русской революционной социал-демократии”). По вине организаторов конференции — “экономистов” делегат редакции “Искры” Дан опоздал к началу конференции, а представитель русской организации “Искры” Ф. В. Ленгник вообще не попал на конференцию, хотя в Белосток приехал своевременно; представитель Нижегородского комитета (искровского направления) А. И. Пискунов, приехавший в Белосток раньше Дана, заявил протест по поводу отсутствия на конференции представителей организаций искровского направления и вскоре уехал. “Экономисты” и поддерживавшие их бундовцы намеревались превратить конференцию во II съезд РСДРП, рассчитывая укрепить таким путем свое положение в рядах русской социал-демократии и парализовать растущее влияние “Искры”. Эта попытка, однако, не удалась как из-за сравнительно узкого состава конференции (было представлено только четыре из действовавших в России организаций РСДРП), так и из-за обнаружившихся на конференции глубоких принципиальных разногласий; в частности, с резкими возражениями против превращения конференции в партийный съезд выступал делегат “Искры”, доказывая неправомочность и неподготовленность такого съезда.

На Белостокской конференции были приняты резолюции о конституировании и принципиальная резолюция, предложенная делегатом. ЦК Бунда, с поправками представителя “Союза южных комитетов и организаций РСДРП” (делегат “Искры”, предложивший свой проект принципиальной резолюции, голосовал против проекта бундовца); был также утвержден текст первомайского листка, в основу которого был положен проект, выработанный редакцией “Искры”. (См. “КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК”, ч. I, 1954, стр. 28—31.) Конференция избрала Организационный комитет для подготовки II съезда партии в составе представителей

“Искры” (Ф. И. Дан), “Союза южных комитетов и организаций РСДРП” (О. А. Ерманский) и ЦК Бунда (К. Портной). Вскоре после конференции большинство ее делегатов, в том числе два члена ОК, были арестованы полицией. Новый Организационный комитет для подготовки II съезда РСДРП был образован в ноябре 1902 года в Пскове на совещании представителей Петербургского комитета РСДРП, русской организации “Искры” и группы “Южный рабочий”.

³ “Рабочая мысль” — группа “экономистов”; издавала газету под тем же названием. Газета выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года; редактировалась К. М. Тахтаревым и др. Вышло 16 номеров.

Группа “Рабочая мысль” проповедовала откровенно оппортунистические взгляды. Она выступала против политической борьбы рабочего класса, ограничивая его задачи “интересами минуты”, требованиями отдельных частных реформ, главным образом экономического характера. Преклоняясь перед стихийностью рабочего движения, представители “Рабочей мысли” выступали против создания самостоятельной пролетарской партии. Они принижали значение революционной теории, сознательности, утверждали, что социалистическая идеология может возникнуть из стихийного движения.

Критику взглядов группы “Рабочая мысль” как русской разновидности международного оппортунизма Ленин дал в статье “Попытное направление в русской социал-демократии”, в книге “Что делать?” (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 240—273 и том 6, стр. 1—192), а также в статьях, опубликованных в газете “Искра”.

⁴ Редакция меньшевистской “Искры” поместила в приложении к № 57 “Искры” от 15 января 1904 года статью бывшего “экономиста” А. Мартынова, в которой тот выступал против организационных принципов большевизма и делал выпады в отношении В. И. Ленина. В примечании к статье Мартынова редакция “Искры”, делая формальную оговорку о несогласии с некоторыми мыслями автора, в целом одобрила эту статью и согласилась с основными положениями Мартынова.

⁵ См. “КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК”, ч. I, 1954, стр. 43.

⁶ Организация революционных народников “Земля и воля” образовалась осенью 1876 года в Петербурге; первоначально называлась “Северная революционно-народническая группа”, с 1878 года известна как общество “Земля и воля”. Ее членами были Марк и Ольга Натансоны, Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, А. Д. и А. Ф. Михайловы, А. А. Квятковский, М. Р. Попов, С. М. Кравчинский, Д. А. Клеменц, А. Д. Обошешев, С. Л. Перовская и другие выдающиеся революционеры-семидесятники. Не отказываясь от социализма как конечной цели, организация “Земля и воля” ближайшей целью выдвигала осуществление “народных требований, каковы они есть в данную минуту”, т. е. требований “земли и воли”. “Само собой разумеется, — говорилось в ее программе, — что эта формула может быть воплощена в жизнь только путем насильственного переворота”, для подготовки которого выдвигались задачи возбуждения “народного недовольства” и “дезорганизации силы государства”. Для агитации среди крестьян землеvolьцы организовывали деревенские “поселения”, главным образом в земледельческих губерниях Поволжья и черноземного Центра. Они вели также агитационную работу среди рабочих и учащейся молодежи. 6 (18) декабря 1876 года землеvolьцы организовали известную демонстрацию на Казанской площади в Петербурге. Хотя землеvolьцы и были связаны с некоторыми рабочими кружками, но они не могли и не хотели возглавить рабочее движение, отрицая, подобно другим народникам, передовую роль рабочего класса. Они не понимали и значения политической борьбы, которая по их мнению отвлекала силы революционеров и могла ослабить их связь с народом.

В отличие от народнических групп первой половины 70-х годов землевольцы создали стройную организацию, в основу которой были положены принципы строгой централизации и дисциплины. Организация состояла из “основного кружка” и территориальных и специальных групп (для работы в крестьянстве и среди рабочих, “дезорганизаторских” и пр.); во главе “основного кружка” стояла “администрация” (“комиссия”), которая контролировала деятельность групп, снабжала их литературой, средствами и т. п. Устав общества, принятый зимой 1876—1877 года, требовал подчинения меньшинства большинству; безусловного принесения каждым членом на пользу организации “всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже самой жизни”; соблюдения полнейшей тайны относительно всех внутренних дел организации и т. п. В 1878—1879 годах землевольцами было издано 5 номеров журнала “Земля и Воля”.

К 1879 году, под влиянием неуспеха социалистической агитации среди крестьян и усилившихся правительственных репрессий, большинство землевольцев стало склоняться к политическому террору как основному методу борьбы за осуществление своей программы. Разногласия между сторонниками старой тактики (во главе с Г. В. Плехановым) и сторонниками террора (А. И. Желябов и др.) привели к расколу “Земли и воли” на Воронежском съезде (июнь 1879 года); первые организовали общество “Черный передел”, вторые — “Народная воля”.

ЧЕРНОПЕРЕДЕЛЬЦЫ (Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, В. И. Засулич, О. В. Аптекман, В. Н. Игнатов, А. П. Буланов и др.) в своих программных требованиях отстаивали в основном платформу “Земли и воли”. В России и за границей (куда в 1880 году эмигрировали Плеханов, Дейч, Засулич, Стефанович и др.) издавались журнал “Черный передел” и газета “Зерно”. Впоследствии часть чернопередельцев эволюционировала к марксизму (Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч и Игнатов создали в 1883 году первую русскую марксистскую организацию — группу “Освобождение труда”), другие, после 1 марта 1881 года (убийство Александра II), примкнули к народовольцам.

⁷ “НАРОДНАЯ ВОЛЯ” — тайная политическая организация народников-террористов, возникшая в августе 1879 года в результате раскола народнической организации “Земля и воля”. Во главе “Народной воли” стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, А. А. Квятковский и др. Оставаясь на позициях народнического утопического социализма, народовольцы, вместе с тем, встали на путь политической борьбы, считая важнейшей задачей свержение самодержавия и завоевание политической свободы. Их программа предусматривала организацию “постоянного народного представительства”, избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу, разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. “Народовольцы, — писал В. И. Ленин, — сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось” (Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 54).

Народовольцы вели героическую борьбу против царского самодержавия. Но, исходя из ошибочной теории об “активных” героях и “пассивной” толпе, они рассчитывали добиться переустройства общества без участия народа, своими силами, путем индивидуального террора, устрашения и дезорганизации правительства. После 1 марта 1881 года правительство жестокими преследованиями, казнями и провокацией разгромило организацию “Народной воли”.

Неоднократные попытки возродить “Народную волю”, предпринимавшиеся на протяжении 80-х годов, были безрезультатны. Так, в 1886 году возникла группа, возглавляемая А. И. Ульяновым (братом В. И. Ленина) и П. Я. Шевыревым, разделявшая традиции “Народной воли”. После неудачной попытки организовать покушение на

Александра III в 1887 году группа была раскрыта и активные участники ее казнены.

Критикуя ошибочную, утопическую программу народовольцев, В. И. Ленин в то же время с большим уважением отзывался о самоотверженной борьбе членов “Народной воли” с царизмом. В 1899 году, в “Протесте российских социал-демократов”, он указывал, что “деятели старой “Народной воли” сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория” (Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 176).

⁸ Имеется в виду возникший в 1900 году в Гамбурге инцидент в связи с поведением группы 122 каменщиков, которые, образовав “Свободный союз каменщиков”, занимались во время стачки сдельной работой вопреки запрещению центрального объединения. Гамбургское отделение объединения каменщиков поставило вопрос о штрейкбрехерском поведении социал-демократов, членов группы, в местных партийных организациях, которые передали этот вопрос для разбора в ЦК германской социал-демократии. Назначенный ЦК партийный третейский суд осудил поведение социал-демократов, членов “Свободного союза каменщиков”, но отверг предложение об исключении их из партии.

⁹ В отвергнутой съездом резолюции С. Зборовского (Костича) предлагалась следующая формулировка § 1 устава партии: “Всякий, признающий программу партии и оказывающий помощь материальными средствами и личное регулярное содействие партии под руководством одной из партийных организаций, считается последней членом партии” (“Второй съезд РСДРП. Протоколы”. М., 1959, стр. 281).

¹⁰ Членов организации “Искры” на II съезде РСДРП было 16, из них сторонников большинства во главе с Лениным — 9 (В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Н. К. Крупская, Р. С. Землячка, Л. М. Книпович, Н. Э. Бауман, Д. И. Ульянов, П. А. Красиков, В. А. Носков) и сторонников меньшинства во главе с Мартовым — 7 (Л. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, Л. Д. Троцкий, В. Н. Крохмаль).

¹¹ *Авгиевы конюшни* — согласно греческой мифологии, обширные конюшни царя Элиды Авгия, которые в продолжение многих лет не убирались и были вычищены героем Гераклом, совершившим этот подвиг в один день. Выражение “Авгиевы конюшни” — синоним скопления всякого мусора и грязи или крайней запущенности и беспорядка в делах.

¹² *Съезд германской социал-демократии 1895 года* проходил в Бреслау с 6 по 12 октября (н. ст.). В центре внимания съезда было обсуждение проекта аграрной программы, которую предложила созданная по решению Франкфуртского съезда 1894 года аграрная комиссия. Проект аграрной программы содержал серьезные ошибки, в частности в нем сказались тенденция превратить пролетарскую партию в “общенародную”. Этот проект, помимо оппортунистов, защищали также А. Бебель и В. Либкнехт, за что **их** на съезде 1895 года осудили товарищи по партии. Проект аграрной программы на съезде был подвергнут резкой критике со стороны К. Каутского, К. Цеткин и ряда других социал-демократов. Съезд большинством голосов (158 против 63) отверг предложенный комиссией проект аграрной программы.

¹³ Это слова Маргариты из “Фауста” Гёте (Маргарита упрекает Фауста за его дружбу с Мефистофелем), которые К. Цеткин привела по памяти в своем выступлении на съезде германской социал-демократии.

¹⁴ ИМЕЕТСЯ В ВИДУ СТАТЬЯ П. АКСЕЛЬРОДА “ОБЪЕДИНЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ И ЕЕ ЗАДАЧИ” (“ИСКРА” № 55 ОТ 15 ДЕКАБРЯ 1903 ГОДА), НАПРАВЛЕННАЯ ПРОТИВ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ БОЛЬШЕВИЗМА.

15 Речь идет о Г. М. Кржижановском.

16 В. И. Ленин имеет в виду выступление на II съезде РСДРП “экономиста” В. П. Акимова, который, критикуя предложенный “Искрой” проект программы партии, протестовал против того, что слово “пролетариат” стоит в программе не как подлежащее, а как дополнение. В этом, по мнению Акимова, якобы проявилась тенденция обособить партию от интересов пролетариата.

17 *Гора и Жиронда* — название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Горой—якобинцами—называли наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии, — отстаивавших необходимость уничтожения абсолютизма и феодализма. Жирондисты, в отличие от якобинцев, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией.

“Социалистической Жирондой” Ленин называл оппортунистическое течение в социал-демократии; пролетарскими якобинцами, “Горой” — революционных социал-демократов. После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков Ленин часто подчеркивал, что меньшевики представляют собой жирондистское течение в рабочем движении.

18 *ПЕТЕРБУРГСКАЯ “РАБОЧАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ”* — организация “экономистов”, возникла летом 1900 года. Осенью 1900 года произошло слияние “Рабочей организации” с петербургским “Союзом борьбы за освобождение рабочего класса”, который был признан Петербургским комитетом РСДРП. После победы искровского направления в петербургской партийной организации часть петербургских социал-демократов, находившихся под влиянием сторонников “экономизма”, осенью 1902 года откололась от Петербургского комитета и воссоздала самостоятельную “Рабочую организацию”. Комитет “Рабочей организации” занял враждебную позицию по отношению к ленинской “Искре” и ее организационному плану построения марксистской партии. Противопоставляя себя партии, комитет “Рабочей организации” демагогически заявлял, что самым важным условием развития рабочего движения и успеха борьбы является самостоятельность рабочего класса. Против решений комитета “Рабочей организации”, самовольно выступившего от имени петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”, протестовал ряд местных организаций РСДРП. В начале 1904 года, после II съезда партии, “Рабочая организация” прекратила свое существование, влившись в общепартийную организацию.

19 *Новый член ЦК* - Ф.В.Ленгник, в сентябре 1903 года прибывший из России в Женеву.

20 Вероятно, речь идет о двух предместьях Женевы Carouge и Cluse, где жили сторонники большинства и меньшинства.

21 *БАЗАРОВ* — главное действующее лицо романа И. С. Тургенева “Отцы и дети”.

22 Речь идет о Ф. В. Ленгнике.

23 Имеются в виду статьи Г. В. Плеханова “Забавное недоразумение” (“Искра” № 55 от 15 декабря 1903 года) и “Грустное недоразумение” (“Искра” № 57 от 15 января 1904 года).

24 Имеются в виду взгляды виднейшего представителя “легального марксизма” П. Б. Струве, который в 1894 году выступил с книгой “Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России”. Уже в этой ранней работе Струве отчетливо проявились

его буржуазно-апологетические воззрения.

Против взглядов Струве и других “легальных марксистов” осенью 1894 года в петербургском кружке марксистов выступил В. И. Ленин с рефератом под названием “Отражение марксизма в буржуазной литературе”. Этот реферат послужил затем основанием для статьи Ленина “Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве”, написанной в конце 1894 — начале 1895 года (см. Сочинения, 5 изд., том 1, стр. 347—534).

25 Имеется в виду статья Л. Мартова в “Искре” “Так ли мы готовимся?”, в которой он выступил против подготовки всероссийского вооруженного восстания, рассматривая подготовку к такому восстанию как утопию и заговорщичество.

26 В. И. Ленин приводит здесь слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова “Журналист, читатель и писатель” (см. М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах, т. 2, 1954, стр. 147).

27 Слова из сатирического “Гимна новейшего русского социалиста”, опубликованного в “Заре” № 1 (апрель 1901 года) за подписью “Нарцис Тупорылов”. В стихотворении высмеивались “экономисты” с их приспособлением к стихийному движению. Автором “Гимна новейшего русского социалиста” был Л. Мартов.

28 Имеется в виду напечатанная 25 февраля 1904 года в “Искре” статья Л. Мартова “На очереди”. В этой статье Мартов ратовал за “независимость” местных партийных комитетов от ЦК РСДРП в решении вопроса о личном составе местных комитетов и нападал на Московский комитет, который при обсуждении этого вопроса принял резолюцию о подчинении МК всем распоряжениям Центрального Комитета на основании § 9 устава партии.

29 *Дрезденский съезд германской социал-демократии* состоялся 13-20 сентября (н. ст.) 1903 года. В центре внимания съезда стоял вопрос о тактике партии и о борьбе с ревизионизмом. На съезде были подвергнуты критике ревизионистские взгляды Э.Бернштейна, П.Гере, Э.Давида, В.Гейне и некоторых других немецких социал-демократов. В принятой съездом подавляющим большинством голосов (288 против 11) резолюции говорилось: “Партийный съезд осуждает самым решительным образом ревизионистские стремления изменить нашу испытанную, увенчавшуюся победами, основанную на классовой борьбе тактику, в том смысле, чтобы на место завоевания политической власти путем ниспровержения наших противников была поставлена политика уступчивости в отношении существующего строя” (см. “Protokoll ueber die Verhandlungen des Parteitagess der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Dresden vom 13. Bis 20. September 1903”. Berlin, 1903, S. 418). Принятие такой резолюции имело определенное положительное значение. Однако в борьбе с ревизионизмом съезд не проявил достаточной последовательности: ревизионисты германской социал-демократии не были исключены из партии и после съезда продолжали пропаганду своих оппортунистических взглядов.

30 “*Sozialistische Monatshefte*” (“Социалистический Ежемесячник”) — журнал, главный орган немецких оппортунистов и один из органов международного оппортунизма. Выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. Во время первой мировой войны (1914—1918) занимал социал-шовинистскую позицию.

31 “*Франкфуртская Газета*” (“Frankfurter Zeitung”) — ежедневная газета, орган крупных немецких биржевиков, издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1856 по 1943 год. Вновь начала выходить с 1949 года под названием “Франкфуртская Всеобщая Газета” (“Frankfurter Allgemeine Zeitung”); является рупором западногерманских монополистов.

32 “*Министериалистская*” тактика, “министериализм” (или “министерский

социализм”, тоже “мильеранизм”) — оппортунистическая тактика участия социалистов в буржуазных реакционных правительствах. Термин возник в связи с вступлением в 1899 году французского социалиста Мильерана в состав буржуазного правительства Вальдека-Руссо.

33 Имеется в виду написанная Л. Мартовым шуточная “Краткая конституция РСДРП”, помещенная в приложении к его статье “На очереди” (“Искра” № 58 от 25 января 1904 года). Иронизируя по поводу организационных принципов большевизма и жалуясь на якобы несправедливое отношение к меньшевикам, Мартов в своей “конституции” писал о “заезжателях” и “заезжаемых”, подразумевая большевиков и меньшевиков.